

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

Научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" выходит в свет с 2006 года, с 2009 года издается ежеквартально.

Журнал зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77–30578 от 12.12.2007 г. ISSN 1998-6785.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет". Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Целью журнала является содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на ее основе регионоведческих исследований и региональной политики.

Среди основных задач нашего издания:

- мониторинг и критическая оценка текущих публикаций и научной жизни регионоведческого сообщества (в первую очередь, в рамках российского Дальнего Востока);
- организация дискуссии по теоретическим и методологическим проблемам регионоведения;
- представление мнений и рекомендаций ученых по актуальным прикладным проблемам регионального управления;
- пропаганда идей и методологии междисциплинарного синтеза;
- подготовка и доведение до научной аудитории программ фундаментальных и прикладных регионоведческих исследований и освещение результатов их выполнения.

Авторами и читателями нашего журнала являются преподаватели вузов и сотрудники академических учреждений как дальневосточного, так и других регионов России, а также учёные из стран Азиатско-Тихоокеанского региона и СНГ.

Журнал включает в себя следующие основные рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Дискуссия
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки, по которым издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 15.02.2023 года):

- 5.4.1. – Теория, методология и история социологии (социологические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (экономические науки)
- 5.4.2. – Экономическая социология (социологические науки)
- 5.4.4. – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (исторические науки)
- 5.5.1. – История и теория политики (политические науки)
- 5.5.2. – Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. – Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)
- 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

Журнал печатается во множительном участке ВВГУ. Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.

Вышло в свет 21.06.2023 г. Тираж 200 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, заведующий лабораторией комплексных исследований детства Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Ответственный редактор

Журбей Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Волыничук Андрей Борисович – доктор политических наук, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, профессор кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Григоричев Константин Вадимович – доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета (*г. Иркутск, Россия*).

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск, Россия*).

Дударёнок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток, Россия*).

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева (*г. Владивосток, Россия*).

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры японоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Кристоферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса (*г. Нанкин, КНР*).

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток, Россия*).

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (*г. Москва, Россия*).

Лексютин Яна Валерьевна – доктор политических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин Морской академии Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского (*г. Владивосток, Россия*).

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, заместитель директора по науке и инновациям Восточного института – Школы региональных и международных исследований, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Римская Татьяна Григорьевна – кандидат исторических наук (*г. Находка, Россия*).

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор академического департамента Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (*г. Санкт-Петербург, Россия*).

Хисамутдинова Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Владивостокского государственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, начальник научного управления Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета (*г. Владивосток, Россия*).

Шин Беом-Шик – Ph.D., профессор кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета (*г. Сеул, Республика Корея*).

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов (*г. Сираой, Япония*).

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток, Россия*).

The scientific-theoretical journal "Ojkumena. Regional Researches" has been published since 2006, since 2009 it has been published quarterly.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Mass Communications, Communications and Protection of Cultural Heritage. Registration certificate: PI № F577–30578, dated December 12, 2007. ISSN 1998-6785.

Founder and publisher: Federal state budgetary educational institution of the higher education "Vladivostok State University". Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

The main goal of the journal is to contribute to the development of a methodology for interdisciplinary synthesis of knowledge about regional (social-territorial) systems, as well as planning regional studies and regional policy based on it.

Among the main tasks of our journal:

- monitoring and critique of the current publications and research in the field of the regional studies (primarily, but not exclusively, the Russian Far East);
- initiating and supporting discussions on the theoretical and methodological issues of regional studies;
- presentation of opinions and recommendations of scientists on topical problems of regional management;
- advancement of the ideas and methodology of interdisciplinary research;
- development of the programs for fundamental and applied regional studies and publication of their results.

The authors and readers of our journal are university professors and members of academic institutions in both the Far East and other regions of Russia, as well as scientists from the countries of the Asia-Pacific region and the CIS.

The journal includes the following thematic sections:

- ◆ Theory and Methodology of Regional Studies
- ◆ Historical Regional Studies
- ◆ Economy and Nature
- ◆ Social and Demographic structures
- ◆ Cultural and Ideological Factors of Regionalization
- ◆ Political Relations and Management of the Region
- ◆ World System and International Regions
- ◆ Interdisciplinary and Systemic Research of the Region
- ◆ Region in the Documents and Testimonies
- ◆ Study of Science
- ◆ Discussion
- ◆ Reviews
- ◆ Scientific Life

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Scientific specialties and the corresponding branches of science, for which the publication is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science are to be published (as of 15.02.2023):

- 5.4.1. – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (economic sciences)
- 5.4.2. – Economic sociology (sociological sciences)
- 5.4.4. – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (historical sciences)
- 5.5.1. – History and theory of politics (political sciences)
- 5.5.2. – Political institutions, processes, technologies (political sciences)
- 5.5.3. – Public administration and sector policies (political sciences)
- 5.5.4. – International relations (political sciences)
- 5.6.1. – Domestic history (historical sciences).

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>. E-mail: ojkum@rambler.ru

The journal is printed in the copying section of VVSU. Address: 690014, Russia, Vladivostok, Gogolya St., 41.

Published 21.06.2023. Circulation 200 copies. The price is free.

Editor in Chief

Alexandra G. Filipova – Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Laboratory for Comprehensive Research of Childhood, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Executive Editor

Evgeny V. Zhurbey – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Viktor A. Burlakov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communication and Media, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Anna V. Vinokourova – Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Andrey B. Volynchuk – Doctor of Political Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Leading Researcher of the Department of International Relations of the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Konstantin V. Grigorichev – Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Research and International Activities, Irkutsk State University (*Irkutsk, Russia*).

Alexandr N. Demyanenko – Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (*Khabarovsk, Russia*).

Svetlana M. Dudaryonok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Ivan N. Zolotukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vadim N. Karaman – Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History (*Vladivostok, Russia*).

Anton A. Kireev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Vladimir V. Kozhevnikov – Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Gaye Christoffersen – Ph.D., Professor, John Hopkins University (*Nanjing, China*).

Anatolij M. Kuznetsov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Yurij V. Latushko – Candidate of Historical Sciences, Head of the Center for Island and Coastal Anthropology of APR, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (*Vladivostok, Russia*).

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychology, Professor, Head of Department of World Political Processes, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (*Moscow, Russia*).

Yana V. Leksytina – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University (*St. Petersburg, Russia*).

Denis A. Litoshenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Law Disciplines, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (*Vladivostok, Russia*).

Artyom L. Lukin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Tatyana G. Rims kaya – Candidate of Historical Sciences (*Nakhodka, Russia*).

Natalia P. Ryzhova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Primorsky Laboratory for Economic Development and Cooperation, Institute for Economic Research, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Professor, Academic Department, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

Sergej S. Sevastyanov – Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (*St. Petersburg, Russia*).

Natalya V. Khisamutdinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Intercultural Communication and Translation Studies, Vladivostok State University (*Vladivostok, Russia*).

Olga I. Shestak – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Scientific Department, Far Eastern State Technical Fisheries University (*Vladivostok, Russia*).

Beom-Shik Shin – Ph.D., Professor, Department of Political Science and International Relations, Seoul National University (*Seoul, Republic of Korea*).

Sasaki Shiro – Ph.D., Professor, Department of Advanced Studies in Anthropology, National Museum of Ethnology, Director of the National Museum of Ainu Culture (*Shiraoi, Japan*).

Sergej E. Yachin – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University (*Vladivostok, Russia*).

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2023

№ 2 (65)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ISSN 1998-6785

ТЕМА НОМЕРА: РОССИЯ В ПОСТИМПЕРСКОМ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ МИРЕ

- От редактора рубрики 9
- Ячин С. Е., Акулич Г. А., Забирова Н. В.,
Мальшев А. С., Тютченко Д. А., Филипов Н. С.**
Имперский канон и имперская идея в постимперской
перспективе 11
- Ткачев С. В.** Империя и колониализм
в современном мире 26
- Киреев А. А.** Пути политогенеза в XXI веке.
К эволюционной типологии государств 32
- Савченко А. Е.** Вызов пространства: абстрактная
геополитика, потенциал территории и историческая
колея дальневосточного приграничья в 1990-х гг.
(на примере Хасанского района) 48
- Куцаковский С. М., Пчелкина С. Ю.** Мягкая сила
государственных культурных фондов: "Британский
Совет", "Институт Конфуция", "Русский Мир" 57

Круглый стол

- Ардальянова А. Ю., Винокурова А. В.,
Ковалевский А. В., Сердюков К. Н., Яковлев А. И.**
Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России 69

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

- Устюгова О. А.** Кустарное солеварение на Дальнем
Востоке СССР в 1920-х гг.: особенности развития 77
- Зверков Е. А.** Самогонокурение в Воронежской
губернии в период НЭП 86
- Караман В. Н.** Историография темы русского
зарубежья (на основе публикаций в журналах "Россия
и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования" и
"Известия Восточного института"). Часть 1 94

ЭКОНОМИКА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Ващук А. С.** Сахалинские шельфовые проекты и
дискуссии в России о "Соглашениях разделенной
продукции" (1990-е гг.) 107
- Давыборец Е. Н.** Деятельность ТОР на современном
этапе: проблемы и пути совершенствования 121

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

- Захаров Т. А.** Образовательные стратегии
провинциальной молодежи в России 128

Владивосток
2023

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Самойленко П. Ю. Современное развитие Приморского края как транзитного логистического региона в условиях внешних санкций: информационно-имиджевый аспект **138**

Макеева С. Б. Межрегиональное российско-китайское сотрудничество: экспертный взгляд из регионов и городов России **147**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕГИОНЫ

Войтов С. А., Журбей Е. В. Институционализация аналитических центров Вьетнама и их роль в публичной политике. Часть 1 **157**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мунхбат Оролмаа, Винокурова А. В. "Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития" (о международном научном семинаре в столице Монголии) **171**

Адрес редакции: 692900, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

Электронная почта редакции: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В. Н. Караман

Графическое оформление: Я. А. Барбенко, В. Н. Караман, В. В. Постников.

Корректор: О. А. Золотухина

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Подписка на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования" принимается во всех почтовых отделениях.

Подписной индекс журнала – 79089.

Информация о статьях, опубликованных в журнале (с 2009 г.), размещается в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

scientific-
theoretical
journal

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ISSN 1998-6785

The Theme: Imperial Canon and Imperial Idea in a Post-Imperial Perspective

- From the editor of the heading 9
- Yachin S. E., Akulch G. A., Zabirowa N. V.,
Malyshev A. S., Tyutchenko D. A., Filipov N. S.**
Imperial canon and imperial idea
in a post-imperial perspective 11
- Tkachev S. V.** Empire and Colonialism
in the Modern World 26
- Kireev A. A.** Ways of politogenesis in the XXI century.
Toward an evolutionary typology of states 32
- Savchenko A. E.** Challenge of the Space: Abstract
Geopolitics, Territory Potential, and the Historical Track
of the Far Eastern Borderlands in the 1990s
(On the example of the Khasansky district) 48
- Kushchakovskii S. M., Pchelkina S. Yu.** Soft power
of state cultural funds: British Council, Confucius Institute,
Russian World 57

Round Table

- Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V.,
Kovalevsky A. V., Serdyukov K. N., Yakovlev A. I.**
Migrants and migrations in the Russian Far East 69

Historical Regional Studies

- Ustyugova O. A.** Artisanal salt production in the Far East of
the USSR in the 1920s: features of development 77
- Zverkov M. V.** Moonshining in the Voronezh province
during the NEP period 86
- Karaman V. N.** Historiography of the theme of Russian
abroad (Based on publications in the magazines "Russia and
the Asia-Pacific region", "Ojkumena. Regional researches"
and "Oriental Institute Journal"). Part 1 94

Economy and Nature

- Vashchuk A. S.** Sakhalin offshore projects
and discussions in Russia about the "Shared Production
Agreement" (1990s) 107
- Davyborets E. N.** Activity of territories of advanced
development at the present stage: problems and ways of
improvement 121

Social and Demographic Structures

- Zakharov S. M.** Educational strategies of provincial youth
in Russia 128

Vladivostok
2023

Political Relations and Management of the Region

Samoylenko P. Yu. Modern development of Primorsky Krai as a transit logistics region under external sanctions: information and image aspect **138**

Makeeva S. B. Interregional Russian-Chinese cooperation: an expert view from the regions and cities of Russia **147**

World System and International Regions

Voitov S. A., Zhurbey E. V. Institutionalization of think tanks in Vietnam and their role in public policy. Part 1 **157**

Scientific Life

Munkhbat Orolmaa, Vinokurova A. V. "The Social Processes in the North-Eastern Asia: Current Status and Development Trends" (about International Scientific Seminar in the Capital of Mongolia) **171**

Editorial address: 692900, Primorsky Krai, Nakhodka, st. Ozernaya, 2.

Official website of the journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V. N. Karaman

Graphic registration: Ya. A. Barbenko, V. N. Karaman, V. V. Postnikov.

Corrector O. A. Zolotukhina

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Subscription to the journal "Ojkumena. Regional Researches" is accepted in all post offices.
The journal's subscription index is 79089.

Information about articles published in the journal (since 2009) is placed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library (elibrary.ru).

От редактора рубрики From the editor of the heading

Каким образом современная Россия, понятая как государственная и культурная общность, может ответить на вызов времени? Так можно сформулировать тот тревожный вопрос, который стоит за решением редакции журнала вынести заявленную тему на обозрение, никак не претендуя ни на полноту такого обозрения, ни тем более на ее решение. Более того, представленные в рубрике статьи вообще прямо не касаются поставленного выше вопроса, но предлагают некоторые методологические и исторические рамки для его рассмотрения. Данное введение в рубрику следует рассматривать как самостоятельные заметки редактора, имеющие цель направить внимание читателя на обдумывание поставленного вопроса в предлагаемых рамках.

В такой постановке вопроса содержится особое понимание ситуации, в которой находится Российская государственность, в обозримые исторические времена объедающая на суверенной территории разные народы и этносы. Политико-административный контроль над "инородцами", предполагавший не только и не столько властное принуждение (оно остается обязательным, как атрибут государственности), но и вовлечение, согласие людей "жить вместе", признание "верховенства" титульной нации, – образовало довольно устойчивый диспозитив (М. Фуко) субъектности российского народа. Авторы этой рубрики в общем и целом соглашаются с тем, что примерно так можно характеризовать имперское наследие, с которым сегодня реально приходится иметь дело не только России, но и другим постколониальным державам. Как с этим наследием быть? И здесь позиции исследователей уже расходятся.

Тематически данную рубрику можно поместить в рамки все более расширяющегося поля постколониальных исследований, которые отражают радикальные изменения в отношениях между государствами и народами. В современном социальном дискурсе приставка "пост" означает особый способ отрицания или преодоление чего-то предшествующего при условии невозможности целиком отказаться от его наследия. Вопрос о том, действительно ли такое преодоление прошлого уже случилось или всё еще по существу осталось прежним? – становится предметом спора. Спорным является и вопрос об отождествлении постколониальной ситуации с постимперской.

Если авторы статьи "Имперский канон и имперская идея в постимперской перспективе" исходят из того, что время колониальных империй прошло, но сама идея в виде принципа гегемонии осталась; то автор другой – "Империя и колониализм в современном мире" – утверждает, что империя и сегодня является доминирующим типом политики и именно с этой точки зрения стоит переосмыслить логику основных политических процессов, в том числе на колониализм, постколониализм, а также их будущее. Автор третьей статьи "Пути политогенеза в XXI веке. К эволюционной типологии государств", указывая на исторически преходящий характер государства-нации, полагает, что наибольшим потенциалом развития обладают постколониальные государства, что их интенсивная, полная противоречий динамика – это главная лаборатория политогенеза XXI в.

В статье "Культурные фонды государства как образ его "мягкой силы" – специфика современной внешней политики претендующих на лидерство стран в аспекте использования инструментов "мягкой силы", ставшей на современном историческом этапе ведущим фактором внешней политики. Реальным воплощением такой политики становится деятельность культурных фондов, примерами которых служат "Британский Совет", "Институт Конфуция", "Русский мир".

Пример весьма характерного изменения отношения государства к своей территории как пространству развития дает четвертая статья "Вызов пространства: абстрактная геополитика, потенциал территории и историческая колея дальневосточного приграничья в 1990-х гг.". В статье на примере пограничного района рассматривается противоречивый процесс трансформации пограничного пространства из зоны сдерживания потенциального противни-

ка к площадке для реализации трансграничных международных проектов. Автор показывает, что потенциал территории как локаций для реализации таких проектов был скорее дискурсом, сконструированным региональными и локальными элитами путём "отрыва" проектов развития от широкого контекста, связывающего их с историей предшествующего развития и с окружающим пространством. Отсюда происходила мифологизация пространства, вызванная стремлением заинтересованных участников придать экстраординарный характер проектам развития приграничного района в сфере транзита и логистики.

С.Е. Ячин

Имперский канон и имперская идея в постимперской перспективе

Сергей Евгеньевич Ячин
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, yachin@dvfu.ru
Глеб Александрович Акулич
независимый исследователь, Владивосток, Россия, akulich.gleb@hotmail.com
Наталья Вадимовна Забилова
независимый исследователь, Владивосток, Россия, zabirova_nv@mail.ru
Александр Сергеевич Малышев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, malyshev.as@dvfu.ru
Даниил Аркадьевич Тютченко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, tyutchenko.da@students.dvfu.ru
Никита Сергеевич Филиппов
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, ns.filippov@yandex.ru

Аннотация. Время империй прошло, но идея осталась. В качестве регулятивного принципа объединения племен и народов имперская идея представляет собой манифестацию принципа "чистой" власти как иерархически установленного порядка. Необходимость такого порядка присутствует на всех этапах социального развития, но лишь в определенную эпоху доминирует среди других социальных сил, "принуждающих" людей к совместному существованию, образуя мир-империю (имперский канон). Уже мир-экономика отодвигает имперскую идею на второй план, а современная "экономика знаний" устанавливает особый режим деперсонализированной власти-знания. Имперская идея исторически изменяет способ воздействия в последовательности: принуждение-убеждение-привлечение. Современная ситуация в значительной мере определяется тем противоречием логик сборки социальных агентов, которым следуют международные центры власти-знания, стимулирующие все виды мобильности, с одной стороны, и уходящими в прошлую эпоху государствами с характерной для них биополитикой и отстаиванием своего территориального суверенитета – с другой. В статье предлагается методология понимания современной постимперской и постколониальной ситуации, основанная на мир-системном подходе, в ключе которой дается интерпретация четырех кейсов: Pax Romana, Pax Britannica, Pax Rossica, Pax Americana.

Ключевые слова: имперская идея, имперский канон, гегемония, постколониализм, мир-системный подход, власть знания

Для цитирования: Ячин С. Е., Акулич Г. А., Забилова Н. В., Малышев А. С., Тютченко Д. А., Филиппов Н. С. Имперский канон и имперская идея в постимперской перспективе // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 11–25. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/11-25>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/11-25>

Imperial canon and imperial idea in a post-imperial perspective

Sergej E. Yachin
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, yachin@dvfu.ru
Gleb A. Akulich
Independent Researcher, Vladivostok, Russia, akulich.gleb@hotmail.com
Natalya B. Zabirova
Independent Researcher, Vladivostok, Russia, zabirova_nv@mail.ru
Alexander C. Malyshev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, malyshev.as@dvfu.ru
Daniil A. Tyutchenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, tyutchenko.da@students.dvfu.ru
Nikita C. Filippov
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, ns.filippov@yandex.ru

Abstract. Empire time has passed, but the idea has remained. As a regulatory principle of the unification of tribes and nations, the imperial idea is a manifestation of the principle of "pure" power as a hierarchically established order. The necessity of such an order is present at all stages of social development, but only in a certain era it dominates among other social forces, "forcing" people to co-exist, forming a world-empire (imperial canon). Already world-economics pushes the imperial idea to the background, and the modern "knowledge economy" establishes a special regime of depersonalized power-knowledge. imperial idea historically changes the way of influence in the sequence: coercion-persuasion-attraction. The current situation is largely determined by the contradiction of the logic of the assembly of social agents followed by the international centers of power-knowledge, stimulating all kinds of mobility, on the one hand, and the states that are going into the past era, with their characteristic biopolitics and the defense of their territorial sovereignty – on the other. The article offers a methodology for understanding the modern post-imperial situation, based on a world-system approach, in which the interpretation of four cases is given: Pax Romana, Pax Britannica, Pax Rossica, Pax Americana.

Key words: imperial idea, imperial canon postimperia, postcolonialism, world-system approach, power of knowledge
For citation: Yachin S. E., Akulich G. A., Zabirova N. V., Malyshev A. S., Tyutchenko D. A., Filippov N. S. Imperial canon and imperial idea in a post-imperial perspective // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 11–25. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/11-25>

Введение в проблему

Во времена, когда правители разных государств решались присвоить себе титул императора, они так или иначе ориентировались на тот имперский канон, который сложился в Древнем Риме и на образ того мира, который этот канон предполагал. Не без курьезов, но в принципе этот канон подразумевал, что император и его империя являются носителями некоей объединяющей идеи, которая только и позволяла оправдать имперское господство одного народа над другими и создать (или же думать, что удалось создать) Мир, в котором царит особый, свыше предустановленный порядок или Закон.

Империя – это тип государства, которое распространяет свой верховный суверенитет (законы своего государства) на другие народы и государства посредством насильственного или ненасильственного включения в свой территориальный состав с возможностью сохранения некоторой политико-административной автономии и/или местных обычаев.

Основная мысль, в свете которой мы предлагаем рассмотреть "расцвет и упадок империй", а также современную постимперскую и постколониальную ситуацию в мире, состоит в следующем: чтобы быть Империей, нужно иметь не только силу, но и быть носителем объединяющей Идеи. Не всякая политическая идея способна объединить и убедить другой народ подчиниться силе, но только та, которая реально и наглядно является "альтернативно лучшей" для субальтерна. И более того: если спросить, почему именно это государство (его народ) обрели такое имперское могущество, то мы будем вынуждены опять-таки обратиться к конституирующей силе той идеи, которая сначала объединила этот народ (этнос, племя) и только потому и затем сделала его более конкурентоспособным относительно окружающих племен и народов.

Для любого государственного устройства вопрос легитимности центральной власти является главным. Только его решение обеспечивает преемственность власти и историческую устойчивость государства (решение "дилеммы автократа")¹. Но именно этот вопрос представляет особую трудность для имперского государства. Как обеспечить признание права одной нации (или даже расы, как в случае "миссии белого человека") господствовать над другими или (как сегодня) определять общие "правила игры"?

Методологическая сборка

Современный методологический плюрализм (можно сказать, господствующий в социальном познании) свое обоснование и оправдание имеет в общем настрое понимать социальную реальность как конструируемую в том или ином смысле. В общем случае конструирование социальной реальности можно понимать просто как процесс производства совместной жизни людей [5].

В этом ключе мы считаем рамочным для решения нашей задачи мир-системный подход, который обнаруживает особую логику исторического развития человечества как закономерный переход от мир-империй к мир-экономике [34]. Этот переход, однако, не отменяет общего принципа мироустройства в его иерархическом разделении на Центр, периферию и полупериферию, а также гегемонию одного из государств над другими [3]. Продолжая рассуждать в этой же логике, мы допускаем, что на смену мир-экономики приходит мир-культура, которая устанавливает приоритет и, соответственно, гегемонию центров производства знания [23].

Постимперская ситуация – это имперский канон и имперская идея, трансформированная новой конфигурацией сил, принуждающих людей к совместному существованию. Концепция власти-знания, разработанная Мишелем Фуко, оказывается значимым прогнозом того пути, по которому вынуждено идти человечество [18].

В дополнении к мир-системному подходу мы будем опираться на ту логику воспроизводства социальных систем, которую предлагает теория социальных систем Лумана [11]. Эта теория позволяет увидеть зависимость воспроизводства любой социальной системы от контура ее самоописания, от тех

¹ Дилемма заключается в том, что чем больше власти автократ сосредоточил в своих руках, тем сложнее ее передать Другому без развала государства.

правил, которые система устанавливает для собственного воспроизводства. Именно неадекватное самописание приводит систему к кризису.

Мир-империя и гегемония в свете мир-системного подхода

Мы предлагаем не обходить вниманием то, казалось бы, тривиальное обстоятельство, что империя есть особый вид государственного устройства, и как таковая она "должна соблюдать" требования, которые необходимы всякому государству. А чтобы быть государством, надо (1) иметь публичную (отделенную от остального народа) власть, (2) эта власть должна суверенно распространяться на определенную территорию, (3) эта власть должна править по правилам (законам), понятным как минимум их исполнителям, (4) эта власть должна иметь аппарат принуждения для исполнения правил проживания людей на данной территории. Остальные признаки государства являются или производными от данных (например, налоги, или сильно варьируемыми (политический режим, наличие тех или иных органов власти и пр.). Заметим, что при всей академичности признаков государства достаточно спорным и фактически неопределенным остается их "иерархия значимости". Как раз конструктивный характер социальной реальности (см. выше) позволяет варьировать эту значимость. Данное соображение как раз и позволяет поставить вполне вразумительный вопрос: в чем состоит особенность "устроения" имперского государства и какими причинами эти особенности были вызваны. Так по каждому пункту: особенность территориального устройства, особенность публичных правил и т.д.

Общим признаком государств-империй является их завоевательная политика относительно других народов и территорий, включение их в свой состав в том или ином качестве².

При решении этой задачи, мы будем проверять нашу общую гипотезу: Государство делает первый шаг к империи, когда решается включить в свой территориальный состав и в пространство своей власти Чужого, но становится Империей только тогда, когда этого Чужого пытается сделать Своим. Поскольку сделать Чужого совсем Своим – удается редко, то всегда возможны условия, ставящие центробежные силы над центростремительными. Так возникает кризис Империи и ее распад.

Нас и будет интересовать вот этот переход от канона имперского правления, от политико-административной практики удержания власти на данной территории к идее, которая сама по себе способна удерживать народы вместе. В конечном итоге такого рода "удержание" и способно трансформировать империю в сообщество [21].

Мы предлагаем рассматривать социальную и историческую динамику (рождение и упадок государств и империй) с позиции оценки условий воспроизводства социальных систем. Это вполне тривиальное требование к условиям существования таких систем становится радикально эвристичным, если основной принцип воспроизводства усмотреть в самореферентности (самоописании): данная социальная система может существовать лишь постольку, поскольку она себя правильно описывает, формирует правила, по которым она существует.

Мы считаем возможным изменить и уточнить некоторые положения мир-системного подхода с учетом тех базисных изменений, которые происходят в современную эпоху. Эти изменения не позволяют однозначно перенести закономерности прежних этапов (циклов) на нынешнее состояние экономики, политики и культуры. Ключевые моменты, на которые уже обращалось внимание в рамках мир-системного подхода, это значение информационных сетей и трансфера инноваций в мир-системной динамике [30; 25; 9]. Учет значения этих факторов "дает возможность разработки нового подхода к мир-системному анализу. В рамках этого подхода в качестве наиболее важного механизма интеграции Мир-Системы могли бы рассматриваться генерация и диффузия инноваций" [9, с. 31]. Если признать, что значение этих факторов базисно возрастает в современном мире, то отсюда будет следовать, что (1) изменяется само содержание гегемонии, (2) торгово-промышленные связи, столь значимые в прежней мир-экономике, теряют значительную долю своего влияния,

² Для общего наименования "включений" используется термин "субалтерум".

(3) миры-империи уходят в прошлое, но сама позиция гегемонии сохраняется [23].

Ситуацию, при которой канонический образ государства-империи уходит в прошлое, а ему на смену приходит союз государств с ясно обозначенным лидером, мы предлагаем называть постимперской. Следует напомнить, что возникшее в Древней Греции понятие гегемона буквально обозначало "лидера в союзе" городов-государств [3]. Есть веские основания полагать, что нынешние отношения между государствами складываются или имеют тенденцию складываться по модели греческой гегемонии. Объективной необходимостью формирования союзов государств является технико-экономическая несостоятельность каждого из них в отдельности. Отдельное государство не только не может производить все необходимое для современного образа жизни, оно даже не может этого купить на свободном рынке, если не участвует в технологическом разделении труда с другими странами. При этом такое международное разделение труда должно быть подкреплено той или иной формой культурного или политического единства. Далее лавинообразно нарастают требования согласования технических регламентов, финансовой (в особенности – налоговой) политики, общего образовательного, медийного, информационного пространства и т.д.

Каким образом мир-системный подход объясняет причины упадка империй и смены гегемона. В общем и целом мир-системный подход считает имперское могущество производным от экономической мощи державы. Баланс сил в мире и, соответственно, границы государств складываются пропорционально их экономическим возможностям.

То, что время империй как образ государств, властно подчиняющих себе другие народы, государства и их территории, ушло в прошлое – можно считать эмпирическим фактом, но сама идея превосходства, "первенства", скорее всего, не может себя исчерпать. Именно в форме идеи превосходства, лидерства и даже монополии имперская идея сегодня находит свое выражение в таких привычных выражениях, как "империя моды", "промышленная империя", "империя закона", "империя спорта" и др. Основной смысл, который закладывается в такое понимание "имперскости", состоит в том, что кто-то в среде конкурирующих субъектов получает возможность (силу) определять правила игры. Это право он получает по праву сильнейшего "в этом классе". В области международной политики имперская идея приобретает вид классической гегемонии. Имперская идея остается в форме экономического и культурного империализма.

Имперский канон во всех его последующих вариациях предполагал политико-административный контроль Центра над колониальной периферией, однако прогрессивное развитие экономики, которое выдвинуло человеческий капитал в ведущую позицию, сделало такого рода контроль экономически нецелесообразным. Ключевым фактором экономической эффективности стало управление мобильностями разного рода [35]. Именно поэтому нынешние Гегемоны в значительной степени приобрели вид Центров привлечения человеческих ресурсов. Могущество государства, его способность лидировать в экономических, политических и культурных союзах стало непосредственно определяться его привлекательностью для так называемого творческого класса, теми правовыми и экономическими условиями, которые эти Центры для них создают [26]. Однако для тех стран и регионов, из которых истекают человеческие ресурсы, это может выглядеть как культурный империализм, с которым ведется своеобразная борьба, получившая именование "постколониального поворота".

Именование современной экономики как экономики знаний подразумевает ту же самую ситуацию превращения культуры (а знание есть ее основной элемент) в ведущий фактор воспроизводства всей социальной жизни, который как раз и можно обозначить как "мягкую силу культуры" [22]. Поэтому современное "общество знаний" не следует судить прежними мерками. Не следует – именно потому, что способ его сборки иной, нежели это было в индустриальную эпоху. Знание проявляет свою власть особым образом, чем это делает разделенный труд и вытекающий из него торговый обмен.

Экономика знаний исключает насилие в его политико-правовой форме и насилие над его производителем в традиционной для капитализма форме.

Тем не менее знание может иметь имперскую власть как власть идеи. Имперская форма знания-власти распространяется поверх каких-либо государственных границ и вполне наглядно осуществляется в виде центров производства новых технологий (know how). В основном такими Центрами становятся международные (транснациональные) корпорации, а также университеты, которые "производят" людей, способных производить новые знания³.

В качестве итога этого раздела еще раз подчеркнем ту историческую логику (в понимании мир-системного подхода), которая приводит к радикальному "сдвигу власти" (shift power). Классический мир-империя видел своё могущество в земельных владениях: условно говоря, это был мир во власти земельного собственника; мир-экономика – устанавливает господство промышленно-торгового капитала, для которого земельные владения остаются важным, но по источнику прибыли – вторичным ресурсом; в современной экономике знаний основным фактором могущества государства становится её человеческий потенциал. Именно поэтому способность управления человеческой мобильностью становится основой могущества современных Гегемонов.

Эта смена принципа гегемонии ниже будет проиллюстрирована на трех кейсах: римском, британском и американском. Кейсы призваны светить не историческую канву образования империй и, соответственно, постимперский образец, но установить, как реализуется два принципа имперского господства: завоевание и закон.

Pax Romana – Imperium Legis

Римский канон можно рассматривать как идеальный тип в смысле методологии М. Вебера[6]. Во все последующие времена европейские монархи, которые решали присвоить себе титул Императора, так или иначе ориентировались на прецедент Римской империи. Следует присмотреться к тем основаниям, в силу которых они присваивали себе этот титул. Дело в том, что в этом "личном основании" сокрыта суть формирования имперской государственности. Как правило, титул императора не наследовался, но самоназначался, когда к наследуемым владениям (в основном путем завоевания, но иногда и "убеждения") присоединялись другие земли и на них легитимно распространялось право владения и закон Центра. Только тогда, когда субалтерн получал и признавал закон властвующего государя, последний получал объективное и субъективное право назвать себя Императором.

Способом существования Римской империи было непрерывное расширение территориальных границ, что является существенным признаком имперского канона. Фактически границей становились естественные преграды – реки и горы. Для контроля над местным населением римляне возводили форты, что также является типичным для способа существования классической империи [28]. Однако физические границы не совпадали с тем символическим представлением о своем господстве, из которого исходили сами римляне. За пределами этой физической границы лежала сфера интересов, которая всегда предполагалась как пространство будущего завоевания [16].

Включение происходило посредством как принуждения, так и убеждения через различные практики. Одна из практик – связывание территории сетью дорог. Сеть дорог можно рассматривать как политико-административную практику артикуляции и легитимации власти, а также как знак, свидетельствующий о включение субалтерна. За присоединением территории следовало основание военных поселений, каструмов. Каструмы, помимо очевидно военной функции, воспринимались включенными народами как символы "римского мира". С их появлением начинался и перенос основных политических институтов Римской империи.

Для присоединения Другого империя также предлагала и институт римского гражданства, сформировавшийся после введения эдикта Каракаллы 212 г. н.э, по которому все жители Римской империи были уравнианы в правах. Элиты присоединяемых территорий, принимая римское гражданство, оказывались как в юрисдикции римского права, так и не кодифицированных

³ Для сравнения, бюджет Amazon в 2022 году составил \$513,983 млрд (URL; <https://www.reuters.com/markets/companies/AMZN.OQ/financials/income-annual>), а государственный бюджет России в 2021 году составил \$343,291 млрд.

римских обычаев, которые в сумме и формировали римскую идентичность [7]. До эдикта Каракаллы только жители Италии и Рима находились в системе римского права. В случае необходимости регулирования правовых отношений между ними и чужеземцами применялось так называемое "право народов", состоящее из юридических норм окружавших Рим этнических общностей.

Империя как сложное образование не предполагала полной унификации и централизации. Римская империя объединяла огромные территории и большое количество различных этносов. И для поддержания стабильности на столь гетерогенных территориях римская власть могла допустить существование в некоторых провинциях двух систем управления: римских магистратов и местных, традиционных органов власти [16]. Подчеркивая канонический характер опыта Римской имперскости, мы еще раз отмечаем типичность такого совмещения систем управления для последующих времен. Примером такого совмещения был институт наместничества на территориях эллинистического мира, где сохранилась полисная структура: римский наместник здесь управлял вместе с греческими элитами и, чтобы быть признанным в полисах, заимствовал греческий церемониал [15].

Завоевательная политика империй всегда предполагала внутреннюю "убежденность" завоевателя в своем цивилизационном превосходстве. В случае Рима в качестве такого убеждения выступала незыблемость закона, никакая другая империя не выражала принцип *Imperium Legis* (верховенство закона) столь ясно [16]. Рим, не случайно именуемый его гражданами "вечным городом", мыслился как связующее и подчиняющее начало империи. Именно вечность и незыблемость можно назвать важнейшими характеристиками римской идеи. Подобные "вечность и незыблемость" империи как раз и выражались в римском праве. Закон как порядок вещей распространялся на всю территорию империи и создавал иерархию субъектов в ней. Те, кто имел римское гражданство, оказывались в привилегированном положении, поскольку попадали под юрисдикцию всего римского права и могли отстаивать свои интересы в суде намного эффективнее, чем те, кто не являлись гражданами. Именно поэтому институт гражданства стал важнейшим инструментом "вовлечения Другого" в сферу властных интересов Рима. В свою очередь, механизмы включения Другого допускали значительную долю разнообразия. Римляне старались не нарушать самобытности покоряемых народов, сосуществовая с ними на одной территории. За границей империи было варварское пространство. В глазах римлянина там не было никакого порядка. А порядок на территории империи был основан на договоре и подчинен закону, обретшему форму вселенской власти – "*imperium*" [16].

Таким образом, понимание римской империи как канона определяется следующими чертами: во-первых, это непрерывная завоевательная политика и расширение территории; во вторых, способом контроля над завоеванными территориями; в третьих, сознанием своего цивилизационного превосходства; в четвертых, упорядочиванием всех сфер жизни посредством верховенства закона; в пятых, сочетанием двух ветвей власти: имперской и местной; в шестых, установлением привилегии гражданства.

Pax Britannica

Британская империя являет тип государственности, демонстрирующий нам сдвиг власти от мир-империи к мир-экономике. Характер того господства над своими заморскими колониями, который демонстрировала британская корона, существенно отличен от того образца, которым являлись империи Античности и Средних веков. Особенностью Британской империи является многообразие форм установления собственной власти. Основой разнообразия форм управления подчиненными территориями всегда была децентрализаторская модель выстраивания отношений. В отличие от централизованных систем прямого подчинения с низким уровнем вписанности в имперскую сеть, британская империя активно использовала имперскую идею – символическую значимость имперской короны. Британская корона оказывалась символической доминантой в выстраивании взаимоотношений между подчиненными и колонизаторам: в первую очередь, конечно, находила общие принципы для существования имперских агентов. Наиболее успешными проектами власти британской империи являлись прагматичные способы работы с локальностями-

ми. Так, например, знание о важности религиозного вопроса в той или иной локальности являлось тем основанием, на котором строилась управленческая модель. Религия использовалась либо как объединяющий фактор, либо, наоборот, как разделяющий. Стратегия выбиралась исходя из нужд имперской сети. Основой имперского знания было использование западных конструктов и категорий, которые имеют тенденцию представлять локальные народы и культуры как отличные и неполноценные [33]. Это было основополагающим шагом к последующей аргументации возможности колонизации исходя из взгляда империи. Одним из важнейших методов колониального знания являлась дифференциация Другого, благодаря которой создавалась иерархия культур внутри империи. В этой иерархии ведущее значение играла британская корона. Таким образом выстраивались отношения "власть-субалтерны" с внутренней системой иерархий, в которой, в зависимости от представлений империи о местной культуре, доказывалось преимущество колониальной власти.

Для Британской империи уникальным является опыт работы с гибридность вовлекаемых в сферу ее господства народов. На колониальную политику Британской короны отчетливо сказался предшествующий опыт присоединения территорий на Британских островах (шотландцев, валлийцев, ирландцев и т.д.). Но когда Великобритания стала создавать свою колониальную империю, то и прежде вовлеченные народы (шотландцы) сами стали проводниками имперской власти, участвуя в системе продажи и транспортировки рабов, тем самым составляя верхний круг иерархии [30].

Здесь мы увидим канонический способ создания иерархий, целью которой является вовлечение в сеть взаимоотношений с представителями (даже порой слишком отвлеченными) британской короны.

Эпоха становящейся мир-экономики приводила к тому своеобразному обстоятельству, что на территории колоний действовали почти независимо друг от друга структуры государственного управления в лице генерал-губернаторов, и самостоятельные частные компании. Де-юре территория оставалась в структуре централизованного управления, но де-факто находилась во владении назначенного управляющего с высокой степенью автономности действий, которые могли быть использованы не только в интересах метрополии. Другие формы предназначались для еще более гибких управленческих систем – протектораты, мандаты, доминионы. Последняя из указанных является следствием в первую очередь переселенческого колониализма (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка и так далее). О еще большей гибкости систем управления свидетельствует их конкуренция. В исследовательской литературе хорошо показан процесс борьбы за рынок между "аутсайдерами" – непривилегированными купцами и гегемоном – "Ост-индской компанией", в которой было положено начало изменения ситуации в сторону "аутсайдеров" [14]. Может быть, именно в силу этой гибкости Британская империя лучше всех (по сравнению с другими колониальными державами) справлялась с задачей включения и убеждения местных народов и культур.

Мир экономики диктовал свои законы. В силу этого основной целью являлась экспроприация средств через акторов власти из регионов. Часть дохода, остававшегося в стране, причислялась элите⁴, которая потому и являлась заинтересованной в имперском правлении. Однако для этического и политического обоснования способности включать в британоориентированный рынок требуется не менее важный элемент обоснования привилегий Британии на миссию колонизаторов как культуртрегеров. В случае, когда местная элита осознает ненужность "старшего имперского брата", то или иное пространство вырабатывает национальную интеллигенцию с соответствующими антиимперскими убеждениями. Имперская власть предлагает подданство и ряд преимуществ элите, которая уже на ментальном уровне соотносит себя с самой метрополией, формируя тем самым самореферентную группу как условие стабильности [10].

Новое время порождает необходимость технологий управления идентичностями. Британская империя в полной мере являет европейский просвещен-

⁴ Элита формировалась через включение в имперскую сеть из локальных агентов либо, при низком доверии к локальным элитам, из доверенных имперских агентов из метрополии.

ческий пафос в широко известной "миссии белого человека". Убежденность в своем цивилизационном превосходстве в немалой степени способствовала успеху колониальных предприятий. Именно поэтому столь важными становятся "имперские" технологии [27]. Сами по себе эти технологии управления не являются изобретением колониальных держав, но их применение с целью подчинения и более глубокого вовлечения территорий во власть метрополии изменяет понимание их сущности. В основе словосочетания "имперские технологии" лежат те технологии, которые оказывают влияние на продуктивность имперской сети властных отношений. Фактически эти технологии управления становятся способом управления иерархиями идентичностей. Можно выделить три способа принятия имперской идентичности колонистом, торговцем и представителями локальных культур: верность короне, взаимная выгода и отсутствие альтернативы. Так, феномен институционализированного пиратства показателен в том случае, когда экономические выгоды для имперского актора колонизации более убедительны, чем верность традиции [29].

Материальной составляющей технологии управления стали новые технические возможности. Так, например, технология телеграфа позволила создать проект, который связывает и создает более эффективную коммуникацию колониальной периферии с метрополией, чем даже колониальной периферии и колониального центра. Кабели телеграфа играли важную военно-политическую роль в стимулировании экономической интеграции. Использование имперских технологий и удовлетворение интересов проводников имперской власти на местах (в большей степени торговцев) создавало условия лидерства Британской империи. Привлекательная альтернатива для элит и чудеса технологического мира⁵ являлись и являются залогом эффективного вписывания локальных культур в контекст имперской власти.

Таким образом, Британская империя являет нам новый тип колониального господства. Канонические признаки империи сохраняются и модифицируются: во-первых, сохраняется принцип завоевательной политики; во-вторых, требование контроля над территориями сохраняется, но наместник приобретает значительно большие полномочия; в третьих, во всех смыслах сохраняется осознание своего цивилизационного превосходства; в четвертых, принципы верховенства законов были перенесены на колониальные территории, но сильно модифицированы произволом частных компаний; в пятых, сохраняется принцип двух ветвей власти; в шестых, институт гражданства теряет свое значение. В конечном итоге, без сознания своей миссии как "вечно трудящегося цивилизатора" (в смысле Р. Кипплинга) стало бы невозможным создать этот прецедент сообщества, способного включить в себя целый мир, получивший сегодня именование "Британского содружества наций" (British commonwealth of Nations).

Pax Rossica

Имперский опыт России несколько выпадает из исторической динамики сдвига власти: от власти-насилия, к власти-рынка. Во многих отношениях имперский опыт России напоминает римский канон. Прежде всего первой аналогией является сам принцип существования империи как постоянно расширяющейся территории. Этот процесс в литературе называется внутренней колонизацией⁶.

Следует заметить, что Российская империя не является хрестоматийным примером модерновой Империи ввиду отсутствия заграничных, отделенных океаном колоний. Подчеркивая значение внутренней колонизации, мы отмечаем тот факт, что Российская империя на всем протяжении не имела ко-

⁵ В свою очередь, чудеса технологического мира становятся той самой имперской очевидностью, которая не требует разбирательств и показывает перманентное доминирование европообразного технологического развития над всеми остальными.

⁶ В современной исследовательской литературе этот процесс расширения получил количественную оценку. Александр Эткин сообщает, что вместе Московское государство, Российская Империя и СССР контролировали 65 млн. км²/лет. Британская Империя на пике своего могущества насчитывала (45 млн. км²/лет), Римская Империя насчитывала около (30 млн. км²/лет). Российская Империя практически безостановочно разрасталась по территории Евразии, используя инструменты и механизмы как внешней, так и внутренней колонизации.

лоний, которые бы соответствовали истории западных колониальных держав. Россия обладала огромными и неосвоенными внутренними территориями, а также опытом перманентного расширения своих территорий посредством переселения. Западному колонисту соответствовал наш переселенец. Эта терминология точно схватывала характер процессов, происходивших на территории Российской империи⁷. Территориям, которые были в меньшей (Казань, Северо-Западный край и т.д.) или в большей (Восточная Сибирь, Дальний Восток и т.д.) степени удалены от имперского ядра.

Мы полагаем, что Российская империя утверждала свою Имперскую идею посредством непрерывного процесса колонизации, в результате которого на колонизируемые территории Российская Империя приносила идеи: православия, державности и "русскости". В этом и состоит сама Имперская Идея, которая позволяла переселенцу чувствовать свое превосходство над "редко встречающимся местным населением"⁸. Таким образом, имперская власть через переселенца предлагала свой собственный нарратив и уклад жизни. Это позволяло, как правило, входить на чужие территории, не вступая в значимый конфликт с местным населением (хотя следует отметить наличие таких) [2].

В историографии получила признание идея А.П. Щапова, что история России – это история областных масс народа, история постепенного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия борьбы соединения разнообразно политическое областей до централизации и после, своеобразное, территориальное и этнографическое самообразование областей путем колонизации [13].

Своеобразие колониальной политики Российской Империи заключалось в различии движения на Запад и Юг с одной стороны, и на Восток с другой стороны. Если колонизация на Восток носила характер переселения и хозяйственного освоения, на этносы не имеющие полного государственного устройства, то движение на Запад и Юг носило характер включения государственных образований.

Для классических империй, к числу которых мы относим Российскую империю, успешность расширения границ соответствует их военному могуществу. По общему мнению исследователей, Россия представляла из себя области, стихийно образующиеся на всем территориальном пространстве Империи в процессе непрерывной колонизации.

Россия, как нам думается, в данном случае выступала в роли "Господина", который распространяет свой национальный и имперский нарратив "великодержавности". Историк А. Миллер полагает, что этой идеей была идея "русскости" (т.е. нации). Она поддерживалась агентами "русификации" (армией, церковью, университетами, школами) [12]. Примером распространения идеи через механизмы внутренней колонизации могут послужить Западные Окраины Российской Империи.

Как типичный пример этой политики, можно взять Речь Посполитую (в данном случае мы подразумеваем Польшу времен Александра I), где проводилась политика русификации населения. Так, после Польского Восстания (1830 – 1831 гг.) в университетах были созданы кафедры русской истории и литературы, а высшая система образования и вовсе перешла на русский язык. Это связано не только с недоверием к польским элитам, но и с процессом интеграции западных окраин в национальный русский нарратив.

Н.Г. Устрялов в своей концепции русской истории считал правомерным включать часть западных окраин (Северо-Западный и Юго-Западный края) в национальный нарратив, а также создавал специфичную иерархию импер-

⁷ Мы вполне осознанно обращаем внимание на возникающее здесь противоречие: с одной стороны, говорим о колонизации, а с другой – об отсутствии колониста. Противоречие носит не только терминологический характер, но оно определяет место, в котором оказывается переселенец, что не считал место переселения колонией метрополии, однако фактом своей оседлости утверждал это место частью империи.

⁸ Мы считаем, что демографический фактор плотности населения играл существенную роль в самосознании переселенца. Как правило, эта территория воспринималась пустой и доступной для освоения. Фактически это позволяло вести свое хозяйство, не нарушая традиционной образ жизни автохтонного населения и налаживать экономические связи.

ских владений [8]. Таким образом, Российская империя предлагала субалтерну идею о том, что он включен в единый исторический процесс, который неразрывно связан с Россией, ее языком и ее историей.

Этноконфессиональное конструирование, что проводилась в Западных губерниях, предполагало активное распространения православия. Историк М. Долбилов заключает, что "при устройстве обращений на местах, имперские бюрократы руководствовались ассимиляторским приоритетом и определением рускости через православие: новый конфессиональный статус был призван устранить угрозу колонизации, нависшую, как считалось, над католиками-белорусами" [8]. Таким образом, русский язык и православие находились в симбиозе и занимали ключевую роль в наполнении "национального нарратива". С нашей точки зрения, те, кто проводил эту политику, руководствовались идеей общеславянского единства, которое они ставили в приоритетное положение, соответственно, отодвигая на задний план всякого рода этническую или национальную специфику. С этой позиции идея русификации получала свое оправдания в силу значимости указанного единства.

Императорская титулатура выражала "официальное" признание того, что Россия представляет собой единство многих народов, объединенных благой властью императора. Убеждение верховной власти в том, что вхождение в состав империи является благом для многих народов, можно считать внутренним убеждением как для императора, так и для политической элиты (например, вхождение Грузии в состав империи рассматривалось как защита от османской тирании). В реалиях того времени, противостояние исламского и христианского миров на Кавказе, а также православного и католического на Западе соответствовало историческим реалиям. Отметим то уникальное обстоятельство, что жители окраин Российской Империи пользовались большими правами, чем собственное население России, которое находилось под крепостным гнетом [20]. В самом порядке упоминания принадлежащих империи земель мы можем обнаружить эту же иерархию значимости. Титулатура отражает этническое и территориальное многообразие империи. Каждая земля, область, регион были включены в иерархию и подчинены России. После титула "Императора Всероссийского" шли территории подчиненные, присоединенные или имевшие широкую автономию. Можно сказать, по степени политической важности.

Е.М. Болтунова, очень убедительно показала визуализированный императорский титул во время похорон Александра I. Вся похоронная процессия отражала не только титул императора, но и символическую иерархию империи. За гробом императора шел министр Царства Польского, статс-секретарь Великого княжества Финляндского, грузинские царевичи, а также карабахский хан. Мы полагаем, что это прямое отражение российской имперской идеи. Так, в похоронной процессии проявляется изображение двуглавого орла, как символа императорской власти над другими народами [13].

Таким образом, Российская империя являет нам классический тип имперского господства, предполагающего, во-первых, активную завоевательную политику; во-вторых, институт губернаторства соответствует всем правилам имперского наместничества; в третьих, во всех смыслах идея "великодержавности" сохраняет в себе принцип превосходства; в четвертых, имперское господство воспринималось как наведение порядка; в пятых, сохраняется опора на местные обычаи и практики управления; в шестых, институт гражданства трансформируется в привилегию подданого империи.

В заключении мы бы поставили вопрос о том, как современная Россия использовала опыт царской России. Без сомнения, имперские амбиции были позаимствованы Советским Союзом у Российской империи. Однако это уже другая эпоха, которая не позволяла развернуться имперскому принципу, который вступал в противоречие с внутренней идеей пролетарского интернационализма и идеей равенства. Это не позволяло назвать Советский Союз империей. Советский Союз не только де-юре, но и де-факто был федерацией. После краха СССР любая попытка восстановления имперского устройства России обречена на провал?

Pax Americana

Начиная говорить о Pax americana, мы выдвинем тезис о том, что США – это подлинно (пост)имперский проект. Что позволяет нам утверждать это? Под этим словом мы понимаем не просто политическую и экономическую экспансию, но те специфические (и даже скандальные для Европы того времени) принципы, которые легли в основу США.

В первую очередь это принцип постоянного расширения границ. В данном случае понятие границы отсылает не только к территории, но и политике, культуре и экономике. Одновременно вместе с отодвиганием физической границы (продвижение с западного побережья на неосвоенные восточные земли, которое совпало с основанием США) происходит и детерриториализация границы политической: качественное и количественное расширение демократии. Исследователи феномена империи – философы М. Хардт и А. Негри – называют это "имперским суверенитетом" [19].

С этим связан второй имперский принцип – внешняя открытость. По мысли Анны Харендт, понимая себя как землю исхода, открытую для любого, кто бежит от сословного неравенства и преследований, США вслед за империями прошлого помещает себя вне рамок исторического пространства и времени [4]. Империя не просто противопоставляет себя миру, но создает отдельный мир. Таким образом, гетерогенным и постоянно расширяющимся (то есть имперским) оказывается не только физическое и политическое пространство, но и его субъект – people. Другой по определению включен в имперское пространство.

Третий принцип – это сетевая власть. Национальные государства, которые начинают возникать в Европе параллельно американскому проекту, предполагают вертикальную власть, осуществляемую над гомогенной национальной идентичностью. Но если согласиться с характеристикой американского субъекта как гетерогенного, то очевидно, что и принцип организации власти в США должен отличаться. Он не может строиться на стратегии сведения многообразия субъекта к одному из его качеств (допустим, национальной идентичности, как это происходило в Европе). Власть в данном случае может сделать себя устойчивой только путем признания различий, имманентных провозглашаемому носителю суверенитета – народу. Конечно, ведущей в построении американской идентичности была культура белых англосаксонских протестантов, которые на определенном этапе brutally исключали Других (очевидный пример – это отношение к коренным народам и сегрегация). Тем не менее этот доминирующий элемент не мог подменить собой внутреннее многообразие американского политического сообщества, созданного эмигрантами из разных частей света. Таким образом, в США имеет место та же политическая диалектика, что и в империях прошлого – диалектика унификации / признания различий. С одной стороны, власть так или иначе стремится создать универсальную идентичность, с другой – она не может игнорировать гетерогенности подчиняемого ей субъекта. Вся политическая история США может быть понята как борьба этих двух центробежных сил.

Современники вполне осознавали, что новое государство в Северной Америке цитирует империи прошлого, пусть и радикально их переосмысляя в процессе создания первой демократической империи, чей суверенитет имманентен, создается снизу. Так, например, Александр Гамильтон в речи от 27 октября 1787 г. заявляет: "...речь идет ни больше ни меньше, как о существовании Союза, безопасности и благополучии входящих в него частей, о судьбе во многих отношениях самой интересной в мире империи" [17, с. 29]. Эта характеристика Соединенных Штатов как "самой интересной в мире империи" одновременно фиксирует ее преемственность с империями прошлого и новизну американского понимания имперского суверенитета.

Но помимо трех этих принципов, которые можно назвать структурирующими имперское пространство, США сочетает в себе сразу три темпоральных режима, появившихся в хронологической последовательности и сосуществующих по сей день. Все они прямо или косвенно влияют на самосознание американского общества. Как было отмечено ранее, любая империя так или иначе стремится поместить себя вне исторического времени. То, как это осуществляется, и есть ее темпоральный режим.

Первый – религиозный или эсхатологический. Он проявляется в представлении о своеобразной религиозной избранности поселенцев, которое получило распространение в кругах многочисленных эмигрантов-протестантов, бежавших от преследований инквизиции. Представление о США как о "новом Израиле" санкционировало колонизацию континента и последующую за ней экспансию на другие территории. Оно также отразилось на отцах-основателях: во время разработки эскиза государственной печати Б. Франклин предложил изображение, на котором Моисей, стоящий на берегу, простирает руку над морем, тем самым сокрушая фараона [25]. На этом примере отчетливо видно, как религиозный символизм, буквально богоизбранность Америки, переплетается с геополитическим.

Второй режим является уже модернистским и светским. В его основе лежит представление об американской нации как о носительнице исторического прогресса, несущей его другим народам. Оно также санкционирует колониальное освоение земель и последующую экспансию, но видит в ней уже не религиозное, а мирское благо в виде прав человека, демократии и других модернистских представлений о желательном устройстве общества и государства. Лучшей иллюстрацией того, как эта темпоральность отразилась на (имперском) самосознании США, является Manifest Destiny ("явное предназначение"). Это понятие суммирует совокупность культурных представлений, получивших распространение в XIX веке, согласно которым американским поселенцам было предназначено судьбой принести прогресс и цивилизацию на "дикие" земли Северной Америки, а затем и на любые другие "нецивилизованные" территории [32].

Третий режим, при всей условности этого понятия, можно назвать постмодернистским. В его основе лежит планетарное распространение американской массовой культуры и успех американского информационного капитализма, который символизируют корпорации и их локусы вроде Кремниевой долины. За счет этой привлекательности американского образа жизни, США сохраняет свою гегемонию в современных условиях (за счет привлечения рабочих рук и специалистов, обладающих востребованными компетенциями), где религиозный и модернистский нарратив уступает место дискурсу экономической привлекательности и доминирования, особенно в области высоких технологий. Среди трех режимов именно этот сегодня является доминирующим. В его условиях империя устанавливает контроль не столько за территориями, сколько за потоками: финансовыми, миграционными, производственными, интеллектуальными и другими.

Таким образом, основанием для обозначения современного Pax Americana как постимперии состоит в достаточно радикальном преобразовании исходных признаков существования имперского канона. Первое и самое важное: утрачивает свое прежнее значение завоевание новых территорий. Требование расширения своего влияния сохраняется, но как контроль за всеми видами потоков разного рода. По этой причине, во-вторых, полностью ликвидируется институт наместничества. В-третьих, прямо противоположно имперскому канону понимается цивилизационная миссия: как распространение идеалов демократии. В-четвертых, можно считать сохранившимися, по крайней мере на уровне идеологии, принципы верховенства права. В-пятых, модификация принципа сочетания двух ветвей власти, имперской и местной, которую можно увидеть в стремлении США контролировать правила правления других субъектов политики посредством разного рода санкций. В-шестых, сохраняется привилегия гражданства в виде привлекательности американского паспорта.

Заключение и выводы

Борьба государств и народов за гегемонию, за лидерство, за господствующую позицию в международных или межгосударственных отношениях неотменима, пока вообще существуют народы и государства. Именно это подразумевает идея империи: государство, которое претендует и фактически является господствующим началом объединения разных народов в одном государстве, либо гегемоном в союзе государств. Но форма господства (гегемонии) исторически меняется. Заданный Римом имперский канон, основанный на завоевании новых территорий и последующем контроле над ними, к нынешнему

времени вместе с распадом колониальной системы приобрел постимперский характер контроля за потоками разного рода.

Весь опыт истории свидетельствует: чтобы быть империей или постимперией, надо иметь идею, способную объединить разные народы поверх их географических и символических границ. В общем случае народ-объединитель должен быть вдохновлен своей имперской идеей: идеей верховенства закона, христианизацией других народов, миссией белого человека, пролетарским интернационализмом. Для успеха своей миссии имперский народ должен находиться на более высокой ступени цивилизационного развития или же думать, что он там находится.

Литература

1. Академический словарь теории и истории империй. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. 728 с.
2. Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизации. СПб.: изд-во СПбГУ, 2010. 372 с.
3. Андерсон П. Перипетии гегемонии. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. 296 с.
4. Арндт Х. О революции. М.: Европа, 2011. 464 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Конструирование социальной реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
6. Вебер М. Избранные произведения М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. Деметьева В.В. Римская идентичность: формирование традиций гражданского коллектива // Античный мир и археология. Сб. статей. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 203–213.
8. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.
9. Коротаев А.В., Халтурина Д.А., Малков А.С., Божевольнов Ю.В., Кобзева С.В., Зинькина Ю.В. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. Москва, УРСС, 2010. 344 с.
10. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
11. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
12. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
13. Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. Коллективная монография / Коллектив авторов. Б.м.: "НЛО", 2021. 304 с.
14. Савенкова И.Ю. Время "кое-чем заняться": частные купцы и проблема доступа на восточные рынки Британской империи в первой трети XIX в. // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 48–64.
15. Смышляев А.П. Римский наместник в провинциальном городе: стиль управления в эпоху принципата // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2006. № 1 (17). С. 65–72.
16. Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима. // Вестник МГИМО(У). 2008. № 2. С. 3–9.
17. Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Издательская группа "Прогресс" – "Литера", 1993. 568 с.
18. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь. 1996. 448 с.
19. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
20. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.
21. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир, 2004. 293 с.
22. Ячин С.Е. Метакультурный подход в международных отношениях vs доктрины "мягкой силы" // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2018. № 3. С. 7–17.
23. Ячин С.Е., Купряшкин И.В., Хун Мей-Лан. Перспективы гегемонии в Восточной Азии в свете мир-системного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 1. С.35-45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-35-45
24. Chase-Dunn C., Thomas D.H. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO, Westview Press, 1997. 322 p.
25. Gitlin T., Leibovitz L. The Chosen People - NY.: Simon & Schuster, 2010.
26. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. New York, Basic Books, 2002. 404 p.
27. Hunt B. J., Imperial Science Cable Telegraphy and Electrical Physics in the Victorian British Empire. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 321 p.

28. Jilek S. The definition of river frontiers // *Frontiers of the Roman Empire. The European dimension of a World Heritage Site*. Edinburgh, 2008. P. 65–71.
29. Latimer J. *Buccaneers of the Caribbean: How Piracy forged Empire*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 2009. 353 p.
30. MacKenzie J. M., Devine T. M. *Scotland and the British Empire*. New York: Oxford University Press. 2011. 345 p.
31. McNeill W.H. *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Chicago, University of Chicago Press, 1963. 860 p.
32. Miller R.J. *Native America, Discovered and Conquered - Santa Barbara: ABC-CLIO, 2006. 214 p.*
33. Roque R., Wagner K. A. Introduction: Engaging Colonial Knowledge // *Engaging colonial knowledge. Reading European archives in World History*. New York: Palgrave Macmillan. 2012. P. 1–35.
34. Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham and London: Duke University Press, 2004. 110 p.
35. Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity, 2007. 336 p.

References

1. Academic dictionary of the theory and history of empires. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2012. 728 p. (In Russ.).
2. Akimov Yu.G. North America and Siberia at the end of the 16th – the middle of the 18th century: An outline of the comparative history of colonization. St. Petersburg: publishing house of St. Petersburg State University, 2010. 372 p. (In Russ.).
3. Anderson P. *The vicissitudes of hegemony*. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2018. 296 p. (In Russ.).
4. Arendt H. *About the Revolution - Moscow: Europe, 2011. 464 p. (In Russ.)*.
5. Berger P., Lukman T. *Construction of social reality. Treatise on the sociology of knowledge*. M.: Medium, 1995. (In Russ.).
6. Weber M. *Selected Works*, Moscow: Progress, 1990. 808 p. (In Russ.).
7. Dementieva V.V. Roman Identity: Formation of the Traditions of the Civil Collective // *Ancient World and Archaeology. Sat. articles. Issue. 13. Saratov, 2009. P. 203–213. (In Russ.)*.
8. Dolbilov M.D. Russian land, foreign faith: Ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II. M.: *New Literary Review*, 2010. 1000 p. (In Russ.).
9. Korotaev A.V., Khalturina D.A., Malkov A.S., Bozhevnikov Yu.V., Kobzeva S.V., Zinkina Yu.V. *Laws of history: Mathematical modeling and forecasting of world and regional development*. Moscow, URSS, 2010. 344 p. (In Russ.).
10. Latour B. *Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory*. M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p. (In Russ.).
11. Luman N. *Social systems. Essay on the general theory*. St. Petersburg: Nauka, 2007. (In Russ.).
12. Miller A. *The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research*. - M.: *New Literary Review*, 2006. 248 p. (In Russ.).
13. *Regions of the Russian Empire: identity, representation, (on) meaning*. Collective monograph / Collective of authors – "UFO", 2021. 304 p. (In Russ.).
14. Savenkova I.Yu. Time to "do something": private merchants and the problem of access to the eastern markets of the British Empire in the first third of the 19th century. // *New past / The New Past*. 2022. No. 3. P. 48–64. (In Russ.).
15. Smyshlyayev A.L. Roman governor in a provincial city: management style in the era of the principate // *IVS ANTIQVVM. ancient law*. 2006. No. 1 (17). P. 65–72. (In Russ.).
16. Ukolova V.I. Empire: the historical experience of Rome. // *MGIMO(U) Review*. 2008. No. 2. P. 3–9. (In Russ.).
17. *Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison, and J. Jay*. M.: Publishing group "Progress" - "Litera", 1993. 568 p. (In Russ.).
18. Foucault M. *Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality*. M.: Kastal. 1996. 448 p. (In Russ.).
19. Hardt M., Negri A. *Empire*. Moscow: Praxis, 2004. 440 p. (In Russ.).
20. Etkind A. *Internal colonization. Imperial experience of Russia*. M.: *New Literary Review*, 2013. 448 p. (In Russ.).
21. Etzioni A. *From empire to community: a new approach to international relations*. M.: Ladomir, 2004. 293 p. (In Russ.).
22. Yachin S.E. *Metacultural Approach in International Relations vs Doctrines of "Soft Power" // Oikumena. Regional studies*, 2018. No. 3. P. 7–17. (In Russ.).
23. Yachin S.E., Kupryashkin I.V., Hong Mei-Lan. Prospects for hegemony in East Asia in the light of the world-system approach // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2020. V. 64, No. 1. P. 35–45. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-35-45 (In Russ.).

24. Chase-Dunn C., Thomas D.H. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO, Westview Press, 1997. 322 p.
25. Gitlin T., Lebovitz L. The Chosen People. NY.: Simon & Schuster, 2010. 272 p.
26. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. New York, Basic Books, 2002. 404 p.
27. Hunt B. J., Imperial Science Cable Telegraphy and Electrical Physics in the Victorian British Empire. Cambridge: Cambridge University Press. 2021. 321 p.
28. Jilek S. The definition of river frontiers // Frontiers of the Roman Empire. The European dimension of a World Heritage Site. Edinburgh, 2008. p. 65–71.
29. Latimer J. Buccaneers of the Caribbean: How Piracy forged Empire. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 2009. 353 p.
30. MacKenzie J. M., Devine T. M. Scotland and the British Empire. New York: Oxford University Press. 2011. 345 p.
31. McNeill W.H. The Rise of the West: A History of the Human Community. Chicago, University of Chicago Press, 1963. 860 p.
32. Miller R.J. Native America, Discovered and Conquered – Santa Barbara: ABC-CLIO, 2006. 214 p.
33. Roque R., Wagner K. A. Introduction: Engaging Colonial Knowledge // Engaging colonial knowledge. Reading European Archives in World History. New York: Palgrave Macmillan. 2012. P. 1–35.
34. Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham and London: Duke University Press, 2004. 110 p.
35. Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity, 2007. 336 p.

Информация об авторах

Сергей Евгеньевич Ячин, д-р. филос. наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: yachin@dvfu.ru

Глеб Александрович Акулич, независимый исследователь, Владивосток, Россия, e-mail: akulich.gleb@hotmail.com

Наталья Вадимовна Забиrowa, независимый исследователь, Владивосток, Россия, e-mail: zabirowa_nv@mail.ru
Александр Сергеевич Малышев, аспирант Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: malyshev.as@dvfu.ru

Даниил Аркадьевич Тютченко, студент Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: tyutchenko.da@students.dvfu.ru

Никита Сергеевич Филиппов, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: ns.filippov@yandex.ru

Information about the authors

Sergej E. Yachin, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: yachin@dvfu.ru

Gleb A. Akulich, Independent Researcher, Vladivostok, Russia, e-mail: akulich.gleb@hotmail.com

Natalya V. Zabirowa, Independent Researcher, Vladivostok, Russia, e-mail: zabirowa_nv@mail.ru

Alexander S. Malyshev, Postgraduate Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: malyshev.as@dvfu.ru

Daniil A. Tyutchenko, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: tyutchenko.da@students.dvfu.ru

Nikita S. Filippov, Postgraduate Student, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: ns.filippov@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.04.2023

Одобрена после рецензирования 15.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 14.04.2023

Approved 15.05.2023

Accepted 18.05.2023

Империя и колониализм в современном мире

Сергей Викторович Ткачёв
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, sertk@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка оценить актуальность имперской организации политического пространства, сообразуясь с современными представлениями об империи. Выдвинутое предположение, что империя и сегодня является доминирующим типом политики, позволяет переосмыслить логику основных политических процессов, в том числе на колониализм, постколониализм, а также их будущее.

Ключевые слова: *империя, колониализм, постколониализм, глобализация*

Для цитирования: Ткачев С. В. Империя и колониализм в современном мире // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 26–31. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/26-31>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/26-31>

Empire and Colonialism in the Modern World

Sergej V. Tkachev
Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, sertk@mail.ru

Abstract. The article attempts to assess the relevance of the imperial organization of political space, taking into account modern perceptions of empire. The assumption that the empire is the dominant type of polity even today allows us to rethink the logic of major political processes, including colonialism, post-colonialism, as well as their future.

Key words: *empire, colonialism, post-colonialism, globalization*

For citation: Tkachev S. V. Empire and Colonialism in the Modern World // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 26–31. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/26-31>

Монография "Империя как современная политика" [3] была подготовлена в 2005 году и опубликована два года спустя. Несмотря на прошедшее время, наполненное поистине тектоническими сдвигами в мировой политической системе, оказалось, что она не потеряла своей актуальности. Конечно, можно было бы ввести некоторые дополнения, но суть осталась бы прежней: мы продолжаем жить в имперской истории. Во время написания данной книги такая точка зрения была маргинальной, и её придерживалось очень ограниченное число исследователей, хотя мы, конечно, не были первыми из тех, кто обратил на это внимание.

В данной полемической, по сути, статье, хочется конкретизировать с точки зрения предложенной концепции империи современную ситуацию в мире и перспективы её развития.

Прежде всего, надо сказать, что о "постимперском" и "постколониальном" мире, на наш взгляд, говорить ещё слишком преждевременно. И в том, и другом случае мы наблюдаем лишь некоторую смену методов осуществления власти, но не её цели.

Что такое империя?

Вообще интерес к вопросу империи после долгого забвения возник лишь в конце прошлого века, а сегодня переживает подлинный ренессанс. В то же время меняются причины данного интереса. По мнению Т. Мартина, "этот феномен привели в движение, по-видимому, три фактора: во-первых, распад Советского Союза (и Югославии); во-вторых, массовая миграция из бывших колоний в бывшие европейские метрополии и Америку; в-третьих, движение антиглобализма" [6, с. 95].

С другой стороны, немаловажным фактором, стимулирующим интерес к империи, становится всё нарастающий кризис нации-государства как результат нескольких общемировых тенденций. В первую очередь это процесс глобализации (который, собственно, и вызвал движение антиглобализма, упомянутое Т. Мартином), унифицирующий экономику, политическое устройство, культуру и даже язык народов всего мира.

Кроме того, очень важно то, что подверглась ревизии политическая "родина" нации-государства – Европа, народы которой ради наднационального

объединения согласились на критическое переосмысление своей национальной идентичности в сторону идентичности общеевропейской. Однако сегодня на всё более усиливающийся интерес к данному феномену оказывает уже, кажется, ни у кого не вызывающий сомнения факт, что человечество переживает сейчас уникальный для его истории период глобальной империи.

Эта уникальность заключается в двух моментах. Во-первых, впервые империя приняла всемирный характер и практически лишилась своих границ. Мы имеем здесь в виду не национальные границы, которые значительно трансформировались, изменив часто свою традиционную сущность, но остались. Мы говорим о пределах распространения империи, а они на Земле закончились. Рим тоже был по-своему всемирен, но в пределах тогдашней Ойкумены, то есть в пределах известного мира. Вполне принималась идея, что там – дальше – есть варвары, чем удалённее от империи, тем менее цивилизованные. Граница у империи была, хотя и носила весьма лабильный характер. При этом не предполагалось существование другой империи, даже где-то в другой Вселенной.

Во-вторых, современная глобальная империя обладает совершенно нехарактерным для данного политического устройства качеством, не меняющем его сущности, но, на самом деле, весьма значимым. Современная империя стеснительна. Это удивительно, и, если ещё найдутся исследователи, которые через много веков вдруг заинтересуются этим феноменом, для них это будет выглядеть очень странно. Человеческая история в значительной степени осуществляется через империи, и всегда это было предметом гордости и зависти, высокомерия и униженности, предметом восхищения и ненависти, господства и подчинения... Как часто тот или иной режим провозглашал себя империей (как правило, совершенно необоснованно), настолько редко происходило наоборот. Проблема в политкорректности, ведь империя – очень многозначный термин, нагруженный в том числе и исторически понятными негативными смыслами. Но если признавать за империями только деспотизм, склонность к экспансии и настаивать на конечности их развития (а что вечно?), то мы явно отойдём от объективного взгляда на этот вопрос.

Но, прежде чем перейти к обсуждению современной ситуации и её пролонгации в будущее, давайте объясним понимание политического термина "империя". В литературе мы обнаружили несколько десятков определений. Характерной особенностью большинства из них был акцент на их незаконность, неизбежность их развала и структурную простоту. Например, "нелигитимное, составное политическое образование, потенциально неспособное сдерживать рост внутренних наций" [2, с. 17] или "система взаимодействия между двумя политическими сущностями, одна из которых – доминирующая метрополия (действующая верховная власть), которая осуществляет политический контроль над внутренней и внешней политикой другой – подвластной периферией" [4, p.12].

Ряд исследователей вводят в качестве одного из основных идентифицирующих критериев империи её универсальную идею. Так, по мнению С. Айзенштадта, империи "часто использовали некоторые более широкие, потенциально универсальные политические и культурные ориентации, выходящие за пределы того, что было свойственно любой из составляющих империи частей" [5, p.41]. С.В. Лурье считает, что "сравнительный подход к империологии должен начинаться со сравнения комплекса религиозно-государственных идей (который можно назвать центральным принципом империи), лежащего в основании всех внешних и внутренних проявлений имперской практики и практически во всех случаях сочетающего в себе культурный универсализм и политический изоляционизм" [1].

В целом мы разделяем последнюю точку зрения. Однако мир полон политических идей разной степени потенциала реализации, но далеко не все из них стали фундаментом империи. Нужен ещё один компонент, описывающий носителя имперской идеи.

На наш взгляд, империя – это особая форма организации политического пространства, системообразующим признаком которой является универсальная мессианская идея, а главной движущей силой – некое этнически, либо социально ориентированное "ядро", принимающее эту идею в качестве без-

условной тотальной парадигмы своего развития и проецирующее её на весь окружающий мир.

Данное определение фиксирует весьма ограниченный круг исторических политий: большинство государств, называвших себя таким образом или названные впоследствии другими, империями не являлись. Очевидно исключаются из этого списка т.н. "кочевые империи" (Чингизидов, Великих Моголов, Тамерлана и т.д.), "империя Александра Македонского". В этих случаях мы наблюдаем очень яркое, уместно сказать, "пассионарное" ядро, не всегда чёткого этнического происхождения, и при этом – полное отсутствие универсальной идеи, которую можно было бы предложить и себе, и завоёванным народам. Также вряд ли можно назвать империями большинство европейских т.н. "колониальных империй" XIX – XX вв. Дело в том, что до конца XIX века называться империей было престижно, и владение заморскими колониями оценивалось европейскими государствами как заявка на принадлежность к этому узкому кругу великих держав. Ради этого можно было пойти даже на огромные, несопоставимые с выгодами, материальные затраты. В эту гонку за престижем включились Франция, Германия, Бельгия, Италия, Норвегия и даже Польша, не обладавшая в то время собственным суверенитетом. В этом отношении показательна совершенно убыточная с экономической точки зрения борьба европейских государств за колонии в Африке и Океании. Христианский прозелитизм здесь играл совсем не первостепенную роль и был, скорее, украшением и оправданием колониализма в глазах граждан метрополии.

Попробуем перечислить государства, которые соответствуют нашему представлению об империи. При этом мы осознаём, что этот список вполне может корректироваться: вопрос слишком широк в историческом плане.

Однако прежде хотелось бы сделать ещё одно замечание. Согласно нашему определению, для появления империи необходимо и достаточно появление "пассионарного" этнического или социального ядра и универсальной идеи. Но, конечно, важны и обстоятельства. С появлением "ядра" вопросов возникает не много, они часты в истории. С идеей сложнее. Первую универсальную идею могла предложить только религия, причем политеизм со своими этническими и местечковыми богами предложить такую идею не мог. Можно предположить, что первая такая идея возникла в правление Эхнатона. Идея единобожия среди сонма богов могла иметь огромный консолидирующий эффект далеко за пределы Египта, но в этом случае, видимо, не оказалось в наличии "ядра". И монотеистическая религия как универсальная идея для империи была забыта более чем на полтора тысячелетия.

Возможно, первой империей была Афинская архэ (V в до н.э.), просуществовавшая около 50 лет. "Ядром" здесь выступал афинский народ; "идея" – общественно-политический строй Афин с опорой на демократию.

Следующей империей становится Рим, но не с Цезаря или Августа, как обычно считают, а с эдикта Каракаллы 212 г. н.э. "Ядро" – римский народ, "идея" – всеобщее римское гражданство (до этого, начиная ещё с республиканского периода, идеей была священность Рима, но эта идея не могла каким-то образом увлечь окружающие народы, то есть не была универсальной).

Затем постепенно империя перемещается на восток и становится Константинопольской ("ядро" – ромеи, "идея" – христианство как универсальная религия – "нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос". (Кол. 3:11)).

Империей был арабский Халифат с 632 г. (преимущественно до Аббасидов 760 г.). "Ядро" – арабы; "идея" – ислам как универсальная религия.

Религиозный прозелитизм становится основной идеей Испанской империи (реконкиста), Российской (с Ивана III, когда начала политически обосновываться идея "переноса империи", а преодоление монгольского ига положило начало формированию великорусского православного "ядра").

Породила империю и Великая французская революция с мощным пассионарным "ядром" – французская нация и мессианской свободно трактуемой "идеей" свободы, равенства и братства.

Безусловно, империей являлась Великобритания с XIX века с появлением идеи мессианской культуртрегерской роли "белого человека".

В начале XX века с отказом от изоляционизма превращаются в империю США ("ядро" – американский народ; "идея" – США – "сияющий град на холме и демонстрация универсального успеха либеральной демократии). Одновременно Российская империя превращается в Советскую, сменив "ядро" на российский пролетариат, а "идею" – на всеобщее социальное равенство.

В любом случае можно обратить внимание, что, по крайней мере, в Старом Свете со времён Рима история империи не прекращалась. Она существует и сегодня.

Особенностью современных Соединённых Штатов как империи является её максимальный за всю историю человечества географический охват, и они кажутся в этом отношении преемником Британской империи. Однако это, скорее, следствие островного положения и, соответственно, способа экспансии посредством военно-морского флота. Гораздо больше соответствий (в "идее", финансовом способе осуществления контроля над "колониями", в опоре на военные базы и т.д.) мы находим между современными США и Афинской архэ. Поэтому будущим исследователям империй мы крайне настоятельно рекомендуем обратить своё внимание именно на имперские практики последней.

"Постколониализм"

На наш взгляд, колониализм – это политика извлечения материальной или статусной прибыли из окраинных территорий путем эксплуатации местного населения и его ресурсов. Он может быть следствием процесса колонизации, но для этого должны существовать определенные условия как в метрополии, так и в колонии. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что захваченная территория (будущая колония) как минимум должна быть широко заселена, а аборигены должны иметь или производить ликвидный для метрополии товар. При этом во властные структуры колоний инкорпорируются представители метрополии, которые и осуществляют реальную власть.

Ситуацию, сложившуюся в мире после 1960-х годов – времени массового приобретения независимости бывших (прежде всего, африканских) колоний, – часто называют "постколониальной эпохой" или "постколониализмом". Мы же предполагаем, что это, скорее, новая форма эксплуатации периферии, при которой сложившиеся условия позволяют её контролировать без необходимости её физического подавления.

Причинами смены парадигмы от прямого контроля периферии к опосредованному являлись:

Общая гуманизация западного общества после Второй Мировой войны, в ходе которой оно получило болезненный опыт колониальных взаимоотношений внутри самого себя, когда расовая сегрегация из малоинтересной для обывателя условной Африки вдруг непосредственно вошла в его дом.

Принципиально изменившиеся средства коммуникации (и связь, и транспорт, и финансы), – мир кардинально стал "тесным".

Всё это привело к тому, что проявление власти через неограниченное насилие в колониях стало неприличным для западного общества, а с точки зрения экономики – ещё более невыгодным, чем прежде. Это примерно так же, как в какой-то момент наделение рабов землёй стало более рациональным шагом, чем использование их как скота.

Однако мир остался колониальным. Более того, на наш взгляд, он стал более колониальным, чем прежде. Чтобы пояснить это положение, мы снова вернёмся к имперской практике.

В прежние времена империи презентовали свою "универсальную идею" преимуществами своей социальной организации и силой оружия, "добрым словом и пистолетом". Однако в случае с христианскими империями можно заметить, что там всё чаще миссионеры идут впереди армии, а зачастую заходят в такие уголки Земли, куда империя и не собиралась направлять свою физическую силу. В некотором смысле колонизацией можно считать и прозелитизм, то есть не захват новых территорий и не переселение туда людей, а перенесение туда некоторых идей. Для организации, осуществляющей такую "колонизацию", это гораздо более эффективный и менее затратный метод. Это относится не только к религиозным концепциям, но и к идеологиям вообще. То есть мы говорим о возможности "идеологического колониализма", когда существовавшие прежде на данном месте ценностные установки начинают

подвергаться сомнению и могут постепенно быть полностью заменены. Этот процесс замены будет тем более успешен, чем показательнее преимущества империи, чем она ближе (и в культурном, и в географическом смысле). А последнее напрямую зависит от развития средств коммуникации.

И вот мы пришли ко второй половине XX века, времени противоборства двух империй, которые были вынуждены отказаться от прямого вооруженного столкновения друг с другом, так как это могло уничтожить их обоих, и их противостояние превратилось в конкуренцию двух "идей". Исход этой борьбы, на наш взгляд отнюдь не был предопределён. Идея всеобщей социальной справедливости, которую презентовал Советский Союз, имела очень долгую историю и основывалась на раннем общинном христианстве, при этом была легка для понимания среди угнетённых наций. Проблема оказалась в том, что эта идея предполагает выравнивание экономического благополучия метрополии и периферии. Имперское "ядро" к этому оказалось не готово.

США – торговая империя. Её "идея" в значительной степени имеет маркетинговую подоплёку, схожую с приглашением к участию в финансовой пирамиде. Смысл её в следующем. Благополучие (в более широком случае – национальное благополучие) – это дефицитный ресурс. Мировые ресурсы ограничены, но предлагается как можно быстрее признать положительный пример успеха и принять его, чтобы оказаться ближе к этому ресурсу. Кто не успел, кто из-за глупости и нерешительности сопротивлялся приобщению к успеху, тот оказывается неудачником. Чем дольше сопротивление, тем дальше от ресурса, тем дольше эксплуатация теми, успев раньше приобщиться к лидеру. В этом отношении, например, очень показательным является процедура вступления и участия во Всемирной торговой организации (ВТО).

На рубеже 1980-90 гг. Советская империя прекратила своё существование, и человечество оказалось в мире под контролем одной глобальной империи. Её "идея" подтвердила своё превосходство и "богоизбранность". Отсутствие конкуренции спровоцировало безнаказанность. Уникальность современной ситуации не в том, что империя в мире одна (чаще всего в истории так и было), а то, что практически не осталось мест и сфер деятельности, которые она бы не контролировала. Колонией стала родина империй – Европа, национальный суверенитет – только фразой в конституциях.

Произошедшие метаморфозы – на поверхности, их предпосылки и следствия не являются каким-то тайным знанием. Колониальная власть контролирует мировую экономику через эмиссию доллара, мировую политическую систему – через контроль над океанами, а умы – через контроль над медиа и в целом знаниями. Попытки критики сложившейся системы ожидаемо называют ревизионизмом. США не называют себя империей, только потому что это слово обладает для них негативной коннотацией.

Перспективы империи

Однако сегодня перспективы США как глобальной империи не кажутся безупречными. Проблемы касаются и "ядра", и "универсальной идеи".

Империи иногда существуют долго. Но для этого "ядро" должно быть консолидировано, элита демонстрировать умеренность и быть подвижной. "Идея" должна оставаться простой и допускать минимум толкований. Эти условия сегодня в США всё более нарушаются. При высоком уровне патриотизма общество расколото по очень многим направлениям, как правило, внутренним: политическим, расовым, гендерным и т.д. "Идея" также подвергается переосмыслению, серьёзной политической силой становится поддержка идеи абсолютизированного равенства, гипертрофированного социализма, который, по сути, не может сосуществовать с концепцией либерального капитализма, предполагающего личный успех и экономическую сегрегацию. На наш взгляд, даже этих внутренних причин может хватить на потерю устойчивости глобальной империи. Однако при сильном, как уже говорилось выше, патриотизме, США, скорее, вернутся к ранее традиционному для них изоляционизму с жёстким контролем сфер влияния непосредственно у своих границ.

На данный момент мы не видим появления какой-то альтернативной империи. При этом потенциальных "ядер" в мире достаточно, консолидированных внутренне и "пассионарных", но ориентированных на решение узких

национальных, этнических или религиозных целей. Проблема – в предложении "универсальной идеи" для всех.

Страны БРИКС+ настаивают на построении многополярного, "более справедливого" мира. Эта идея не категорична и не подразумевает полной справедливости, поэтому она достаточно реалистична в практическом воплощении. С другой стороны, концепция "справедливости" всегда антагонистична и конфликтна. И она не может быть универсальной именно из-за своей некатегоричности.

Поэтому если современная глобальная империя прекратит своё существование, перейдя к изоляционизму и сократив свои сферы влияния, это не приведёт к её замене на новую империю. По крайней мере, пока не видятся предпосылки для её появления. Но это не значит, что её не будет.

Возможно, человечеству будет отведено какое-то время пожить без империй, и вряд ли оно будет спокойным. Однако, если когда-нибудь цивилизация вновь породит империю, очень хочется, чтобы свои сферы влияния и колонии она создавала бы не на Земле, а где-нибудь в Космосе.

Это было бы красиво.

Литература

1. Лурье С.В. Translatio Imperii – Русский архипелаг. URL: <https://archipelag.ru/geopolitics/nasledie/history/02/> (дата обращения: 28.04.2023).
2. Суни, Р. Империя как она есть: имперская Россия, "национальное" самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2000. № 1-2. С. 9–73.
3. Ткачев С.В. Империя как современная полития. Владивосток, 2007. 217 с.
4. Doyle, M. *Empires*. NY.: Ithaca, 1986. 408 p.
5. Eisenstadt, S.N. *Empires* // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. V., NY., 1968.
6. Martin, T. The Soviet Union as Empire. Salvaging a Dubious Analytical Category / T Martin // *Ab Imperio*. 2002. № 2. P. 91–105.

References

1. Lurie S.V. Translatio Imperii – Russian Archipelago. URL: <https://archipelag.ru/geopolitics/nasledie/history/02/> (accessed 28.04.2023) (In Russ.).
2. Suny, R. Empire as it is: Imperial Russia, "national" identity and theories of empire // *Ab Imperio*. 2000. № 1-2. P. 9–73. (In Russ.).
3. Tkachev S.V. *Empire as Modern Polity*. Vladivostok, 2007. (In Russ.).
4. Doyle, M. *Empires*. NY.: Ithaca, 1986. 408 p.
5. Eisenstadt, S.N. *Empires* // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Vol. V., NY., 1968.
6. Martin, T. The Soviet Union as Empire. Salvaging a Dubious Analytical Category / T Martin // *Ab Imperio*. 2002. № 2. P. 91–105.

Информация об авторе

Сергей Викторович Ткачев, канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: sertk@mail.ru

Information about the author

Sergej V. Tkachev, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center, RAS, Moscow, Russia, e-mail: sertk@mail.ru

Поступила в редакцию 28.04.2023

Одобрена после рецензирования 15.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 28.04.2023

Approved 05.05.2023

Accepted 18.05.2023

Пути политогенеза в XXI веке. К эволюционной типологии государств

Антон Александрович Киреев
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, antalkir@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования теоретических представлений о государстве и, прежде всего, о государстве-нации в политической науке. Политологические трактовки сущности и эволюции государства сопоставляются с концепциями политогенеза, разработанными в политической антропологии и смежных социальных науках. На основе выделенного концептуального и методологического инструментария предпринимается попытка типологизации государств первой четверти XXI в. и оценки перспектив их дальнейшей эволюции.

Ключевые слова: политогенез, теория государства, типы государства, полития, многолинейная эволюция

Автор благодарит за обсуждение рукописи данной статьи Ю.В. Латушко.

Для цитирования: Киреев А. А. Пути политогенеза в XXI веке. К эволюционной типологии государств // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 32–47. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/32-47>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/32-47>

Ways of politogenesis in the XXI century. Toward an evolutionary typology of states

Anton A. Kireev
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, antalkir@yandex.ru

Abstract. The article deals with the formation of theoretical ideas about the state and, above all, about the nation-state in political science. Political science interpretations of the essence and evolution of the state are compared with the concepts of politogenesis developed in political anthropology and related social sciences. Based on the identified conceptual and methodological tools, an attempt is made to typify the states of the first quarter of the XXI century, and assessment of the prospects for their further evolution.

Key words: politogenesis, state theory, types of state, polity, multilinear evolution

The author thanks Yu.V. Latushko for discussing the manuscript of this article.

For citation: Kireev A. A. Ways of politogenesis in the XXI century. Toward an evolutionary typology of states // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 32–47. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/32-47>

В современной политической науке тема политогенеза периферийна, если не маргинальна. В учебных курсах и теоретических обзорах по политологии она появляется в лучшем случае во вводных разделах, предваряющих освещение основных предметных областей этой науки. Политическая наука в целом склонна воспринимать свой объект как нечто ставшее, в важнейших, существенных своих чертах уже сложившееся и качественно определенное.

Квинтэссенцией этого инерционного, внеисторического видения политической реальности можно считать теорию государства. Учение о государстве – это наиболее малоподвижная, устойчивая к изменениям часть политической науки, в которой она сохраняет самую прямую и тесную связь со своим старшим родственником – правоведением. На фоне других политологических теорий, теория государства выделяется высокой степенью формальности и аксиоматичности и ярко выраженной нормативной, предписывающей ориентацией, объяснить непоколебимость которых можно лишь учитывая их глубокие идеологические корни. Мейнстримовские исследования в этой области затрагивают множество вопросов институционального устройства и технологического функционирования государства, при этом, как правило, не касаясь канонической трактовки его сущности. Согласно этому освященному научной традицией и принимаемому по умолчанию "канону", под современным (нормальным) государством подразумевается государство-нация, соответствующее нормам международного права и на данном основании заслуживающее политического и теоретического признания в качестве такового.

Между тем международно-политические процессы первой четверти XXI в. принесли много свидетельств о явлениях, само существование которых

с точки зрения современной теории государства представляется по меньшей мере проблематичным. К таким явлениям принадлежат, в частности, т.н. "новые" акторы, все более активно выходящие на международную арену, вступая в различные отношения с государствами и порой претендуя на равный или сопоставимый с ними правовой статус. В политологии и теории международных отношений таких акторов обычно принято концептуально отделять от государств в собственном смысле, либо относя их к смежным категориям надгосударственных и субгосударственных субъектов, либо рассматривая в качестве неких случайных и скоропреходящих отклонений от государственной "нормы" ("квазигосударств", "псевдогосударств" и т.п.). Однако количество и регулярность появления этих пограничных случаев и аномалий может указывать на недостатки самой теории государства, на ее неполноту, и на то, что понятие "политогенез" не теряет сегодня не только научной, но и практической актуальности.

Предметом данного исследования будет вопрос о том, какова сущностная специфика современного государства и есть ли основания считать государство-нацию наиболее перспективным (или единственным) вариантом его эволюции в XXI в. В первой части статьи я рассмотрю процесс формирования представлений о государстве в политической науке (с конца XIX в.), его методологические и идеологические факторы. Вторая часть статьи будет посвящена сопоставлению политологической теории государства с результатами исследований эволюционных типов государств, проводимых другими науками – прежде всего, антропологией и социологией – в более широком историческом контексте. В третьей части будет произведена систематизация типов государственных образований первой четверти XXI в. и дана оценка перспектив их дальнейшей эволюции.

Развитие теории государства в политической науке

Формирование политической науки в 1880-е гг. в Европе и США происходило в условиях уже достаточно плотного освоения ее предметного поля философией и рядом общественных наук (правоведение, социология, история). Поэтому многие идеи и концепции, циркулировавшие в этой научно-философской среде, были восприняты молодой политологией в готовом, вполне оформленном виде, как некая самоочевидная "данность". Путем подобного же стихийного наследования в состав предпосылочного знания политической науки вошла и концепция единства нации и государства как политической формы ее существования.

Идея естественного единства нации и государства, уходящая корнями к трудам европейских мыслителей XVI – XVII вв. (Ж. Боден, Г. Гроций), к середине XIX в. прочно вошла в политико-управленческую и дипломатическую практику элит капиталистических стран Запада, а последовавшие за крахом "старого режима" во Франции буржуазные революции и либерально-демократические движения привели к ее распространению в массовом сознании. Ведущую роль в теоретической разработке этой идеи сыграла, прежде всего, немецкая интеллектуальная традиция. Высокий онтологический и аксиологический статус, который проблема государства получила в философии И. Канта и Г. Гегеля, дал импульс обширному направлению исследований в немецкой науке, ядром которого стало юридическое государствоведение и в особенности конституционное право [5, с. 11–44; 24, с. 214–220, 311–314].

Немецкое государствоведение, оказавшее сильное влияние на ученые сообщества США и России, а также близкие к нему конституционные исследования во Франции и Англии, во многом задали предметные и методологические очертания политической науки на весь институциональный период ее развития (1880-е – 1910-е гг.). Вслед за правоведом-политологом (И. Блунтшлю, В. Уиллоуби, В. Вильсон) сосредоточились на формальном и сравнительном анализе государственных институтов, изучении форм правления и форм государственного устройства. При этом объектом их внимания были именно современные цивилизованные (западные) государства, а сравнительный материал использовался для иллюстрирования предшествовавших им стадий политической эволюции обществ. Цивилизованность, полноценность западных государств удостоверялись наличием у них ряда конституирующих (и законодательно закрепленных) признаков, включая территориальный способ

организации, национальную общность, публичную власть, налогообложение и другие¹.

Концепцию современного государства в политологии нередко именуют веберовской [24, с. 144–146]. Определение, данное М. Вебером ("человеческое сообщество, которое внутри определенной области...претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия") [4, с. 645], действительно широко востребовано как выдающееся по лаконичности выражение национально-государственного канона. Однако значение концепции Вебера связано не столько с тем, что он свел воедино ключевые признаки государства "современного типа", каждый из которых сам по себе в правоведческой и политологической литературе того времени был "общим местом". Ее важность основана на синтетичности всего веберовского подхода, вобравшего в себя, наряду с историко-правоведческими идеями, положения позитивистской и в определенной мере марксистской социологии, а также соединившего проблематику институтов, поведения и культуры. С этой точки зрения, в работах Вебера теория государства вышла за рамки классической институциональной политологии. Реализация исследовательской программы Вебера, предполагавшей проведение типологических и культурно-нейтральных (незападно-центричных) исследований государства по существу не завершена до сих пор.

Первая мировая война и последовавшие за ней революции существенно изменили развитие политической науки. Вызванное ими в странах Запада и особенно в США либерал-реформистское движение поставило под сомнение адекватность институционалистского идеала "правового" государства нуждам массового индустриального общества. От формальных норм науку призывали обратиться к реальному поведению граждан, к проблемам артикуляции их интересов и политического участия. Бихевиоралистский перенос акцента с государственных на общественные формы политической жизни имел наибольший научный резонанс в США, с характерной для этой страны культурой "слабого правительства". Государственная проблематика не исчезла из американской политической науки, но была отодвинута на окраину ее предметного поля [9, с. 322–327; 16, с. 79–86]. Европейская политология в этот период сохранила большую государствоцентричность, однако в 1930-е гг., в обстановке непримиримой борьбы фашистских и прокоммунистических сил, она погружается в состояние кризиса.

Еще более серьезный удар исследованиям государства нанесла вторая мировая война. Вызовом теории государства в послевоенные годы стала теория политической системы, основы которой были заимствованы политологами из социологии и антропологии. Пионеры системной интерпретации политики (Д. Истон, Г. Алмонд) крайне скептически относились к понятию государства, считая его размытым, нормативным и в конечном счете ненаучным. Напротив, концепция политической системы, с их точки зрения, давала целый ряд преимуществ: 1) расширение предмета политической науки (за счет охвата государственных и негосударственных акторов политики и всего комплекса их отношений); 2) совместимость системной (структурно-функциональной) методологии с бихевиорализмом; 3) активизация междисциплинарных связей политологии и переноса знаний; 4) возможность применения в сравнительных исследованиях равно западных и незападных, государственных и безгосударственных обществ.

Успех теории политической системы невозможно понять в отрыве от бурного развития сравнительной политологии и теории модернизации (Л. Пай, К. Дойч, С. Верба, Д. Аптер, Ш. Эйзенштадт) [24]. Очевидный подъем последних с середины 1950-х гг., в свою очередь, был обусловлен ситуацией холодной войны и необходимостью борьбы с СССР за влияние на страны третьего мира. В этих условиях правительство США оказало значительную поддержку изучению политических систем постколониальных обществ, прикладной целью которого была оценка готовности этих обществ к "транзиту", т.е., по сути, экспорту демократии и других структурных и функциональных достижений политической системы США [28].

¹ Вполне в русле этого подхода находились признаки государства, выделенные в известной работе Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" (1884 г.).

Сравнительные исследования политических систем, резко расширившие представления о разнообразии этнонациональных форм политической жизни (в т.ч. в странах Европы [12; 21]), фактически привели к появлению мировой политической науки, ведущее положение в которой заняли американские политологи. Однако произошедший на рубеже 1960-х – 1970-х гг. антибихевиоральный поворот повлек за собой ревизию методологических оснований мировой политологии, одним из следствий которой стало возрождение теории государства.

Рост интереса политологов постбихевиорального периода к государству имел не только научные, но и, прежде всего, общественно-политические предпосылки. Во-первых, разрядка и стабилизация сфер влияния двух лагерей в третьем мире снизили актуальность сравнительных исследований и позволили западным правительствам сосредоточиться на своих внутренних проблемах. Во-вторых, в самом третьем мире западная политика демократизации столкнулась с многочисленными трудностями и теоретически неожиданными результатами. Откликом на них явилось формирование консервативной ветви теории модернизации, связавшей перспективы догоняющего развития постколониальных обществ с деятельностью сильных авторитарных государств [26, с. 251–254; 37].

Полная реабилитация исследований государства произошла уже в 1980-е гг., когда они обрели новую методологическую базу в лице неоинституционализма (Дж. Марч, Д. Норт, П. Холл, Т. Скокпол, Дж. Розенау)² [16, с. 155–160]. Таким образом, возродившаяся теория государства была ориентирована не на возврат к ее конституционно-правовым основам, а скорее на продолжение программы Вебера с такими характерными для нее особенностями, как анализ взаимообусловленности государственных институтов, культуры и поведения, историзм и внимание к различным траекториям политической эволюции. Примерно в тот же период, в 1970-е – 1980-е гг., в Европе развернулись исследования происхождения государства-нации, выявлявшие его связи с более ранними типами политий [41].

Наметившееся обновление политологической теории государства было прервано международными событиями 1990-х гг. Последовавшая за гибелью СССР как "последней империи" новая глобальная волна демократизации и модернизации в очередной раз преобразила теоретический ландшафт политической науки. Политологическим мейнстримом стала неолиберальная (точнее, радикально-либеральная) историософия, соединившая в себе классическую концепцию государства-нации, теорию модернизации, а также идеи конструктивизма и постмодернизма. Основные положения этой историософии можно свести к следующим тезисам: 1) западное (либерально-демократическое) национальное государство – это высшая ступень политический эволюции; 2) государство-нация универсально и неизбежно вытесняет все другие типы государственной организации; 3) обретение всеми обществами планеты национально-государственной формы является предпосылкой завершения человеческой (политической) истории; 4) конец истории сопряжен с отмиранием государства в результате размытия национальных идентичностей, формирования экстерриториальных связей и многоуровневым перераспределением публичной власти; 5) постисторическая реальность – это глобальное и "безграничное" общество космополитических индивидов [29; 34; 35].

Несмотря на критические выпады справа и слева, неолиберальная концепция однолинейной политической эволюции в короткий срок приобрела исключительную популярность. Первые признаки расшатывания консенсуса в мировом политологическом мейнстриме обозначились лишь в 2000-е гг. под влиянием военных интервенций США в Евразии³. Об этом свидетельствовало появление по крайней мере двух новых направлений исследований государств. Одним из них стали исследования современных империй [33; 42].

² Хотя непосредственным донором неоинституционального подхода для политологии была экономическая наука, его более общим источником можно назвать структуралистскую парадигму, охватывавшую к тому времени широкий круг отраслей социогуманитарного знания.

³ Примечательно произошедшее в это время сближение взглядов Ф. Фукуямы с позицией С. Хантингтона [23].

Показательно, что объектами приложения этого восстановленного в правах понятия оказались не только Китай и Россия – страны с давними имперскими традициями, – но и такие оплоты "либеральной демократии", как США и ЕС. Другим формирующимся направлением является изучение различных парагосударственных образований, активно претендующих на субъектность в международных отношениях, но явно не соответствующих признакам государства-нации. Существование таких образований, в т.ч. террористического происхождения, представляло собой одновременно и практический, и теоретический вызов неолиберальному миропорядку [2; 19].

Вместе с тем инерция неолиберального консенсуса в мировой политической науке, не исключая и ее российскую ветвь, остается до сих пор очень устойчивой [13]. Концепция государства-нации удерживает положение идеологической, правовой и теоретической нормы, относительно которой все другие формы современной государственности рассматриваются не как самостоятельные типы, но лишь как отдельные отклоняющиеся случаи. Таким образом, трактовка эволюции государства в политологии в целом сохраняет свой однолинейный, безальтернативный характер.

Эволюция государства в политико-антропологической перспективе

С момента возникновения политическая наука испытывала заметное воздействие исследований, проводившихся в антропологии. Исходной предпосылкой тесных связей двух наук была общность их происхождения: обе зиждились на философиях Просвещения и позитивизма с их идеями единства человеческой природы и стадийности прогресса общества [25]. С конца XIX в. политологи привыкли видеть в антропологах, прежде всего, поставщиков сравнительного материала для своих теоретических обобщений. Однако, наряду с фактическим материалом, антропологи неоднократно успешно транслировали в политологическое сообщество свои концептуальные разработки и методологические принципы [16, с. 131–133].

Такое влияние, существенно превосходившее обратный поток, можно объяснить более быстрым развитием антропологической науки. Даже при необходимости сотрудничества с колониальными администрациями, антропологи, как правило, не ощущали столь жестких идеологических ограничений, которые были обычны для их коллег в политологии. Кроме того, нормативный и спекулятивный компонент в антропологических исследованиях подвергался более прямому и массивному давлению эмпирических данных, что само по себе способствовало большей научной продуктивности.

Долгое время проблемы политической власти и государства были для социальной (культурной) антропологии одним из многих, частных аспектов изучения человеческих обществ. Их выделение в особую субдисциплину этой науки – политическую антропологию – началось лишь в 1940-е гг. в ходе исследований африканских политических систем. Опосредованным откликом на этот процесс стало, как уже отмечалось, стремительное формирование в 1950-х гг. теории политической системы в политологии.

В период форсированного развития политическая антропология вступила в 1960-е гг., когда ее прежняя методологическая база (структурный функционализм) была потеснена и частично абсорбирована неэволюционизмом. Неоэволюционистскую парадигму изначально отличали интерес к общественной динамике макроисторического масштаба и склонность к широким теоретическим генерализациям. С течением времени, в 1970-е – 1980-е гг., в т.ч. под воздействием изменений в изучаемых постколониальных обществах и растущей кооперации с другими социогуманитарными науками (особенно исторической социологией и политологией), в неоэволюционистской политической антропологии усиливается тенденция к распространению своей предметной области на современные политии. Следует добавить, что неоэволюционистские концепции развивались в условиях плотной конкуренции (и идейного обмена) с марксистской теорией формаций и позитивистской теорией модернизации. В своей совокупности эти факторы сделали политическую антропологию одним из важнейших очагов теоретического синтеза в общественности второй половины XX в.

С 1960-х гг. представители политической антропологии разрабатывали универсальные схемы эволюции форм политической жизни, охватывающие

исторический процесс от первобытности до наших дней. Одной из первых подобных схем стала эволюционная типология Э. Сервиса, выделявшая четыре уровня политической интеграции: 1) бэнд; 2) племя⁴; 3) вожжество; 4) государство [38; 39]. Для разграничения данных уровней Сервисом использовался комплекс признаков, включая не только собственно властные отношения, но и экономические, социальные и культурные характеристики обществ.

В ходе своего распространения в антропологической литературе эволюционная типология Сервиса подвергалась неоднократным уточнениям и дополнениям. Наиболее важные дополнения к ней были сделаны в конце 1970-х гг. создателями теории "раннего государства" Х. Классеном и П. Скальником. Они разделили политическую форму государства на два стадийных типа: "раннее" и "зрелое" государство. В свою очередь, в рамках эволюции раннего государства ими была выделена последовательность из трех его подтипов: "зачаточного", "типичного" и "переходного" [40].

Еще одно существенное дополнение к схеме политогенеза Сервиса–Классена–Скальника в 2000-х гг. было предложено Л.Е. Грининым. Между стадиями раннего и зрелого государства им был помещен такой стадийный тип, как "развитое" государство. При этом развитое государство прямо отождествлялось с централизованным доиндустриальным государством, а зрелое – с индустриальным государством-нацией. Кроме того, каждую из стадий (раннего, развитого и зрелого государства) было предложено разбить на три этапа – "начальный", "типичный" и "переходный" [18, с. 402–439].

Таким образом, в неэволюционистских исследованиях сформировалась весьма детализированная линейная типология форм политической организации, претендовавшая на сквозное описание политогенеза архаичных, традиционных и современных обществ, и соединение тем самым предметных областей политической антропологии и политологии.

Будучи широко востребованной, линейная типология вместе с тем вызвала множество критических замечаний. Основными направлениями этой критики были два: 1) опровержение определений и последовательности смены конкретных форм политической организации общества; 2) отрицание обоснованности самого однолинейного подхода, трактующего политогенез как универсальное, постепенное и прогрессивное развитие. При этом со временем значение второго направления критики все более возрастало.

С характерными возражениями против универсальных типологий "политических форм" уже в 1960-е гг. выступил Ж. Баланжье. Указывая на слишком большую упрощенность, эмпирическую несистематичность и логическую противоречивость существующих типологических схем, он призывал "сдерживать амбиции политической антропологии в области типологии". По мнению Баланжье, антропологам следовало сосредоточиться на сравнении и типологизации "родственных систем", одновременно сосуществующих в пределах одного "культурного региона" [1, с. 50–55].

Своеобразным ответом на растущее недовольство исследователей недооценкой горизонтального, синхронного разнообразия форм политической жизни стала концепция политической эволюции, выдвинутая Р. Адамсом. Эволюционная типология Адамса имела теоретический и универсальный характер и отталкивалась от схемы Сервиса. Исходя из необходимости повышения меры контроля общества над природной энергией, согласно Адамсу, оно последовательно переходило к новым "уровням интеграции" и соответствующим "системам власти", которых автор насчитывал шесть. Вместе с тем Адамсом подчеркивал множественность путей политического развития. На каждом историческом уровне интеграции им выделялись сосуществующие друг с другом "координированные" и "централизованные" сообщества. Так, на высшем, современном уровне централизованным нациям сопутствуют такие координированные единицы, как "региональные блоки", "сообщество великих держав", мировые капиталистическая и социалистическая системы, а также различные международные организации [27].

Несмотря на то, что у концепции Адамса было мало прямых последователей, представленный в ней многолинейный подход к политогенезу получил в политической антропологии дальнейшее развитие. Наиболее рас-

⁴ Позднее место племени в этой типологии заняла община.

пространенной его разновидностью стали различные двухлинейные схемы, которые уже в 1980-е гг. разрабатывались как в западной, так и в советской науке. Причем, если на Западе они строились на основе неозволюционизма, то в СССР соединяли в себе неозволюционистские и марксистские идеи, восходившие к более ранним дискуссиям о специфике азиатского способа производства. Кроме того, особенностью советских концепций двухлинейности было особое внимание к раннегосударственной стадии эволюции, в рамках которой исследователи выделили две модели государства – "точечное" (номовое или город-государство) и "территориальное" (мультиполития, империя) [11; 15].

В 1990-е гг. на основе синтеза ряда западных и отечественных концепций происходит формирование нового, обобщающего варианта двухлинейного подхода, трактовавшего социальную и политическую эволюцию как взаимодействие двух типологических линий – "иерархических" и "неиерархических" обществ. Именно в 1990-е гг. этот подход, поглощая и реинтерпретируя однолинейные схемы политогенеза, по сути, занимает место доминирующего в политической антропологии [10]. Показательно, что на позиции двухлинейного подхода в это время переходят не только последователи, но и авторы таких схем [7].

Среди основных положений данного подхода можно выделить следующие: 1) эволюция иерархически организованных обществ, ведущая к государству – это только один из возможных путей политогенеза; 2) альтернативный путь политогенеза, характерный для эгалитарных и гетерархических обществ, не предполагает появления государственности; 3) общества обоих типов существуют в каждый исторический период, обладая сопоставимым уровнем сложности; 4) политические особенности иерархических и неиерархических обществ связаны с ландшафтными условиями их размещения и естественной защищенностью [11, с. 170–192].

В 2000-е – 2010-е гг. развитие неозволюционистской политической антропологии шло в направлении дальнейшего расширения ее предметного поля и интеграции с исторической социологией, теоретической историей (клиодинмикой) и глобалистикой (в ее мир-системной версии). В то же время было продолжено переосмысление самой структуры и механизмов политогенеза. Это выразилось в интересе к таким траекториям политического развития, как горизонтальная эволюция (трансформирующие взаимодействия синхронно существующих обществ), циклическая и реверсная (обратная) динамика. В этом контексте были начаты исследования взаимодействия разных линий политической эволюции современных обществ и, в частности, отношений государств-наций с политиями иных типов [3; 18].

Следует отметить, что активная экспансия политической антропологии (особенно наглядная на фоне затяжной стагнации в сравнительной политологии [16, с. 136–139])⁵ сопровождалась ростом в ней внутренних, понятийных и теоретических, противоречий. При этом эпицентром разногласий по-прежнему остаются вопросы о сущности государства, его признаках и условиях появления, о критериях разграничения его типов [10; 36]. Предоставляя развернутую аргументацию для критики политологической теории государства, неозволюционистская политическая антропология тем не менее не предлагает на сегодня какой-либо целостной альтернативной его теории.

Проблемы эволюции государств в XXI веке

Политическая антропология и историческая социология не дают однозначных, консенсусных решений проблем, стоящих перед политологической теорией государства, включая прежде всего вопросы о специфике современных государств (государств современности), их типологическом разнообразии и путях дальнейшей эволюции. Тем не менее их методологические и концептуальные результаты позволяют построить некоторые гипотезы, очерчивающие направления поиска необходимых ответов.

⁵ В основе этой экспансии лежит обширнейший массив эмпирической информации о сотнях обществ, высокая систематизированность и формализованность которого (в т.ч. в виде баз данных) позволяют применять к нему ряд новых, междисциплинарных методов количественного анализа и моделирования.

Прежде всего, опыт политико-антропологических и историко-социологических исследований указывает на то, что определения государства должны иметь исторический и сравнительный характер, т.е. отражать происхождение и стадияльное развитие государств, а также их включенность в более широкий класс явлений – политий.

Под политией в данной работе понимается политическая система любого самодостаточного человеческого коллектива (общества)⁶. Исходя из этого, государство можно определить как особый тип политической системы, характерный для сложных иерархических (стратифицированных) обществ⁷.

Для уточнения этих кратких определений необходимо выделить существенные (критериальные) признаки политики и государства. Как уже отмечалось антропологами [10, с. 13], многие признаки, постулируемые политической наукой в качестве специфических для государства, в действительности присущи всему классу политий в целом. На мой взгляд, такими общими признаками политий следует считать население и внешний суверенитет. При этом под населением понимается устойчивая многопоколенная человеческая общность (независимо от способа ее интеграции), рассматриваемая как объект управления, а под внешним суверенитетом – самоуправляемость данной общности, ее независимость от какой-либо внешней власти. Судя по всему, эти минимальные признаки политики были присущи уже древнейшим, "простым" обществам, к каковым обычно относят банды и локальные группы [8].

В более поздний период у политий появился еще один признак, традиционно включаемый в государственный канон – территория. Едва ли можно признать корректным отождествление территории с местонахождением общества, его текущей позицией в физическом пространстве и на этом основании – трактовку этого признака как атрибута любой политики [10]. Необходимой принадлежностью общества и его политической организации становится только такая территория (точнее – конкретный географический ареал), которая освоена и встроена в регулярные циклы культурного воспроизводства и уже поэтому является не менее важным объектом управления и систематической защиты, чем население. В этом смысле в число признаков политий (таких как общины и вождества) территория входит не ранее неолитической революции и появления производящего, прежде всего, земледельческого хозяйства, сопряженного с оседлостью.

Наконец, последним по времени возникновения признаком политий, знаменующим собственно переход к такой их разновидности, как государство, является тот, который в политологической и правоведческой теории принято именовать внутренним суверенитетом. Это понятие, близкое к веберовскому понятию "монополии легитимного принуждения", описывает состояние отделенности политической власти над обществом от самого общества, ее независимости от всякой иной власти в нем и верховенства в пределах его территории и населения. Принципиальной предпосылкой отделения высшей политической (государственной) власти от общества, эмпирическим выражением которого стала многоуровневая организация управления⁸, послужило усложнение общественной системы по вертикали (стратификация) и по горизонтали (территориальное деление), в свою очередь, необходимо связанное с ростом ее демографических и территориальных размеров.

Четыре названных выше макропризнака, по-видимому, общи для государственных образований всех типов, начиная с "раннего", и, безусловно, не являются специфической характеристикой современного (капиталистического) государства, а тем более такого его варианта, как государство-нация. Данные признаки, а точнее стоящие за ними структуры и функциональные механизмы, обеспечивают выживание сложных обществ в условиях повышенной внешней и внутренней конфликтности, свойственной исторической эпохе их существования. Лишь особые географические обстоятельства, в виде "есте-

⁶ Термин "общество" здесь близок по смыслу понятию "этническая общность".

⁷ Сравни также: [21, с. 39–47].

⁸ Антропологи, как правило, указывают на необходимость для существования государства 4–5 уровней управления.

ственной защищенности", могли позволить сложному обществу долговременно обходиться без государственного "экзоскелета".

Для объяснения процессов политогенеза после возникновения государства (как и в догосударственную эпоху) обычно используется понятие "адаптация", объёмлющее различные формы дифференцирующего приспособления систем к различным природным и общественным средам. Однако более продуктивно разделять два относительно самостоятельных фактора политогенеза – взаимодействие политий с природной средой и их взаимодействие с более изменчивым общественным окружением. Исторически, по мере уплотнения общественной среды, роль второго основного фактора политогенеза – межобщественных связей – постепенно возрастала [8, с. 38–45; 30, р. 41–56]. Формирование устойчивых пространственных комплексов развивающихся государств и политий (цивилизаций, регионов, мир-систем) со временем становилось все более мощным источником их типологического сближения/расхождения.

Различия в механизмах эволюции государств обусловили множественность траекторий политогенеза. Долгое время в обществознании (а в политологии – по сей день) приоритетное внимание уделялось вертикальной эволюции, описанием которой являлись стадияльно-технологические (позитивистская традиция) или формационные (марксистская традиция) типологии государств. Абсолютизация вертикальной эволюции способствовала укоренению фаталистических, однолинейных интерпретаций политогенеза. Выявление политантропологами важности горизонтальной эволюции синхронных (но часто разностадийных) обществ открывает возможность для реконструкции значительно более сложной структуры политогенетических процессов. Соперничество и сотрудничество сосуществующих государств и политий, уничтожение или поглощение соседей, диффузия политических инноваций, гибридизация и интеграция объясняют эмпирическую множественность траекторий политической эволюции и вместе с тем неравномерность их роста и ветвления. Очевидно, что наибольшую значимость горизонтальная эволюция имеет для государств капиталистической эпохи, ставших глубоко взаимозависимыми частями глобализованного мира, элементами обретающего системность мирового сообщества.

В долгосрочной перспективе результатом взаимоналожения, контаминации вертикальных и горизонтальных траекторий политической эволюции является увеличение разнообразия государств и иных политий. В XXI в. это разнообразие выражает себя на разных уровнях. Во-первых, на него указывает рост самого количества субъектов международных отношений. К их числу сегодня можно отнести почти две сотни "признанных" государств, около пяти десятков политий, так или иначе претендующих на государственный статус, а также не поддающееся точной оценке множество политий, действующих на международной арене с разной степенью самостоятельности, не заявляя таких претензий [14, с. 107–168; 20]. Во-вторых, происходит умножение гетерохронности политий, т.е. накопительное расширение спектра их стадияльных различий. В современном мире стадияльно более ранние государства и политии (доиндустриальные) зачастую не вытесняются более поздними (индустриальными и постиндустриальными), но продолжают сосуществовать и взаимодействовать с ними. В-третьих, под действием функциональной дифференциации и ценностной фрагментации, появления новых, ассоциативных форм социальности нарастает внутренняя сложность политий и в особенности государств. Многоукладные и многослойные, полиэтнические и поликультурные государства необходимо приобретают все более индивидуализированный политический облик.

Безусловно, вариативность путей и результатов политогенеза даже потенциально не может быть бесконечной⁹. И в настоящее время она сдерживается целым рядом факторов, включая: 1) экологические ограничения; 2) пределы продуктивности способов производства; 3) межобщественную конкуренцию и в т.ч. военно-политический отбор; 4) международную институционально-правовую унификацию. Тем не менее и с учетом воздействия всех этих ограничений, разнообразие форм политической организации обществ первой

⁹ См. противоположную точку зрения: [8, с. 52].

четверти XXI в. существенно превосходит описательные и прогностические возможности однолинейных и конвергентных теорий политогенеза, связанных с концепцией государства-нации [3].

Для упорядочения множества современных государств и политий применяются различные критерии, которые часто имеют очень специальный, индикаторный характер [17]. Предлагаемые здесь подходы к типологизации основаны на выделенных ранее наиболее общих, теоретических признаках государства, из которых при необходимости могут быть выведены их более частные, в т.ч. эмпирические, индикаторы. Каждый из этих макропризнаков имеет определенный континуум значений, полюсами которого являются противоположные друг другу идеальные типы государства (табл. 1).

В качестве наиболее однозначного макропризнака современных государств¹⁰, как правило, рассматривается территория. Тем не менее сила их политической связи с конкретным территориальным ареалом, контроля над ним также представляет собой континуум. Если на одном полюсе этого континуума находятся "территориальные" государства (подавляющее большинство признанных государств), для которых их территория является не менее принципиальным объектом суверенитета, чем население, то на другом – "экстерриториальные государства" (правильнее – политии), которые определяют свои властные пределы отсылкой к некоторой социальной общности (этнической, конфессиональной, классовой, культурной) без привязки к постоянному географическому ареалу. В современном мире функционирование экстерриториальных политий сталкивается со многими формальными (международное право) и фактическими (трудность поддержания контура безопасности) препятствиями, поэтому на определенном этапе претендующие на государственность политии такого типа обычно предпринимают попытки территориальной фиксации своих границ [20]. Вместе с тем в условиях развития постиндустриальных технологических сетей (в т.ч. политической) организации, нельзя исключать возможность появления в будущем устойчивых политических образований, сочетающих в себе атрибуты государства с сохраняемой экстерриториальностью.

Гораздо очевиднее континуальность такого признака современных государств, как население. С точки зрения степени однородности параметров проживающих в их границах граждан государства можно разделить на два противоположных типа – "гомогенные" и "гетерогенные". Даже, если принимать во внимание только этнические характеристики¹¹ населения, можно обнаружить, что "гомогенные" государства (близкие к национально-государственному канону) составляют в мире незначительное меньшинство, а большая часть стран сосредоточена в той половине шкалы, которая примыкает к "гетерогенному" полюсу¹². Дополнение же этнических признаков религиозными, языковыми, региональными, культурными и классовыми параметрами населения ведет к тому, что к полюсу высокой гетерогенности смещается подавляющее большинство существующих сегодня государств [12, с. 56–59]. Следует отметить, что с последней трети XX в. все более весомым фактором неуклонного повышения внутренней гетерогенности современных государств (прежде всего, развитых стран) выступает трансграничная миграция.

По признаку меры обладания внешним суверенитетом современные государства располагаются в континууме между "независимым" и "зависимым" типами. Несмотря на отсутствие удовлетворительного количественного показателя внешнего суверенитета, несомненно, что это градуированная величина, для описания градаций которой используют различные термины. Так, в наибольшей мере типу независимого государства соответствуют "великие (и сверх-) державы", способные не только на максимальном уровне отстаивать собственный внешний суверенитет, но и асимметрично ограничивать сувере-

¹⁰ Базой для дальнейших типологизаций являются примерно 250 государств рубежа 2010-х – 2020-х гг., включая как международно признанные, так и непризнанные (в т.ч. зависящие и заморские территории и территории с особым статусом).

¹¹ Этническая принадлежность сама по себе является целым комплексом признаков.

¹² На 2022 г. в мире было 22 государства с уровнем этнической однородности от 95% и более. Подсчитано по: [31].

нитет других стран¹³. На противоположном краю континуума находятся государства, обладающие предельно урезанным суверенитетом ("зависимые", "заморские" и иные находящиеся под разными формами опеки территории). Промежуточное положение – ближе к "независимому" типу – занимают в основном суверенные в своих действиях государства "второго эшелона" и – ближе к "зависимому" типу – более слабые малые страны и новые непризнанные или частично признанные государства, во внешнем суверенитете которых присутствуют значимые изъятия. К ограниченно или номинально суверенным государствам в начале XXI в. принадлежали, по некоторым оценкам, свыше 110 стран мира (или три пятых от всех "признанных" государств) [6; 32].

Варьируемость признака внутреннего суверенитета, т.е. степени отделенности государственной власти от управляемых, позволяет выделить континуум государств от "публичного" до "непубличного" типа. При этом к "публичному" типу тяготеют немногие ("правовые") современные государства, власть в которых практически приближается к веберовской модели "рационально-легального господства", обеспечивающей равноудаленность государственной бюрократии от любых общественных субъектов. Значительно большее число государств воплощает черты "непубличного" типа, для которого характерны "персонализация" (личное правление, "приватизация") или "трайбализация" (присвоение кланом, племенем и т.д.) государственной власти¹⁴. Промежуточное положение на данном континууме принадлежит различным градациям "ограниченно публичных" государств, в той или иной мере подчиняющих правовой и бюрократический формализм интересам и ценностям тех или иных частей общества – этносов, конфессий, классов, меньшинств¹⁵.

Сопоставление четырех представленных подходов к типологизации современных государств достаточно наглядно показывает место, которое в их совокупности занимают аутентичные государства-нации¹⁶. Такой комбинацией типологических признаков, по самым оптимистическим оценкам, обладают от 20 до 25 стран, т.е. не более одной десятой от рассмотренной совокупности государств. При этом с начала XX в. их доля, учитывая резкий рост общего числа государств, не выросла, а сократилась. Развитые государства-нации (преимущественно, европейские) действительно оказали определяющее влияние на международное и конституционное право и стали предметом подражания для многих незападных политий. Однако распространение этой модели в мире в основном представляет (и в ближайшем будущем будет представлять) собой не вытеснение "проигравших" в эволюционной конкуренции иных политических форм, но гибридизацию или имитацию. Первая в особенности характерна для "великих держав", соединяющих в своих институтах и правовых самоописаниях концепцию государства-нации с имперской традицией политогенеза¹⁷. Вторая свойственна для многих постколониальных государств, которые либо прямо симулируют форму "либерально-демократической нации" для получения внешних ресурсов, либо используют ее как средство "поддерживающей терапии" на период трудных поисков собственного пути политического развития [3, с. 91–148].

¹³ По мнению М.В. Ильина, в современном мире насчитывается 10 таких государств [6, с. 105].

¹⁴ Примерами здесь являются страны с неопатримониальными режимами, вплоть до политий, имитирующих государственную организацию [11, с. 193–234; 22].

¹⁵ Подобная модель внутреннего суверенитета характерна для "идеологических" (либеральных, коммунистических, фашистских и иных) государств.

¹⁶ То есть государства, сочетающие признаки территориального, гомогенного, независимого и публичного типов.

¹⁷ Эта традиция сильна в территориальных государствах с гетерогенным населением, высоким уровнем внешнего суверенитета и ограниченной публичностью власти.

Табл. 1. Подходы к типологизации современных государств
Table 1. Approaches to typologization of states of the modern period

Признаки государства (критерии типологизации)	Типологические континуумы государств	
Территория (мера контроля над постоянным территориальным ареалом)	Территориальные государства Государства с международно признанными и контролируемыми границами Государства де-факто	Экстерриториальные государства Виртуальные государства Территории децентрализованного контроля Несостоявшиеся государства Государства-юрисдикции Правительство в изгнании
Население (мера однородности населения государства)	Гомогенные государства Государства-этнонации Однонациональные государства	Гетерогенные государства Многонациональные государства Многоосставные государства
Внешний суверенитет (мера независимости от внешней власти)	Независимые государства Сверхдержавы Великие державы Мегагосударства Сильные государства	Зависимые государства Микрогосударства Ассоциированные государства Заморские территории Зависимые территории Коллапсировавшие государства Сегменты-государства
Внутренний суверенитет (мера отделенности государственной власти от управляемых)	Публичные государства Правовые государства	Непубличные государства Неопатримониальные государства Традиционные государства

Примечание: жирным шрифтом обозначены идеальные типы государств, образующие полюса типологических континуумов, обычным шрифтом – располагающиеся на разном расстоянии от полюсов эмпирические типы государств. Набор приводимых эмпирических типов иллюстративен и не претендует на полноту и взаимоисключаемость.

Источник: составлено автором с использованием: [2; 6; 14; 20].

Source: compiled by the author using: [2; 6; 14; 20].

Заключение

Мейнстримовская теория государства в политологии рисует крайне упрощенную и в конечном счете искаженную картину мира современных политий, осью и конвергентной перспективой развития которого постулируется государство-нация. Исследования в политической антропологии и исторической социологии дают методологическую основу для более полного и реалистичного освещения этой предметной области. Опираясь на нее, в данной статье был сделан ряд выводов, которые тезисно можно сформулировать следующим образом:

1) Проблематика политогенеза в XXI в. не теряет своей актуальности. Движимая, как и ранее, возрастающей сложностью обществ и высоким уровнем их внутренней и внешней конфликтности политическая эволюция не показывает каких-либо симптомов "конца истории".

2) Современный политогенез имеет разветвленную многолинейную структуру, формируемую контаминацией тенденций вертикальной (смена стадий) и горизонтальной (смена одностадийных форм) эволюции.

3) В XXI в. развитию государств продолжает сопутствовать эволюция негосударственных политий. При этом государства и политии активно взаимодействуют, вступая в отношения соперничества и сотрудничества, в разные формы синтеза.

4) Эволюция государств происходит в многомерном пространстве характеристик и может быть описана в четырех типологических измерениях (исходя из вариативности макропризнаков государства: территории, населения, внешнего и внутреннего суверенитета).

5) В пространстве политогенеза европейская линия государства-нации коэволюционирует с рядом других линий. Наиболее выраженными альтернативами ей сегодня являются "великодержавная" и "постколониальная" линии политогенеза.

6) Типологическим характеристикам государства-нации соответствуют не более 10% государств мира. Распространение этого типа за пределы европейского региона, как правило, приобретает формы гибридизации или имитации.

7) Наибольшим потенциалом дальнейшей эволюционной дифференциации обладают постколониальные государства. Их интенсивная, полная противоречий динамика – это главная лаборатория политогенеза XXI в.

Литература

1. Баландые Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. 204 с.
2. Бартенев В.И. От "несостоявшихся государств" к "неустойчивым состояниям": логика понятийной эквилибристики // Пост. 2017. № 2. С. 26–41.
3. Бондаренко Д.М. Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М: Издательский Дом ЯСК, 2022. 400 с.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
5. Иванов В.В. Теория государства. М.: ВШЭ, 2010. 288 с.
6. Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? // Современное государство: Политико-правовые и экономические исследования / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. М., 2010. 282 с.
7. Классен Х.Д.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 6–23.
8. Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции: (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 24–83.
9. Корюшкин А.И. История современной политической науки как история поиска ее идентичности // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 320–333.
10. Крадин Н.Н. Основные закономерности происхождения государства // Краткие сообщения Института археологии. 2015. № 239. С. 7–27.
11. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 272 с.
12. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект-пресс, 1997. 286 с.
13. Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 1. С. 195–205.
14. Окунев И.Ю. Политическая география. М.: Аспект Пресс, 2019. 512 с.

15. Павленко Ю.В. Пути становления раннеклассовых социальных организмов // Исследование социально-исторических проблем в археологии/Отв. ред. С.В. Смирнов. Киев, 1987. С. 72–85.
16. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. 814 с.
17. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Мельвил А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. М., 2007. 270 с.
18. Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе / под ред. Л. Е. Гринина. М.: Учитель, 2019. 608 с.
19. Попов Ф.А. Принцип национального государства как угроза существованию национального государства // Трансграничные вызовы национальному государству. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 224–243.
20. Себенцов А.Б., Колосов В.А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. 2012. № 2. С. 31–46.
21. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. М.: Аспект Пресс, 2002. 535 с.
22. Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептуология: журнал междисциплинарных исследований. 2010. № 4. С. 158–187.
23. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М.: АСТ, 2017. 702 с.
24. Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии: в поисках парадигмы. М.: ИНФРА-М: Весь Мир, 2001. 559 с.
25. Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М.: Восточная литература, 2003. 358 с.
26. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. М.: ИНФРА-М: Весь мир, 2000. 318 с.
27. Adams R. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin, TX: University of Texas Press, 1975. 353 p.
28. Almond G.A. & Powell G.B. Comparative politics: a developmental approach. Boston: Little, Brown, 1966. 348 p.
29. Beck U. The Cosmopolitan Vision. Cambridge: Polity Press, 2006. 216 p.
30. Chase-Dunn Ch., Hall T. Rise and Demise: Comparing World-Systems. Boulder, CO: Westview Press, 1997. 322 p.
31. CIA World Factbook 2022-2023. Skyhorse, 2022. 1184 p.
32. Colomer J.M. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. Routledge, 2007. 128 p.
33. Ferguson N. Colossus: the price of America's empire. New York, NY: Penguin Press, 2004. 416 p.
34. Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No. 16. P. 3–18.
35. Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 186 p.
36. Grinin L.E., Korotayev A.V. Emergence of chiefdoms and states: A spectrum of opinions // Social Evolution and History. 2012. Vol. 11, No. 2. P. 191–204.
37. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven and London: Yale University Press, 1968. 448 p.
38. Service E. Primitive Social Organization. New York, NY: Random House, 1962. 211 p.
39. Service E.R. Origins of the state and civilization: The process of cultural evolution. New York: Norton, Cop, 1975. 361 p.
40. The Early State /Ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1978. 689 p.
41. The Formation of national states in Western Europe / Ed. by Ch. Tilly. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1975. 711 p.
42. Zielonka J. Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union. Oxford: Oxford University Press, 2006. 293 p.

References

1. Balandier J. Political anthropology. M.: Scientific world, 2001. 204 p. (In Russ.).
2. Bartenev V.I. From "failed states" to "unstable states": the logic of conceptual balancing act // Polis. 2017. No. 2. P. 26–41. (In Russ.).
3. Bondarenko D.M. Postcolonial nations in the historical and cultural context. M: YaSK Publishing House, 2022. 400 p. (In Russ.).
4. Weber M. Politics as a vocation and profession // Weber M. Selected works. M.: Progress, 1990. P. 644–706. (In Russ.).
5. Ivanov V.V. State theory. M.: VSHE, 2010. 288 p. (In Russ.).

6. Ilyin M.V. Is a universal typology of states possible? // *Modern State: Political, Legal and Economic Studies* / RAS. INION. Center for social scientific-inform. research. M., 2010. 282 p. (In Russ.).
7. Klassen H.D.M. Problems, paradoxes and prospects of evolutionism // *Alternative ways to civilization*. M.: Logos, 2000. P. 6–23. (In Russ.).
8. Korotaev A.V., Kradin N.N., Lynsha V.A. Alternatives of social evolution: (introductory remarks) // *Alternative ways to civilization*. M.: Logos, 2000. P. 24–83. (In Russ.).
9. Koryushkin A.I. The history of modern political science as a history of the search for its identity // *Bulletin of St. Petersburg State University. Political science. International relationships*. 2017. Vol. 10. Issue. 4. P. 320–333. (In Russ.).
10. Kradin N.N. The main patterns of the origin of the state // *Brief reports of the Institute of Archeology*. 2015. No. 239. P. 7–27. (In Russ.).
11. Kradin N.N. *Political Anthropology*. M.: Logos, 2004. 272 p. (In Russ.).
12. Leiphart A. *Democracy in multicomponent societies*. M.: Aspect-press, 1997. 286 p. (In Russ.).
13. *Between empire and nation // Russia in global politics*. 2017. V. 15. No. 1. P. 195–205. (In Russ.).
14. Okunев I.Yu. *Political geography*. M.: Aspect Press, 2019. 512 p. (In Russ.).
15. Pavlenko Yu.V. *Ways of formation of early class social organisms // Study of socio-historical problems in archeology* / Ed. ed. S.V. Smirnov. Kyiv, 1987. P. 72–85. (In Russ.).
16. *Political science: new directions* / ed. R. Gudín and H.-D. Klingemann. M.: Veche, 1999. 814 p. (In Russ.).
17. *Political Atlas of the Present: An Experience of Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States* / Melvill A.Yu., Ilyin M.V., Meleshkina E.Yu. et al. M., 2007. 270 p. (In Russ.).
18. *Politogenesis and historical dynamics of political institutions: from local potency to the global world-system* / ed. L. E. Grinin. M.: Uchitel, 2019. 608 p. (In Russ.).
19. Popov F.A. The principle of the national state as a threat to the existence of the national state // *Cross-border challenges to the national state*. St. Petersburg: Intersocis, 2015. P. 224–243. (In Russ.).
20. Sebentsov A.B., Kolosov V.A. The phenomenon of uncontrolled territories in the modern world // *Polis*. 2012. No. 2. P. 31–46. (In Russ.).
21. *Comparative Politics Today: World Review* / G. Almond, J. Powell, K. Strom, R. Dalton. M.: Aspect Press, 2002. 535 p. (In Russ.).
22. Fisun A.A. Toward a rethinking of post-Soviet politics: a neo-patrimonial interpretation // *Political Conceptology: A Journal of Metadisciplinary Research*. 2010. No. 4. P. 158–187. (In Russ.).
23. Fukuyama F. *Fading of the state order*. M.: AST, 2017. 702 p. (In Russ.).
24. Chilcot R.X. *Theories of Comparative Political Science: In Search of a Paradigm*. M.: INFRA-M: Ves Mir, 2001. 559 p. (In Russ.).
25. Evans-Pritchard E. *History of anthropological thought*. M.: Eastern Literature, 2003. 358 p. (In Russ.).
26. Endrein Ch.F. *Comparative analysis of political systems*. M.: INFRA-M: Ves mir, 2000. 318 p. (In Russ.).
27. Adams R. *Energy and Structure. A Theory of Social Power*. Austin, TX: University of Texas Press, 1975. 353 p.
28. Almond G.A. & Powell G.B. *Comparative politics: a developmental approach*. Boston: Little, Brown, 1966. 348 p.
29. Beck U. *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge: Polity Press, 2006. 216 p.
30. Chase-Dunn Ch., Hall T. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press, 1997. 322 p.
31. *CIA World Factbook 2022-2023*. Skyhorse, 2022. 1184 p.
32. Colomer J.M. *Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State*. Routledge, 2007. 128 p.
33. Ferguson N. *Colossus: the price of America's empire*. New York, NY: Penguin Press, 2004. 416 p.
34. Fukuyama F. *The End of History?* // *The National Interest*. 1989. No. 16. P. 3–18.
35. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990. 186 p.
36. Grinin L.E., Korotayev A.V. *Emergence of chiefdoms and states: A spectrum of opinions // Social Evolution and History*. 2012. Vol. 11, No. 2. P. 191–204.
37. Huntington S.P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven and London: Yale University Press, 1968. 448 p.
38. Service E. *Primitive Social Organization*. New York, NY: Random House, 1962. 211 p.
39. Service E.R. *Origins of the state and civilization: The process of cultural evolution*. New York: Norton, Cop, 1975. 361 p.
40. *The Early State* /Ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague: Mouton, 1978. 689 p.
41. *The Formation of national states in Western Europe* / Ed. by Ch. Tilly. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1975. 711 p.
42. Zielonka J. *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 293 p.

Информация об авторе

Антон Александрович Киреев, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: antalkir@yandex.ru

Information about the author

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: antalkir@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.04.2023

Received 23.04.2023

Одобрена после рецензирования 11.05.2023

Approved 11.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Accepted 18.05.2023

Вызов пространства: абстрактная геополитика, потенциал территории и историческая колея дальневосточного приграничья в 1990-х гг. (на примере Хасанского района)

Анатолий Евгеньевич Савченко
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Россия, savchenko@ihaefe.ru

Аннотация. В статье на примере Хасанского района рассматривается противоречивый процесс трансформации пограничного пространства из зоны сдерживания потенциального противника к площадке для реализации трансграничных международных проектов. Автор показывает, что потенциал территории, как локации для реализации таких проектов, был скорее дискурсом, сконструированным региональными и локальными элитами путём "отрыва" проектов развития от широкого контекста, связывающего их с историей предшествующего развития и с окружающим пространством. Главными источниками для подготовки данной статьи стал материал, впервые введённый в научный оборот: архивные документы и полуструктурированные интервью, собранные в ходе полевых исследований.

Ключевые слова: *проекты территориального развития, региональная политика, государство, Хасанский район, Дальний Восток*

Интервью и материалы архива администрации Хасанского района были собраны А.Е. Савченко и И.Ю. Зуенко в ходе серии экспедиций в Хасанский район в 2020 – 2021 г. в рамках проекта "Миф потенциала–потенциал мифа": проекты развития на дальневосточном приграничье", реализованного при поддержке фонда "Хамовники".

Для цитирования: Савченко А. Е. Вызов пространства: абстрактная геополитика, потенциал территории и историческая колея дальневосточного приграничья в 1990-х гг. (на примере Хасанского района) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 48–56. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/48-56>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/48-56>

Challenge of the Space: Abstract Geopolitics, Territory Potential, and the Historical Track of the Far Eastern Borderlands in the 1990s. (On the example of the Khasansky district)

Anatoly Evgenievich Savchenko,
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, savchenko@ihaefe.ru

Abstract. The article focused on the contradictory process of transformation of the border space from a zone of containment of a potential clash to a platform for the implementation of cross-border international projects using the example of the Khasansky district. The author shows that the potential of the territory as a location for the implementation of such projects was rather a discourse constructed by regional and local elites, by "separating" development projects from a broad context that connects them with the history of previous development and with the surrounding space. The main foundation of the article were the material first introduced into scientific discussions: archival documents and semi-structured interviews collected during author's field research.

Key words: *sterritorial development projects, regional policy, state, Khasansky district, Far East*

Interviews and materials from the archives of the administration of the Khasan district were collected by A.E. Savchenko and I.Yu. Zuenko during a series of expeditions to the Khasansky district in 2020-2021 as part of the project: "Myth of Potential – Potential of a Myth": Development Projects on the Far Eastern Border, implemented with the support of the Khamovniki Foundation.

For citation: Savchenko A. E. Challenge of the Space: Abstract Geopolitics, Territory Potential, and the Historical Track of the Far Eastern Borderlands in the 1990s. (On the example of the Khasansky district) // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 48–56. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/48-56>

Проблема исследования и её актуальность. Научных статей детально разбирающих новейшую историю Хасанского района совсем немного [3; 4]. При этом сам район представляет собой, на первый взгляд, необъяснимый пример нереализованных возможностей совпадения естественных преимуществ территории. Имея прямой выход сразу к двум сухопутным границам: с Китаем и Северной Кореей, а также к морю – здесь расположены три порта – район уже в конце 1980-х гг., одним из первых в стране, рассматривался как площадка для запуска международных трансграничных проектов. Соседняя китайская провинция Цзилинь не имеет собственного морского побережья, но расстояние от российско-китайской границы до ближайшего порта Хасанского района составляет по прямой всего 30 километров. Перспектива

развития большого логистического центра для обработки транзитных экспортных и импортных грузов возникает почти сама собой. Поэтому с самого начала нормализации отношений с Китаем в центре внимания были проекты, связанные с трансграничной логистикой. Уже больше тридцати лет в разнообразных официальных планах, концепциях и заявлениях пустынные бухты, холмы и долины района обрастают километрами причальных стенок, гигантскими портовыми кранами, современными автомагистралями и логистическими центрами. География словно играет с Хасаном, рисуя на месте Славянки и Зарубино миражи Сингапура и Пусана.

С течением времени сближения красивых планов и реальности не происходит. То ли люди, принимающие решения на государственном уровне, не видят всей красоты и мощи геополитического потенциала Хасана, то ли сами планы – лишь красивая иллюзия? Действительно, эти идеи и проекты – родом из 1990-х гг., когда "эмоционально насыщенные ожидания" во многом заслоняли "рациональное целеполагание" [7, с. 112]. Но и спустя более чем 30 лет предложения по преобразению этих мест не исчезают из дискуссий о развитии района и края. Ближайший пример – встреча приморского губернатора с Президентом России, на которой О.Н. Кожемяко напомнил о большом потенциале Хасанского района, имеющем "прекрасные порты", переходы с Китаем и КНДР, но при этом очень слабую, сдерживающую его развитие транспортную и энергетическую инфраструктуру¹. Пережив несколько периодов забвения, проекты развития района упорно возрождаются, трансформируясь в соответствии с меняющимся контекстом. Значит это кому-то нужно. На примере проекта "Туманган" и связанного с ним проекта "большого порта Зарубино" мы ставим целью ответить на ряд вопросов: кто же заинтересован в их регулярном возрождении и продолжающимся уже тридцать лет обсуждением? Какими способами эти проекты продвигаются на уровень, где принимаются политические решения? Как и кем выбираются главные точки для приложения усилий в этих проектах? И почему превращение Хасанского района в международный логистический хаб² происходит так медленно, точнее – едва заметно с течением десятилетий?

Реальность наблюдаемая. Хасанский район занимает площадь 4130 кв. км., (что составляет чуть больше 2,5% территории Приморского края), здесь проживает приблизительно 30.500 человек. Посмотрев на карту, мы увидим район как вытянутый с севера на юг "сапог", напоминающий Италию, но без "каблука". Всей западной стороной он прилегает к Китаю, всей восточной – тянется побережьем с севера на юг вдоль заливов: Амурского и Петра Великого, заканчиваясь границей с Корейской Народно-Демократической Республикой по реке Туманган. Возможно, только г. Благовещенск, расположенный прямо напротив занявшего другой берег Амура китайского города Хайхэ, может соперничать с Хасанским районом по физическому ощущению близости Китая. В 1960-е – 1980-е гг. район был закрытой милитаризированной территорией, готовой отразить гипотетическое нападение соседа. С конца 1980-х гг. с Китаем здесь связываются главные надежды на экономический прорыв.

Насколько вообще может быть верным, то, что география определяет историю – это совершенно верно для Хасанского района. Говорить о нём – значит говорить о границе и побережье, о соседних странах, в первую очередь – о Китае. Протяжённость границ района составляет приблизительно 873 километра, и более четверти от этого числа составляет государственная граница – 250,9 км. Сегодня здесь расположены сразу 6 пунктов пропуска: 3 морских (порты Посыет и Зарубино, Славянка), один автомобильный – на границе с КНР (переход Краскино – Хунчунь), и два железнодорожных – на границе с КНДР (Хасан) и КНР (Махалино-Хунчунь). Что осознаётся региональными управленцами как яркая специфика территории:

¹ Встреча с губернатором Приморского края Олегом Кожемяко. 10 апреля 2023 г. Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70889> (дата обращения: 22.04.2023).

² Логистический хаб – транспортный узел, обеспечивающий координацию потоков товаров и пассажиров, а также взаимодействие между различными видами транспорта. См. подробно: [1, с. 332].

"Там 6 пунктов пропусков, такого в России нет. В этом (Хасанский район – прим. А.Е. Савченко) уникальный..." (муниципальный служащий, Приморский край, 2020 г).

Кажется естественным, что наш разговор с теми, кто в разные времена стоял у истоков проектов развития этого района начинался с географии и карт: *"Значит... карту вы представляете, да? В Китае были?"* (предприниматель, эксперт, Приморский край, 2020 г.).

"Ну тогда в восемьдесят... девяностый вернее год... Здесь я вообще не был никогда. Я даже представления не имел что это так далеко. Ну и вот я посмотрел на карту Краскино, и вот увидел сразу ту составляющую логистическую. Которая очень интересна: это положение Хасанского района, это море, порты, это Корея, это Китай" (в разное время: предприниматель, эксперт, муниципальный служащий, Приморский край, 2020 г.).

Граница, окружающая Хасанский район с трёх сторон, делает любой разговор о его развитии – геополитическим, тем более что инициатива таких разговоров чаще всего исходила от представителей соседних государств. От соблазна "сыграть пространством" и преобразить его, за счёт включения в глобальные товарные потоки, связав интересы других стран, трудно отмахнуться, но первые же решительные шаги в этом направлении сразу путаются в хитросплетённых зарослях соображений безопасности, конкуренции с уже существующей транспортной инфраструктурой на территории России и Северной Кореи, альтернативных вариантов будущего самого Хасанского района.

Во времена конфронтации СССР и Китая в 1960-е – 1970-е гг. район был закрытым для посещения и населен преимущественно военными. Поэтому население здесь даже в советское время колебалось нетипично волнообразно. Достигнув максимума в 1931 году (46.100 чел.), в последующем, несмотря на интенсивное заселение юга Приморского края, оно никогда не достигало этого уровня. Одним из последствий нормализации отношений двух стран стало сокращение присутствия в районе военных. Армия покинула эти места, и военные городки, покорившись окружающему лесу, встречают нас заросшими серыми скелетами капитальных каменных и панельных построек с темными квадратами пустых оконных проемов.

В районе нет ни одного города, но более 70% его населения – городское, проживающее в селах и посёлках городского типа: портах: Славянка, Зарубино и Посьет, и в приграничных Краскино и Хасане. Зарубино последние 30 лет было центральным пунктом глобальных трансграничных проектов на юге Приморья, местный порт обещал стать крупнейшим на Дальнем Востоке, перехватив часть международного грузопотока Азиатско-Тихоокеанского региона. Эти планы мало повлияли на современную реальность. Сегодня здесь 4 причала, общей длиной 650 метров. Самый ранний построен в 1980-м году, самый новый – в 1991-м. (Здесь важно обратить внимание, что за три десятилетия разговоров о большом порте, он фактически не строился). Сегодня порт Зарубино (официальное название: Морской порт в бухте Троицы) позиционирует себя как "ключевое звено" для "обеспечения логистики между странами Азиатско-Тихоокеанского региона" и "важная часть международного транспортно-го коридора "Приморье – 2" [8, с. 17]³. Ключевым звеном в трансграничных логистических инициативах вокруг Хасанского района порт Зарубино стал во многом благодаря проекту Туманган.

Только непогруженного в контекст исследователя могло бы удивить, что никто, из наших собеседников, не смог точно сказать, кто именно был автором проекта Туманган. Это относится и к тем, кто, занимая в разное время руководящие посты в администрации Приморского края, был непосредственно в него вовлечен:

– *"...Я даже вот по себе думаю, да. По сей день спроси меня, кто это придумал – Туманган, и зачем – я не могу точно определить"* (интервью № 80).

– *"Кто-то из японцев это придумал..."* (интервью № 78).

³ "В порту Зарубино отгружена первая партия зерновых грузов". 03. 03. 2020 г. Официальный сайт Морского порта в бухте Троицы". URL: http://seaport-troitsa.ru/news/v_portu_zarubino_otgruzhena_pervaya_partiya_zernovykh_gruzov/ (дата обращения: 06.06. 2020).

Но даже японский исследователь из ключевого для проекта интеллектуального центра – Института экономических исследований Северо-Восточной Азии, пишущий по истории проекта Туманган, начинает свой текст с оговорки: "нет ясности, кто первый выдвинул идею развития зоны реки Туманган" [10, с. 1].

Но кто же продвигал этот проект? – и лучше всех из доступных нам собеседников ответ на этот вопрос мог бы знать Владимир Кузнецов, возглавлявший Приморский край во время зарождения и наиболее интенсивного обсуждения этой темы, но и его ответ не добавляет ясности к туманной картине: *"Никто особенно не продвигал. Оно как бы шло..."* (интервью № 31).

Этот проект, хотя точнее будет сказать, что на большей части своей истории это был набор идей и смелых фантазий – коллективное творчество.

– *"Но вы меня поймите, что вы приехали к человеку, который стоял у истоков проекта Туманган..."* – задал нам нужный настрой на дальнейшую беседу предприниматель из Хасанского района (интервью № 43). Каждая страна, район и даже отдельный человек, могли видеть в этом проекте возможности для себя и пытаться использовать его, "пристраивая" к дискуссии свои идеи и интересы.

– *"Там у всех были разные представления, – скажет нам о Тумангане 30 лет спустя Владимир Кузнецов* (интервью № 31).

Идея создания зоны совместного интенсивного развития в дельте р. Туманной была впервые официально выдвинута летом 1990 г. на международной научной конференции в г. Чанчуне (административном центре приграничной с Хасанским районом провинции Цзилинь) профессором Дином Шиченом, директором цзилинского Азиатско-Тихоокеанского института. Скорее всего, он озвучил уже согласованную в правительстве провинции концепцию [5, с. 93]. В устье реки Туманной предлагалось создать транзитно-транспортный хаб для перевозки продукции местного производства на рынки АТР и Европы. Для этого русло реки было необходимо углубить, договориться с соседями о беспрепятственном проходе судов через шестнадцатикилометровый отрезок, где граничат только Россия и КНДР, а на китайской территории построить крупный порт и город. Идея получила международную поддержку в 1991 г. в рамках Программы развития ООН (ПРООН). Проект предполагал вложения ок. 30 млрд. долларов в течение двадцати лет с тем, чтобы превратить регион "в Гонконг Северо-Восточной Азии" [10, с. 4].

С позиции России проект Туманган был инициирован извне и государство было в большей мере реагирующей стороной, при этом по разным мотивам он был подхвачен на региональном и районном уровнях, заполняя идейный и проектный вакуум, в котором с самого начала оказалось российско-китайское приграничное сотрудничество.

Любопытно, что В.С. Кузнецов, сам не воспринимал туманганский проект буквально, рассматривая его скорее как возможность участвовать в международном общении:

– *"Я относился к нему (к проекту Туманган – прим. А.Е. Савченко) так же, как и сегодня... Повод для разговоров... что люди встречаются, люди общаются, вот в этом общении рождаются какие-то конкретные вещи. Могут рождаться по крайней мере* (интервью № 31).

Видя туманганский проект как повод для разговоров, приморский губернатор не мог участвовать в многочисленных встречах и переговорах без каких-либо конкретных предложений. В противовес стремлению Китая построить порт на своей территории, руководство края выступило с предложением использовать порт на российской стороне. Только вместо изначально интересовавшего китайскую сторону Посыета, был предложен порт Зарубино, находящийся дальше от погранперехода на 44 км. по трассе, и на 21 км. по прямой. По воспоминаниям участников событий, именно губернатор вызвал к себе директора зарубинского порта (тогда назвавшегося "Хасанский рыбный порт") и поручил ему готовить предложения для проекта Туманган (интервью № 43).

В марте 1992 года порт получил новое название – "Хасанский морской коммерческий порт", забывшись от своей ведомственной родословной, и уже в следующем месяце распоряжением Правительства он был открыт для международного судоходства. Администрация Приморского края, обращаясь в том же году за поддержкой в Москву, презентовала его как "наиболее перспективный транспортный узел" в южном Приморье. Правда для развития порта

было необходимо реконструировать существующие и построить новые железные и автомобильные дороги, ведущие к границе с Китаем (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1.Д. 51. Л. 26). На самом деле это была лишь малая часть от того, что требовалось, но это искусно загромождалось декорациями гигантских экономических перспектив и ажиотажа вокруг проекта. Далее мы увидим, как разыгрывалось это представление.

Для директора порта проект Туманган стал шансом на прорыв в большой мир и большой бизнес, но не за счёт экономики, а за счёт политики и геополитики. Военное прошлое Хасана и его мирное, построенное на включении в международные связи, будущее слились вместе, позволяя воображению строить самые смелые планы:

– Я понял: вот где золотая жила. Китай в течение десятилетий рвётся к выходу к морю... На этом небольшом участке... Стык трёх границ. Я ещё застал время, когда был Дэн Сяопин, вот... он сказал: "Любым путём, но мы должны с этого моря возить груз.... Вот где родилась перспектива... Без всяких войн, без всего" (интервью № 43).

Игра на геополитической конкуренции должна была стать трамплином, с которого гигантская пропасть между желаемым образом и реальностью преодолевается в один прыжок. Геополитика и стратегические интересы обещали будущее процветание, если в настоящем не постоять за цену. И на какой-то, впрочем, непродолжительный период многие поверили, что это реально. В то время, когда празднично открытый ровно год назад и переданный на баланс администрации района автодорожный пограничный пункт пропуска в "Краскино" не мог функционировать "ввиду отсутствия в нём электроэнергии, тепла и воды", а исполняющий обязанности командующего войсками Тихоокеанского пограничного округа убеждал районные власти "принять экстренные меры по созданию нормальных условий" для его работы, маленький посёлок Зарубино оказался в центре внимания иностранцев (АОАХМР. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17. Л. 116)⁴.

– "Когда вся эта эпопея началась, в день приезжало по три делегации. А то и приземлялись вертолётами. Мы делили приём делегаций. Какая главная, какая нет, с Кореи, там с Китая, Японии, американцы, австралийцы. Это был кошмар. В то время я ногой открывал двери, как говорится, любого министерства в Москве. О нас снимали фильмы" (интервью № 43).

В ожидании бурного экономического роста, но в отсутствии надёжных дорог, между краевым центром и Хасанским районом была запущена вертолётная линия. Вертолёт по маршруту Владивосток – Славянка летал ежедневно, четыре раза в день, по маршруту Владивосток – Зарубино было два рейса в день, время полёта составляло 30 мин. (АОАХМР. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17. Л. 9). Потенциальные инвесторы и журналисты, могли быстро попадать в будущий логистический хаб, буквально пролетая над реальностью района и не вникая в нюансы инфраструктурных проблем территории.

В картине будущего, изображаемой местной администрацией, район находился на пороге миграционно-демографического бума: в два предстоящих десятилетия предполагалось увеличение численности населения: в пос. Зарубино примерно в 3,5 раза – с 5300 чел в январе 1992 г. до 18350 чел. в 2010-м. Соседнее с Зарубино село Андреевка выросло в 5 раз – с 722 чел. до 3400 соответственно, а расположенная в паре километров от Зарубино железнодорожная станция Рязановка увеличивалась и вовсе в 300 раз – с 58 человек до 17100. Учитывая близкое расположение этих населенных пунктов, перед нами возникает новый город с численностью населения 40370 чел. – число, сопоставимое с населением всего Хасанского района того времени. Администрация затруднялась делать прогнозы далее 2010 года, ссылаясь на невозможность расчётов "в связи с концепцией развития Владивостока и порта в устье р. Туманган" (АОАХМР. Ф. 14. Оп. 2. Д. 17. Л. 9, 84).

Маленький рыбный порт превращался в планах и речах в огромный хаб с 12-ю причальными стенками общей длиной в 11 километров. Приехав на место, трудно представить, как все эти сооружения могли бы поместиться в этой маленькой бухте. Но здесь нас поджидает открытие – речь шла о принципиально новом порте в других бухтах.

⁴ АОАХМР – Архивный отдел администрации Хасанского муниципального района.

– "А проект то развивался как раз не на этот порт. А по сути дела на новый.

– Но в той же бухте?

– Не... Тут, как тебе сказать... это было только для того, чтобы мы имели возможность показывать, развиваться" (**интервью № 43**).

Бывший директор порта, говоря об этом проекте, ни разу не упомянул дефицита электроэнергии, необходимости дноуглубления и тех сдерживающих условий, о которых говорили другие люди. В его понимании – герой может решить всё: связать разные интересы и вовлечь всех участников в решение сопутствующих проблем. Перед нами идеальный пример "политического предпринимателя". В ходе беседы он неоднократно подчёркивал, что он – директор маленького порта, а тем не менее заходил в самые высокие кабинеты, добивался, казалось бы, невозможного.

Порт – как точка выхода во внешний мир и входа для столь желанной в то время импортной продукции от продовольствия и одежды до автомобилей – обеспечивал его руководству почти неограниченную власть в районе и влияние в крае. А предпринимательский талант его директора позволял использовать эти возможности для продвижения проекта.

Новый губернатор Приморья – Евгений Наздратенко, сменивший в мае 1993 г. Владимира Кузнецова, изначально был настроен против участия в активности вокруг Тумангана. Осенью 1994 года он писал заместителю Председателя Правительства России о планах Китая переселить 10-12 млн. чел. для "освоения южной части Приморья". Он просил учесть особенности и геостратегические интересы Приморского края, приняв программу его развития, способную не допустить "экономического вытеснения" жителей края, но прежде всего – оперативно выделить 10 млрд. руб. на первоочередные нужды (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 278. Л. 29 – 30)⁵. Когда до директора порта дошла информация, что губернатор пишет в Москву такие письма, он потребовал от главы района обеспечить ему личную встречу с ним. После беседы, длившейся 4,5 часа, позиция губернатора меняется на противоположную и через полтора года на конференции в Японии он уже приветствовал туманганский проект, сообщив попутно о создании в краевой администрации рабочей группы по подготовке технико-экономического обоснования для строительства транзитно-транспортного узла на базе порта в Зарубино [3, с. 124]. Правда, эта поддержка была явлена в хорошо знакомом нам широком контексте транзитно-транспортной инфраструктуры края: "соглашаясь с идеей о развитии Зарубинского направления, он (Наздратенко – прим. А.Е. Савченко) отмечал, что в проекте развития Тумангана большую роль играют Владивосток, Восточный, а также свободная экономическая зона Находки" [6, с. 108].

Стратегия продвижения проекта на высший политический уровень заключалась в использовании заинтересованности (сильно преувеличенной) провинциальных властей и экспертов соседних государств к проектам, связанным с транзитом через территорию Хасанского района, для того чтобы заручиться поддержкой Москвы. А эта поддержка, в свою очередь, выступала аргументом убеждения иностранных партнёров в мощном административно-политическом ресурсе инициатора проекта, с одной стороны, а с другой – для втягивания государства в сеть международных контактов, а ещё лучше – договоренностей и обязательств.

Технику дела мы можем проследить буквально по документам. 17 июля 1995 года вышло Распоряжение Правительства № 990-р, предписывающее администрации Приморского края разработать технико-экономическое обоснование развития транспортного узла на базе Хасанского морского коммерческого порта и далее совместно с Минфином и Минэкономики "рассмотреть вопрос целесообразности выдачи гарантий отечественным и иностранным инвесторам", участвующим в этом проекте [9]. Через месяц уже администрация Приморья направила в Японию председателю Японо-Российского комитета по экономическому сотрудничеству официальное письмо, в котором более смело разворачивались формулировки правительственного Распоряжения № 990-р. Ссылаясь на этот правительственный документ, администрация края представляла решенными вопросы транзитных грузопассажирских перевозок (хотя

⁵ ГАПК – Государственный архив Приморского края.

в Распоряжении об этом не говорилось), а также заявляла о "готовности" российского Правительства предоставить гарантии инвесторам при наличии развернутого бизнес-плана. На этом основании администрация просила председателя комитета, то есть японскую сторону, "организовать и профинансировать" подготовку бизнес-плана и технико-экономического обоснования (**личный архив автора**).

Из распоряжения администрации Приморского края, вышедшем через три месяца после этого письма, мы узнаем, что краевым властям ещё только предстояло провести переговоры с руководством провинции Цзилинь о формировании грузопотока и создания Транзитного транспортного узла как части программы Туманган. А чтобы привлечь грузопоток, администрация намеревалась добиться создания "свободной экономической микрзоны" и "таможенного транспортного коридора", обеспеченного таможенными, налоговыми и иными льготами... (**личный архив автора**). Экономическую модель создания транзитно-транспортного узла ещё нужно было найти, и это слегка развивало настойчиво создаваемое впечатление международного ажиотажа вокруг Зарубино и будто бы ломящихся в сторону хасанских портов китайских грузов на другую сторону границы.

В российское же Правительство от руководства порта шли бумаги с заверениями об активной поддержке проекта на высшем политическом уровне в Китае и высокой вероятности выхода специального правительственного постановления в Пекине. Целью этих действий было появление пункта о Хасанском транзитно-транспортном узле в межгосударственном соглашении между Россией и КНР (**личный архив автора**).

В 1995 г. Хасанский морской коммерческий порт вошёл в официальный перечень инвестиционных проектов Министерства экономики, предлагаемых к реализации на Дальнем Востоке с обосновывающей формулировкой "для обеспечения стабильного грузопотока в страны АТР" с планируемыми мощностью в 30 млн. тонн. различных грузов в год и объёмом инвестиций в 750 – 800 млн. долл. (**ГАХК. Ф. Р. 22050. Оп. 1. Д. 161. Л. 105**)⁶.

Формально этот порт не приобрел реальных очертаний, потому что не удалось обеспечить гарантию для кредита, который было готово предоставить японское правительство. Большой проект развития иницировался фактически без собственных ресурсов. Но за этим верхним слоем, углубившись в некоторые детали, мы увидим другие, настоящие, причины. Несмотря на разговоры, подписанные соглашения и постановления органов власти, как будто подтверждающих значимость этого проекта, у него было мало сторонников, особенно на influentialных государственных позициях. Мы не находим тех, кому действительно был нужен этот проект, кроме директора Хасанского коммерческого порта, у которого не было собственных инвестиционных средств и администрации Хасанского района, мало на что способной повлиять.

Интерес соседних провинций КНР не был таким безусловным и готовым воплотиться в конкретные решения, как это преподносилось руководством порта. Пространственный охват "Туманганского района экономического развития" непрерывно расширялся, включив российскую территорию не только в Хасанском районе, но и до Находки и порта Восточный. Включение в дискуссию по туманганским проектам уже действовавшей инфраструктуры обнуляло эксклюзивность хасанских портов как точек выхода к морю с российской территории. Впрочем, проект столь же быстро распространился на всю территорию Северо-Восточной Азии [5, с. 98]. Несмотря на то что организация "Расширенная Туманганская инициатива" функционирует до настоящего времени, сам проект трансформировался, утратив первоначальный территориальный фокус. Устойчивый интерес ко всей этой активности сохранялся только у Китая, точнее у одной из его провинций (Цзилинь), где интенсивно строилась транспортная инфраструктура [2, с. 54].

С китайской стороны в рамках туманганских инициатив к 1993 г. было предложено 11 проектов. Большая часть из них включала создание порта в Китае – выше по течению реки Туманган. Были и предложения об аренде площади у России, а также о переносе пограничной линии с уступкой Китаю части территории, обеспечивающей возможность выхода к морю для провин-

⁶ ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

ции Цзилинь [6. с. 98]. Порт в Зарубино был лишь одним из элементов большой дискуссии. В самом же Пекине рассматривали в качестве приоритетного маршрут с севера на юг – к портам провинции Ляонин. Главным портом для Северо-Восточных провинций выступал Далянь, а транзиту через Хасан и Северную Корею предполагалась только второстепенную роль [10, с. 5].

Наш собеседник, непосредственно курировавший вопросы, связанные с Зарубино в администрации края, также подтверждает этот вывод.

"Ну нигде, ни в одной столице не было того, чтобы дать северным провинциям (имеются ввиду провинции КНР – Цзилинь и Хэйлунцзян, прим. А.Е. Савченко) вложить деньги в наши порты, и чтобы они работали" (интервью № 80).

В уже известном нам распоряжении российского Правительства № 990-р не случайно использовались обтекаемые термины в части предоставления государственных гарантий. В Москве на туманганские проекты смотрели скорее негативно. В январе 1996 г. председатель Совета по изучению производительных сил академик А.Г. Гранберг предупреждал – "освоение этой зоны снизит нагрузку на наши порты, уменьшит возможности получения валюты от транзитных перевозок по Транссибу" (ГАХК. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 22. Л. 46). Против проекта были и представители железной дороги, указывая на опасность ликвидации наработанной годами транспортной схемы (ГАХК. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 22. Л. 56). Почти дословно воспроизводилась аргументация Е.М. Примакова и представителей морского транспорта по поводу порта Посьет.

Отношение же центральной власти к подобным проектам, а главное, их аргументация хорошо видны из двух документов. В аналитической записке, подготовленной в 1997 г. заместителем министра внешних экономических связей РФ А.П. Огурцовым – "Об участии России в Туманганском проекте", автор констатировал: развитие зоны идёт вяло, прогнозируемых экспертами объёмов инвестиций нет. Но, с другой стороны, он с удовлетворением отмечал: "С повестки дня сняты все характерные для начального этапа негативные (выделено А.Е.Савченко.) предложения типа создания неких экстерриториальных образований, свободных экономических зон и т.п. (ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 624. Л. 113).

Выводы. Представления о потенциале Хасанского района были основаны на экономгеографическом детерминизме и усилены активностью китайских партнёров на начальном этапе. Для задействования географических преимуществ пространства было необходимо преодолеть "низкий потолок", ограничивающий проекты развития в районе: дефицит электроэнергии, ограниченную пропускную способность дорог. Поэтому рассматриваемые нами проекты были неизменно масштабными, предполагавшими крупные меры в виде финансовых вложений, активной внешней политики по созданию международного консорциума заинтересованных участников, льготных правовых режимов для снижения издержек. Кроме этого, для получения финансовой и административной поддержки требовались веские аргументы, способные убедить тех, кто принимает решения на государственном уровне, в том, что потенциальное значение нового транспортного маршрута заслуживает большего внимания и усилий по сравнению с уже существующей инфраструктурой (например, в портах Восточный и Находка). Отсюда происходила мифологизация пространства, вызванная стремлением заинтересованных участников придать экстраординарный характер проектам развития Хасанского района в сфере транзита и логистики.

Литература

1. Анисимов Н.А., Шкарина Т.Ю. Логистический хаб (ТЛЦ), как основа развития региона // Инновации и инвестиции. 2021. № 3. С.332–335.
2. Бурлаков В.А. Перспективы развития Расширенной Туманганской Инициативы (геополитический аспект). // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2013. № 2. С. 53–63.
3. Ващук А. С. Международный транспортный коридор "Приморье-2": идеи, проекты, реалии в русле "тихоокеанского разворота". // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 3. С. 121–138;

4. Ващук А.С. Развитие предпринимательства на железнодорожном транспорте и в портовом хозяйстве Хасанского района Приморского края в конце XX – начале XXI вв. // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 3. С. 39–49.
5. Гулидов Р.В. Проект "Туманган": вымысел и реальность. // Пространственная экономика, 2012 № 1. 90–108.
6. Ивасита, Акихиро. 4000 километров проблем. Российско-китайская граница. / Акихиро Ивасита; пер. с яп. М.Г. Горфункель. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 336 с.
7. Киреев А.А. Российский Дальний Восток в трансграничном взаимодействии с Китаем (конец 1980-х – конец 2010-х гг.): итоги в сравнительной перспективе. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 106–119.
8. Предварительные материалы оценки воздействия на окружающую среду экологического обоснования хозяйственной деятельности ООО "ПМБТ" по перегрузке контейнеров и иных грузов во внутренних морских водах и территориальном море РФ, осуществляемой на территории Морского порта в бухте Троицы. Том 1. Владивосток, 2022. 487 с.
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 990-р, г. Москва. / Собрание законодательства Российской Федерации № 30 от 24 июля 1995 года, ст. 2975.
10. Tsuji Hisako. The Tumen River area Development Programme: Its History and Current Status as of 2004. ERINA Discussion Paper. N0404e April 2004. Niigata. 20 p.

References

1. Anisimov N.A. Shkarina T.Yu Logistic HUB (TLC) as the basis for the development of the region // Innovation and investment. 2021 No. 3. P. 332–335. (In Russ.).
2. Burlakov V.A Prospects of development of Greater Tumen Initiative (geopolitical aspect) // Ojkumena. Regional Researches. 2013. No 2. P. 53–63. (In Russ.).
3. Vaschuk A.S. International transport corridor "Primorye-2": ideas, projects, realities in line with the "Pacific Pivot". // Crede Experto: transport, society, education, language. 2016. No 3. P. 121–138. (In Russ.).
4. Vaschuk A.S. Business development in rail transport and port economy of Khasan district (Primorsky territory) in the late XX – early XXI centuries // Regional Problems. 2017. Vol. 20. No. 3. P. 39–49. (In Russ.).
5. Gulidov R.V. The Tumen River area Development Programme: fiction and reality. // Spatial Economics, 2012 No1. P. 90 – 108 (In Russ.).
6. Iwashita A., A 4000 kilometer Journey along the Sino-Russian Border / trans. from Japanese by M.G. Gorfunkel. M.: AST: East-West, 2006. 336 p. (In Russ.).
7. Kireev A. A. The Russian Far East in transborder interaction with China (late 1980s – late 2010s): results in a comparative perspective // Ojkumena. Regional researches. 2021. No 1. P. 106–119. (In Russ.).
8. Preliminary materials for the environmental impact assessment of the environmental feasibility study for the economic activities of PMBT LLC for the transshipment of containers and other cargoes in the internal sea waters and the territorial sea of the Russian Federation, carried out on the territory of the Seaport in Troitsa Bay. Volume 1. Vladivostok, 2022. 487 p. (In Russ.).
9. Decree of the Government of the Russian Federation. July 17, 1995 No. 990-r, Moscow. / Collection of Legislation of the Russian Federation No. 30 of July 24, 1995, art. 2975. (In Russ.).
10. Tsuji Hisako. The Tumen River area Development Programme: Its History and Current Status as of 2004. ERINA Discussion Paper. N0404e April 2004. Niigata. 20 p.

Информация об авторе

Анатолий Евгеньевич Савченко, канд. ист. наук, заместитель директора по науке и развитию Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: savchenko@ihaefe.ru

Information about the author

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Science and Development of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: savchenko@ihaefe.ru

Поступила в редакцию 23.04.2023

Одобрена после рецензирования 12.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 23.04.2023

Approved 12.05.2023

Accepted 18.05.2023

Мягкая сила государственных культурных фондов: "Британский Совет", "Институт Конфуция", "Русский Мир"

Сергей Михайлович Куцаковский
Владивосток, Россия, ksm@albers.ru
Светлана Юрьевна Пчелкина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, greet.svet@mail.ru

Аннотация. Специфика современной внешней политики обусловлена использованием стратегии "мягкой силы", и государства, претендующие на лидерство в XXI в., всё больше прибегают к использованию "мягкой силы", ставшей на современном историческом этапе ведущим фактором внешней политики. Актуализация феномена "мягкой силы" имеет место в экономических и внешнеполитических областях государств. Реальным воплощением проведения доктрины "мягкой силы" является деятельность культурных фондов. В рамках данной работы акцент делается на общих и отличительных чертах деятельности культурных фондов: "Британском Совете", "Институте Конфуция", "Русском Мире".

Ключевые слова: Мягкая сила, Дж. Най-мл., государственный культурный фонд, "Британский Совет", "Институт Конфуция", "Русский Мир".

Для цитирования: Куцаковский С. М., Пчелкина С. Ю. Мягкая сила государственных культурных фондов: "Британский Совет", "Институт Конфуция", "Русский Мир" // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 57–68. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/57-68>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/57-68>

Soft power of state cultural funds: British Council, Confucius Institute, Russian World

Sergej M. Kushchakovskii
Vladivostok, Russia, ksm@albers.ru
Svetlana Yu. Pchelkina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, greet.svet@mail.ru

Abstract. The specifics of modern foreign policy are conditioned using the "soft power" strategy, and the states claiming leadership in the XXI century are increasingly resorting to the use of "soft power", which has become the leading factor of foreign policy at the present historical stage. The actualization of the phenomenon of "soft power" takes place in the economic and foreign policy areas of states. The real embodiment of the doctrine of "soft power" is the activity of cultural foundations. Within the framework of this work, the emphasis is on the general and distinctive features of the activities of cultural foundations: the British Council, the Confucius Institute, the Russian World.

Key words: Soft Power, J. Nye, Jr., State Cultural Foundation, "British Council", "Confucius Institute", "Russian World"

For citation: Kushchakovskii S. M., Pchelkina S. Yu. Soft power of state cultural funds: British Council, Confucius Institute, Russian World // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 57–68. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/57-68>

По словам Дж. Найя-мл., мягкая сила "не есть слабость". Это основная мысль автора, с чьим именем отныне стали связывать появление понятия "мягкой силы". "Мягкая сила" или "гибкая власть" (как фигурирует в тексте книги Найя-мл. "Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике"), по словам его родоначальника, определяется как технология "привлечения": "Такая власть возникает из привлекательности культуры той или иной страны" [9, с. 18]. Стратегия "мягкой силы" основана на принципе создания образа "культурной привлекательности" своей страны в сознании граждан других государств. Таким образом, "мягкая сила" есть проявление культурного влияния государств друг на друга посредством формирования образа "культурной привлекательности", и в этом смысле содержание этой технологии ставит культурные достижения на службу политическим интересам, с тем чтобы облегчить нагрузку на военные ресурсы, которые есть проявление "жесткой силы". Технологической находкой для осуществления действий "мягкой силы" стали так называемые государственные культурные фонды. Первооткрывателями в этой области осуществления "мягкой силы" стал английский государственный культурный фонд – "Британский Совет".

С недавнего времени феномен культурных фондов как центров культурного влияния за границей стал предметом исследований. Некоторые такие исследования направлены на обнаружение черт сходства культурных фондов, что "позволяет утверждать, что они похожи по своей основной формально-легальной миссии и выполняемым задачам" [1, с. 120]. Мы исходили из стремления сделать акцент на особенностях, отличительных чертах работы и

меры воздействия таких фондов, как "Британский Совет", "Институт Конфуция", "Русский Мир". Выбор определён современными геополитическими центрами: Западная Европа, Китай, Россия. Каждый из этих центров на данный момент имеет свой культурный фонд, и анализ работы "Британского Совета", "Института Конфуция", "Русского Мира" даёт некоторую возможность выйти на понимание отличительных особенностей этих центров геополитики.

Культурный фонд "Британский Совет"

В целом "мягкая сила" Великобритании имеет ряд примечательных характеристик. Первой из них, на наш взгляд, является реализация "мягкой силы" силами и средствами негосударственных организаций. Британские эксперты особо подчеркивают, что государственные инициативы воспринимаются с недоверием, в то время как деятельность бизнеса, образовательных учреждений, деятелей искусства и т. п. не вызывает негативной реакции зарубежных аудиторий. Поэтому значительная часть работы в рамках британской "мягкой силы" сознательно позиционируется как независимая от государства, хотя де-факто правительство и законодательные органы власти имеют решающий голос в этом отношении. Второй особенностью выступает стремление построения "мягкой силы" на уже имеющихся преимуществах, таких, например, как английский язык. Третье – понимание стратегического характера "мягкой силы" и построение планов в отношении развития политики привлекательности на долгосрочной и последовательной реализации всего комплекса мер. Четвёртой характеристикой, на наш взгляд, является экономическая составляющая действия мягкой силы Британии. Так, например, Британский Совет 75% средств на свою деятельность зарабатывает самостоятельно, реализуя платные курсы английского языка.

Имея богатую колониальную историю и основанный на ней опыт взаимодействия с инокультурными обществами, англичане намного раньше других осознали возможность роста и развития своего государства не только за счёт материальных ценностей колоний, но и за счёт гуманитарного потенциала, что в полной мере отображается в деятельности культурного фонда "Британский Совет", действующего с 30-х гг. XX века. Именно культурный фонд Великобритании "Британский Совет" ("British Council") является основным и старейшим проводником "мягкой силы", все другие культурные фонды в той или иной мере отталкиваются от него и исторически обусловлены стремлением дать на "мягкую силу" такой же "мягкий отпор".

Британский Совет (БС) – это международная организация, представляющая Великобританию в области культуры и образования. Данная организация учреждена в 1934 году и является общественной организацией. В самом Британском Королевстве БС оформлен как благотворительная организация, председателем которой является монарх Великобритании. Совет на одну треть финансируется правительством и де-факто является культурным отделом МИД Британии. То, что "культурная" направленность фонда была и есть лишь средство, а целью являются политические установки, вполне искренне признают и в самом фонде. Достаточно обратиться на странице интернет-ресурса British Council к разделу истории фонда, где прямо говорится, что он был создан потому, что в условиях экономических потрясений, приведших к массовой безработице и обеднению людей, необходимо было предотвратить их интерес к "экстремистским идеологиям". При этом под таковыми на сайте в одном ряду прописаны коммунистическая идеология России и фашистские идеологии в Германии и Испании [22]. Заметим, последнее есть исторический подлог, указывающий на политическую конъюнктуру данного учреждения, поскольку в 30-х гг. никакой критики фашизма в Великобритании не было до официального объявления войны в гитлеровской Германией только в конце 30-х гг. Остаётся одно – настоящее предназначение Британского Совета виделось в установлении смысловых барьеров для проникновения внутрь колониальной системы Великобритании разрушительных для неё идей со стороны интернационального Советского Союза.

Главные задачи Совета определены официально следующим образом: 1) продвижение взаимосвязей в сфере культуры и развитие понимания различных культур между народами Великобритании и других стран; 2) распространение за рубежом знаний о Великобритании; 3) содействие изучению

иностранцами английского языка; 4) стимулирование культурных, научных и технологических аспектов взаимодействия в сфере образования между Великобританией и другими странами; 5) содействие распространению образования другими способами [15].

С 2005 г. работа БС строится по региональному принципу, и примечательно, что в отношении каждого направления у БС разные целевые установки [17, с. 64–66]. Так, в отчёте за 2009–2010 гг. организация разделяет свои программы в разных странах по принадлежности к одной из пяти (или шести, если считать саму Великобританию) вариантов целевых установок. Так, первый вариант цели обозначается как "жизненно-важное сотрудничество" (lifeline countries). Под эту цель подпадают такие страны, как, например, Бирма и Зимбабве, т. е. те страны, где БС позиционирует свою работу как осуществление связи этих стран со всем остальным миром. Содержанием работы в рамках такой целевой установки являются реализация образовательных, культурных и социальных программ. Второй вариант цели – "построение доверия" (building trust). Под эту установку подпадают такие страны, как, например, Пакистан и Ближний Восток. Основной акцент делается на распространение английского языка, английского образования, обучение профессиональным навыкам и "преодоление стереотипов" (!). Третий вариант цели распространяется на "быстроразвивающиеся экономики" (emerging economies), числе которых Китай и Индия. Здесь работа БС направлена на расширение сотрудничества, построение партнерств в образовательной, культурной и бизнес-сфере и расширение доступа к британскому образованию и культуре. Четвёртый вариант цели распространяется на развивающиеся страны, такие, как, например, Нигерия. Работа БС в них направлена на развитие образования и социальной сферы и повышение благосостояния. Наконец, пятый вариант цели направлен на развитые страны, у которых уже сложились обширные связи с Великобританией. К ним относятся такие страны, как США и Франция. Деятельность БС в них устремлена на создание партнерств, осуществление обменных программ, решение общих проблем и укрепление отношений [17, с. 65].

Несмотря на различие целевых установок "мягкой силы" БС, в которых явно усматривается геополитический подход всей внешней политики Великобритании, у БС есть общие направления деятельности. Итак, к основным видам деятельности БС относятся: 1) реклама получения образования в Великобритании и подготовка к обучению в этой стране; 2) помощь в изучении английского языка на территории конкретной страны; 3) обучение преподавателей английского языка.

Для достижения своих целей Совет применяет два основных инструмента:

IELTS (International English Language Testing System) – самый популярный в мире экзамен на знание английского языка, требующийся для поступления в высшие учебные заведения Великобритании, США и Канады, а также для эмиграции в эти страны. Стоит отметить, что прохождение самого экзамена платное. И в этом проявляется указанная выше примечательная особенность "мягкой силы" со стороны Великобритании – извлекать не только политические или идеологические выгоды, но и материально-экономические.

Кроме IELTS, Совет активно продвигает программу Global Study Awards, цель которой – вдохновить молодых людей на получение высшего образования за рубежом и знакомство с новыми странами, культурами и языками. Как гласит сайт, GSA фактически является денежным грантом на обучение в любом вузе, кроме страны проживания получателя гранта [12].

"Британский Совет" является основным элементом осуществления "мягкой силы" Великобритании, используя в качестве инструмента распространение английского языка как основного культурного кода нации. Выскажем предположение, что основной задачей "Британского Совета" является распространение английского образа культуры и образования как эталонного в странах присутствия. Основанием для такого предположения является тот факт, что в настоящий момент существует четко сформировавшееся представление, что лучшим в мире образованием, как школьным, так и высшим, является Британское, поскольку представители политической и бизнес-элит многих стран стремятся дать образование своим детям именно в Великобритании.

"Британский Совет" успешно исполняет эту функцию на протяжении 80 лет. В нашем понимании, единый язык – основа основ культурного, политического и бизнес взаимодействия. За ним идут инструменты продвижения культурных, образовательных и бизнес-продуктов. Погрузившись в вопрос протекции влияния Британии в мире, становится очевидным, что система колониальной империи трансформировалась и по-прежнему сохраняет, и даже развивает своё влияние, успешно преподнося культуру бывшей метрополии, её образование в качестве универсального образца по всему миру. На этой основе, не вступая в открытые конфронтации, создаются благоприятные условия для реализации своей политики и продвижения Британского бизнеса.

И в целом получение экономических преференций за счёт успешной политики "мягкой силы" – есть то, что заметно выделяет БС на фоне других государственных культурных фондов, имеющихся у некоторых стран, помимо Великобритании. Специально для того, чтобы оценить эффективность, было проведено исследование Институтом международных культурных связей Эдинбургского университета для Британского Совета. По результатам исследования было зафиксировано, что при увеличении на 1% числа стран, которые были охвачены культурным влиянием из страны X, это приводит к почти 0,66% увеличению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для этой страны. Это также приводит к увеличению на 0,73% числа иностранных студентов в стране их происхождения [24]. Продуманная стратегия с чётким экономическим обоснованием – именно это зачастую используется для оценки эффективности "мягкой силы".

Помимо этого, хорошо просматривается направленность на работу с молодёжью, фокусируя её сознание на получение "качественного" образования и утверждение Британской модели образования как эталонной. Главный инструмент влияния – конечно, язык, относительная простота которого в сравнении с русским или, например, китайским, делает его доступным для изучения во всём мире. Надо иметь в виду, что английский стал универсальным языком обучения ещё во многом потому, что развитие компьютерных технологий исходило из англоязычной среды, и языки программирования в подавляющем большинстве используют английский. С учётом "бума" цифровых технологий данное преимущество на десятки лет закрепило первенство английского в сфере международного образования и науки. Нельзя не отметить главенствующего положения английского языка в деловых отношениях, т.е. в бизнесе. Образцом бизнес-культуры давно выступает американский бизнес. Мировая экономика, во многом конституирована американскими формами осуществления бизнес-активности: биржи, стандарты бухгалтерской и финансовой отчётности. Немаловажное значение имеет то, что в разрешении международных конфликтов в сфере деловых, экономических отношений именно за англо-американской судебной системой закреплена репутация "надежного" арбитра. Высокая степень доверия "английскому" суду и всей юридической системе англо-американского типа окончательно закрепляет английский в статусе главного мирового языка.

Однако в настоящий момент среди специалистов по "мягкой силе" есть определённые опасения по поводу дальнейшего прогресса Британии. Проблема выхода Британии из Европейского союза наносит ощутимый урон политике привлекательности Британии. В том числе и по этой причине в опубликованном индексе мягкой силы в 2019 году на первом месте оказалась Франция. Ещё до проведения референдума растущий евроскептицизм британцев и перспектива выхода из ЕС оценивались экспертами как величайший риск для "мягкой силы" Великобритании.

Важным является также то, что, по мнению некоторых специалистов по "мягкой силе", у Британии существует отставание как минимум в двух областях из рейтинга:

1. Позиционирование Британии как мировой державы;
2. Посредственные результаты Британской науки [23, с. 736].

Небольшая территория современного Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в конечном счёте может привести к тому (и, по всей видимости, процесс уже запущен), что Британия может остаться в истории как страна, давшая язык. Но при этом велик шанс, что английская культура как таковая займёт в рамках глобальной культуры определённую

нишу, что уже немало, но не лидирующее положение страны – эталонной культуры как таковой. Кроме того, получив соответствующие документы об успешном завершении обучения от БС, многие выпускники реализуют языковую квалификацию не всегда в интересах Британии, из чего следует, что "мягкая сила" Британского Совета имеет свои пределы, поскольку обусловлена всем контекстом мировой политики. В связи с этим Британская модель "мягкой силы" может быть использована, но с определёнными оговорками.

Культурный фонд "Институт Конфуция"

Определив решение экономических вопросов первостепенным, Китай пришёл к необходимости продвижения "мягкой силы" лишь в начале XXI века. Коммунистическая Партия Китая (далее КПК) отразила концепцию "мягкой силы" в официальных идеологических документах, что отражает значение концепции для Партии. Содержание этого документа позволяет заключить, что "мягкая сила" для Китая мыслится "в качестве одного из наиболее эффективных средств реализации внешнеполитической стратегии, и воспринимается в качестве необходимого инструмента "поступательного прогрессивного развития страны" [8, с. 95]. Приняв к реализации стратегию "мягкой силы", Китай привнёс в неё свои специфические черты, которые с европейской точки зрения выглядят как "азиатский" стиль", т. е. как не прямое, скрытое, замаскированное действие.

Планомерное движение Китая к глобальному лидерству вызывает всё большую обеспокоенность, в том числе и у его ближайших соседей. Фактом является осознание правительством Китая реализации концепции "мягкой силы" как своего рода методологии ответной оборонительной реакции на действия стран Западного мира. Китай, добившись выдающихся результатов в развитии экономики и фактически став единственным конкурентом США, справедливо полагает, что данное положение дел приведёт или приводит уже сейчас к ответным действиям США, которые, скорее всего, могут носить враждебный характер. Китай имеет современный опыт проявления "жесткой силы" по отношению к себе, когда 7 мая 1999г. в столице Югославии, г. Белграде было разбомблено посольство Китая.

Очевидным является то, что для дальнейшего поступательного развития и экономического роста Китай должен иметь арсенал как для силовых, традиционных угроз, так и для вызовов XXI века, так называемых гибридных войн. В данном контексте показательно заявление главы Китайского центра исследования "мягкой силы" культуры Ч. Гоцзо: "Если у государства не хватает материальной "жесткой силы", то ему можно нанести поражение одним ударом. Если у него не хватает "мягкой силы" культуры, такое государство и без удара само потерпит поражение" [8, с. 95].

Первым специфическим аспектом китайской "мягкой силы" является то, что на её становление оказало влияние "пять принципов мирного сосуществования", или "Панча шила", договора, заключенного в 1954 г. между КНР и Индией [20].

Вторым отличительным моментом китайской "мягкой силы" является то, что ключевым структурно-организованным элементом системы мягкой силы Китая является культурный фонд "Институт Конфуция". Следует заметить, что в Великобритании "Британский Совет" не представляется напрямую как государственный культурный фонд, а как общественная, а больше всего "коммерческая" структура. В этом отношении "Британский Совет", во-первых, не единственная структура, оформляющая стратегию "мягкой силы", поскольку в Британии её осуществляют и по другим каналам, и в других организационных формах. Во-вторых, прагматика британской "мягкой силы" состоит в отождествлении внешнеполитических интересов Соединенного Королевства с коммерческими выгодами, и, скорее всего, тут можно говорить о конвертации привлекательности английской культуры в коммерческую привлекательность. В Китае на данный момент "Институт Конфуция", во-первых, является официально государственной структурой, члены которой суть государственные служащие. Во-вторых, в его деятельности отсутствует коммерческий момент, т. е. не ставятся цели получения прямой материальной выгоды. Такая некоммерческая установка официально определена председателем КПК Си Цзиньпином, который "выдвинул концепцию (国家文化软实力) – "гоцзя вэнь-

хуа жуань шили" – "государственная культурная мягкая сила", которая положила конец теоретическим прениям между "культурной" и "политической" школами "мягкой силы", тем самым подчеркнув, что источником мягкой силы является государство" [18, с. 82].

Третий отличительный момент связан с особенностями деятельности собственно "Института Конфуция". Несмотря на то, что "Институты Конфуция" названы в честь известного китайского философа, они не занимаются пропагандой конфуцианства. В Китае имя Конфуция символизирует вершину культуры, просвещения и образованности, а во всем мире оно стало синонимом традиционной китайской культуры. Именно поэтому правительством КНР для центров китайского языка и культуры было избрано название "Институт Конфуция". Институты Конфуция – своего рода бренд, под которым строится разветвлённая сеть представительств по всему миру. Первый институт Конфуция был открыт 21 ноября 2004 года в столице Республики Корея – Сеуле. Как правило, "Институт Конфуция" создаётся на базе зарубежного вуза китайской стороной и её зарубежными партнерами как совместное предприятие. При этом особым образом подчёркивается некоммерческий характер такого предприятия.

Стратегическое управление и организация деятельности Институтов и Классов Конфуция с китайской стороны занимается Канцелярия по международному распространению китайского языка (Ханьбань). На сайте Ханьбана так сформулированы причины и варианты создания: "По мере того, как экономика Китая и обмены с другими странами мира росли быстрыми темпами, в мире также резко возрос спрос на обучение китайскому языку. Опираясь на опыт Великобритании, Франции, Германии и Испании в области развития их национальных языков, Китай начал свое собственное исследование путем создания некоммерческих государственных учреждений, которые нацелены на развитие китайского языка и культуры в зарубежных странах в 2004 году: им было дано название Институт Конфуция" [16].

Анализ деятельности китайского культурного фонда "Института Конфуция" позволяет сделать некоторые выводы об осуществлении "мягкой силы" со стороны КНР. Политика привлекательности, проводимая Китаем, отражает признаки двойственности китайской ментальности. Возможно объяснение этой непоследовательности, противоречивости обусловлено двойственностью самой китайской культуры, которая одновременно идентифицируется с принципами конфуцианства и принципами даосизма, между которыми есть радикальные идейные различия. Разночтения даосизма и конфуцианства прослеживаются в различиях влияния на китайцев "природного", "естественного" существования, исходящего из даосизма, и "культурного", "цивилизационного", исходящего из идеала устройства жизни внутри государства. Природа Китая через влияние естественных ритмов Поднебесной в соответствии с принципами этнопсихологии оказала существенное влияние на формирование национального характера китайского народа. А с другой стороны, культура Китая включает весь объём творческих достижений китайского этноса, проявленных в непрерывной многотысячелетней истории китайской государственности, которая устраивалась в соответствии с положениями конфуцианского учения.

Противоречивость идеологии "мягкой силы по-китайски" возникает именно тогда, когда стороннему наблюдателю предлагается ассоциировать Китай с цивилизационной стороной его жизни, которая, по словам Линь Юйтаня, не есть культура всего китайского этноса, а только его части; она скорее связана с "городом" и потому более известна в мире, чем скрытая от посторонних глаз культура "деревни" [7, с. 65]. Но в таком случае в сознании тех, кто увлечён изучением китайского языка и культуры, такое ретуширование амбивалентностей китайской культуры приводит к созданию параллельной действительности. При столкновении с реальной китайской жизнью объект влияния "мягкой силы" из-за редуцированной подачи информации о китайской специфике, может быть разочарован, что нанесёт урон всей политике "мягкой силы". И если ранее среди основных препятствий в основном указывался крайне сложный китайский язык, то в рамках данной работы представляется, что более фундаментальное различие лежит в основании китайской культуры. Основания эти определяются экзистенциальными сторонами чело-

века, одни из которых актуализируются в исторической общности, а другие остаются как бы в "тени". Мы предполагаем, что именно отсутствие идеала эмансипированной личности на уровне китайского менталитета ограничивает возможности китайской "мягкой силы".

Линь Юйтан в своей книге "Китайцы: моя страна и мой народ" утверждает, что китайцы – нация индивидуалистов [7, с. 165], однако индивидуализм в Китае масштабируется до семьи и не переходит на личность. Другими словами, китайца заботят интересы семьи, рода, клана, и в соответствии с их интересами он устраивает свой жизненный путь. На наш взгляд, в этом и кроется главная причина того, что "мягкая сила" Китая не сможет иметь глобальное распространение, и, скорее всего, ограничится Юго-Восточной Азией, а также своими же этническими диаспорами, распространёнными по всему миру, часто достаточно большими. Отсутствие акцентуации на свободе индивида, эмансипированного от любой социальной системы, являющееся на данный момент ценностным основанием западной цивилизации, является серьёзным препятствием для продвижения китайской культуры привлекательности.

Китай становится противовесом США, демонстрируя противоположное США устройство, в котором сочетаются предельно централизованная власть и либеральная экономика. Однако пока не найдены более привлекательные ценностные альтернативы "западной" установке на "свободу личности" и на "демократию", "Институт Конфуция" ведёт свою деятельность в узком сегменте.

Культурный фонд "Русский мир"

Одной из наиболее острых и важных проблем современной России является формирование и продвижение позитивного образа страны в мире. Мы согласны с суждениями, что основанием стратегии российской "мягкой силы" являются соображения национальной безопасности: "Концепция "Русского мира" ... была введена как неотъемлемая часть первой версии стратегии мягкой безопасности. Черета "цветных" революций в Грузии 2003 г., Украине 2004 г. и Киргизии в 2005 году также способствовала началу обсуждения о российской мягкой силе" [25, с. 3].

На это указывает то, что в начале XXI века стали формироваться документальные основы такой деятельности, которые находят свое отражение в многочисленных документах, определяющих внешнюю и внутреннюю политику РФ. К таковым документам стоит отнести утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 "Стратегия национальной безопасности Российской Федерации" среди стратегических целей обеспечения национальной безопасности в области культуры выделяет цель "повышения роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве". В Стратегии особо подчёркивается значение использования культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества для укрепления национальной безопасности в области культуры в условиях формирования новой полицентричной модели мироустройства. Концепция внешней политики России, утверждённая Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 года, рассматривает международное культурное сотрудничество как значимое "средство налаживания меж цивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами" [13].

Потенциал культуры, сформированный под влиянием западного мира, наполненный местным колоритом многих национальностей, пребывающих в составе России или бывших ранее, а также влиянием восточных культур, создал удивительный по составу и содержанию масштабный феномен, часто принятый называть "Русским миром". При этом мы точно не можем определить основателя термина, а также дать ему чёткое определение. Встречалась отсылка авторства термина "Русский мир" к Петру Щедровицкому. Он утверждал, что "в XX веке в результате тектонических исторических сдвигов, мировых войн и революций в русском мире возникла сетевая структура больших и малых сообществ, мыслящих на русском языке и говорящих на нем" [11]. Актуализировалось словосочетание "русский мир" в 1998 г., когда в качестве базовой формулы для осуществления российской политики в СНГ была высказана гипотеза о наличии на постсоветском пространстве некоей соци-

окультурной реальности. Ключевой момент понимания состоял в том, что в границах России и за её пределами проживает огромное число русских людей, говорящих и думающих на русском языке. Именно русский язык и русскоязычная российская или советская культура вместе с исторической памятью объединяют этот мир [3]. В этом же ключе имеет право на существование и иное понимание "Русского Мира": "российский культурно-цивилизационный и политический проект, целью которого является объединение на основе общих традиций и ценностей России, Украины, Беларуси в единое геополитическое образование" [2, с. 19]. Примечательно также то, что термин "Русский мир" присутствует в Концепции внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 года. Параграф концепции закрепляет обязанность России "защищать права и законные интересы российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, на основе международного права и действующих двусторонних соглашений, рассматривая многомиллионную русскую диаспору – Русский мир – в качестве партнера, в том числе в деле расширения и укрепления пространства русского языка и культуры" [4].

Российские политические лидеры в значительной степени интерпретировали концепцию мягкой силы сугубо инструментально и прагматично. Изначально она воспринималась правящей элитой как инструмент политики по отношению к своим соотечественникам в постсоветских странах. Например, в 2008 году министр иностранных дел России Сергей Лавров прокомментировал: "Сегодня все большую роль играет так называемая "мягкая сила" – способность влиять на окружающую среду через цивилизационные, гуманитарные, культурные, внешнеполитические и другие формы привлекательности. Я считаю, что вся грамматика наших разнообразных связей с соотечественниками должна быть построена именно с учетом этих факторов" [6].

С началом третьего президентского срока Владимира Путина в 2012 году официальная власть перешла к более широкому, но всё ещё инструменталистскому пониманию "мягкой силы". Её содержание теперь рассматривается как набор внешнеполитических "технологий", которые помогают достичь целей РФ в отношении не только конкретных государств укрепления позиций России, но и во всём мире. Например, в "Концепции внешней политики России 2013 года" подчеркивается следующее: "мягкая сила стала неотъемлемой составляющей современной международной политики, представляющей собой сложный комплекс инструментов решения внешнеполитических задач, опирающийся на потенциал гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и иные методы и технологии, альтернативные классической дипломатии" [5].

Продвижение позитивного имиджа России за рубежом считается важным приоритетом в стратегии "мягкой силы". Как подчеркивается в вышеупомянутой доктрине, это должно быть сделано через развитие "эффективных средств информационного воздействия на общественное мнение за рубежом", а также через укрепление позиций русского языка и культуры за рубежом, в том числе через поддержку соотечественников [5].

Правительством Российской Федерации был создан целый ряд организаций. Среди прочих организаций проводником гуманитарной линии российской внешней политики стал государственный культурный фонд "Русский мир", созданный Указом Президента № 796 от 21 июня 2007 года. В качестве заявленной в учредительном документе миссией Фонда является популяризация русского языка и культуры – поддержка программ изучения русского языка и культуры как внутри Российской Федерации, так и за рубежом [14].

Стратегия, выбранная фондом, – гибридная и включает в себя, как практики Китая и его "Института Конфуция", так и западных Фондов ("Британский Совет", а также испанский "Институт Сервантеса" и немецкий "Институт Гёте"). "Русский Мир" в своих базовых моментах ничем от них не отличается, базируясь на пропаганде изучения языка и культуры. По способу распространения в виде центров и классов "Русский Мир" схож с китайским "Институтом Конфуция". В качестве основных субъектов влияния выбраны диаспоры, где основной задачей Фонда является стремление сохранить "лояльность" таковых и развитие отношений с исторической родиной [16].

Надо отметить, что в текущей ситуации у фонда "Русский мир" крайне тяжелая задача. Действия "жёсткой силы" в Сирии и на Украине, а в нынеш-

них условия и по всему СНГ, медийные мероприятия в стиле "Скрипалей", в целом используемые в качестве средств информационной войны против РФ, сводят на "нет" все многолетние труды инструментов её "мягкой силы". Упорно формируется "стойкий" образ агрессивного государства и нации, угрожающей безопасности западных государств. Похожая ситуация складывается в экономической сфере: за последнее время не удалось нарастить какого-либо значимого экономического потенциала и привлекательных условий бизнеса для прихода инвесторов.

Фактически на сегодняшний день только русская культура и её потенциал являются проводником "мягкой силы" России в мире. Стоит отметить, что большое количество организаций, которые занимаются продвижением "русского мира" имеют очень ограниченный ресурс применения "мягкой силы". Так, например, отдельная задача по продвижению русского языка, решение которой возложено на фонд "Русский мир", не может быть реализовано без интереса иностранцев к получению образования в России с целью ведения бизнеса или, к примеру, рассмотрения России, как потенциального места жительства.

Отсутствие единой идеологии наподобие "американской мечты" также является серьёзным ограничивающим фактором. И если в советские времена такая идеология была ("построение коммунизма"), то сейчас сложно определить, с каким проектом будущего следует идентифицировать "Русский мир". Безусловно, нельзя отрицать интереса к русской культуре, её богатой истории, культурным обычаям и языку, но этот интерес ослаблен тем, что не понятен образ будущего, к которому устремлена русская культура в её развитии. И именно в данном контексте более очевидным становится необходимость использования инструментов "мягкой силы", прежде всего, внутри самого российского общества. Последнее, на наш взгляд, крайне необходимо в таком многонациональном государстве, как Россия. Другими словами, полагаем, что на данный момент актуально направить "мягкую силу" русской многонациональной культуры на современное российское общество, предлагая ему наиболее привлекательные образцы родной культуры, актуализируя их, вынося на поверхность сознания близкое каждому человеку мироощущение. Для этого от интеллектуальной части российского общества требуется определить эти образы, связывая их с общечеловеческими экзистенциями, сделать их внятными для представителей других культурных миров. Сформулировать идеологемы "русского мира" в форматах научного языка, языка межличностного общения, языка искусства и языка действий (в политике и в деловой сфере), в который можно будет вписать единый общекультурный код русской (российской) культуры. Убеждены, что в контексте этой работы распространение культурной привлекательности за пределы "русского мира" будет наиболее эффективно.

Культура, понимаемая как историческое достижение конкретной страны, обретает значение фактора политического влияния применительно к современной ситуации невозможности или нежелания использовать прямое силовое воздействие. Успех "мягкой силы" проистекает из привлекательности культуры, политических идеалов и политики той или иной страны. Государственный культурный фонд является исторически сложившейся формой воплощения "мягкой силы", поскольку его деятельность ориентирована на проведение успешной ненасильственной внешней политики. Такие государственные культурные фонды, как "Британский Совет", "Институт Конфуция" и "Русский мир", имеют как общие методы проведения стратегии "мягкой силы" (привлечение к изучению языка), так и особенные. Образ "мягкой силы" "Британского Совета" – это образ хорошо выстроенного предприятия, смысл которого ясен всем, кто прибегает к его услугам, – получение языковой квалификации и базовых знаний по истории и культурным традициям носителей английского языка. Плоды просвещения "Британского Совета" – это встроенность в британскую культуру, а через неё в культуру глобальной экономики, политики и даже искусства. Другими словами, "Британский Совет" делает акцент на универсальные, практические знания, каковыми являются английский язык, английский бизнес и политика. По сравнению с "Британским Советом" образы "мягкой силы", которые исходят от таких культурных государственных фондов, как "Институт Конфуция" и "Русский Мир", на наш

взгляд, более аморфные, менее определённые, что сказывается на конечной эффективности этих фондов. Это объясняется, на наш взгляд, средствами брендирования культуры, которые используют "Институт Конфуция" и "Русский Мир", чтобы стать проводниками "мягкой силы" своих стран. Средствами брендирования являются ценности, которые и должны стать "объектами привлекательности". Ценности конфуцианские, как нам видится, не могут претендовать на такую универсальность, как ценности "индивидуализма и прагматизма" британской (западноевропейской) культуры. Ценности русской культуры лишены единого стиля, поскольку трудно культуре манифестировать себя вовне, пока сами носители этой культуры не пришли к единому пониманию "кто мы?". Будущее всех рассмотренных культурных фондов зависит, с одной стороны, от внутреннего самоопределения носителей британской, китайской и русской "мягкой силы", а с другой стороны, от возможности придать национальным ценностям данных культур характер ценностей универсальных. Последнее зависит не от культурных фондов, а от конкретных исторических событий, выводящих любую культуру в зону "повышенной привлекательности" в глобальном мире.

Литература

1. Акматалиева А. М. Центры языка и культуры как инструменты мягкой политики глобальных акторов // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2018. Т. 18. № 11. С. 119–123.
2. Алейникова С. М. "Русский мир" как культурно-цивилизационный концепт // Научные труды Республиканского института высшей школы. Минск: РИВШ, 2016. № 15. С. 19–26.
3. Бочкова Л. В. Россия – Русский мир: выбор стратегии // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. М.: Изд-во РГАЗУ, 2011. № 11 (16). С. 12–15.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации 15 июля 2008 года. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения 28.10.2022).
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (12 февраля 2013 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094>. (дата обращения: 24.11.2022).
6. Лавров С. В. Наши соотечественники за рубежом – не люди "без роду, без племени". Интервью газете "Русская газета". 2008. URL: <https://rg.ru/2008/10/30/lavrov.html> (дата обращения: 29.10.2022).
7. Линь Юитан. Китайцы: моя страна и мой народ. М.: Восточная литература, 2010.
8. Михневич С. В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики "мягкой силы" Китая // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 95–129.
9. Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; Москва: Фонд социо-прогност. исслед. "Тренды", 2006.
10. О создании фонда "Русский мир": указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2007 года № 796 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 26. С. 3166.
11. Островский Е. В., Щедровицкий П. Г. Россия: страна, которой не было. 1997. "Гуманитарный портал". URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/466> (дата обращения: 29.11.2022).
12. Программа The Global Study Awards: расширь горизонты. URL: <https://www.ielts.su/news/484> (дата обращения: 28.11.2022).
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации 2016. № 1, ч. 2. Ст. 7140. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 28.10.2022).
14. Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2007 года № 796 о создании фонда "Русский мир". URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689> (дата обращения: 28.10.2022).
15. Шелепов А.В. Зарубежный опыт применения "мягкой силы": Факторы успеха политики "мягкой силы" Великобритании // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. Т. 9. № 2. С. 10–25.
16. Фонд "Русский Мир". URL: <https://ruskiymir.ru/fund> (дата обращения: 24.11.2022). см. раздел: "Основные задачи".
17. Харитонова Е.М. "Мягкая сила" Великобритании. М.: ИМЭМО РАН, 2018.
18. Хубриков Б.О. "Мягкая сила" КНР в эпоху Си Цзиньпина. // Дискурс-Пи. 2019. № 1(34). С. 77–89.
19. About Confucius Institutes & Hanban. International Educational Exchange Information Platform. URL: <http://www.ieeip.cn/bbx/1071727-1123792.html?id=27381&newsid=715399> (дата обращения: 24.11.2022).

20. Agreement on trade and intercourse between Tibet Region of China and India. Signed in Peking, on 29 April 1954 // Treaty Series. Vol. 299. The United Nations. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20299/v299.pdf> (дата обращения: 24.11.2022).
21. British Council: Our history // British Council. URL: <https://www.britishcouncil.org/about-us/history> (дата обращения: 29.10.2022).
22. British Council. Appraisal Report. November 2016. National archives. URL: <http://www.nationalarchives.gov.uk/documents/british-council-appraisal-report-november-2016.pdf> (дата обращения: 29.10.2022).
23. House of Lords. Soft Power and The UK 's Influence Committee. Oral and written evidence – V. 2. Stationery Office, 2014. P. 736. Parliament.UK. URL: <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/lords-committees/soft-power-uk-influence/SoftPowerEvVol2.pdf> (дата обращения: 31.10.2022).
24. MacDonald A. Soft Power Today. Measuring the Influences and Effects // British Council. 2017. URL: <https://www.britishcouncil.org/research-policy-insight/insight-articles/soft-power-today>. (дата обращения: 31.10.2022).
25. Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy. 2015. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/su7lgqm8im/direct/172540174>. (дата обращения: 24.11.2022).

References

1. Akmatalieva A. M. Centers of language and culture as instruments of soft policy of global actors // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2018. V. 18. No. 11. P. 119–123. (In Russ.).
2. Aleinikova S. M. "Russian world" as a cultural and civilizational concept // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Minsk: RIVSh, 2016. No. 15. P. 19–26. (In Russ.).
3. Bochkova L. V. Russia – the Russian world: the choice of strategy // Bulletin of the Russian State Agrarian Correspondence University. M.: Publishing house of RGAZU, 2011. No. 11 (16). P. 12–15. (In Russ.).
4. The concept of foreign policy of the Russian Federation July 15, 2008. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (accessed 28.10.2022). (In Russ.).
5. The concept of foreign policy of the Russian Federation (February 12, 2013). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094>. (accessed 24.11.2022). (In Russ.).
6. Lavrov S. V. Our compatriots abroad are not people "without family, without tribe". Interview to the newspaper "Russian newspaper". 2008. URL: <https://rg.ru/2008/10/30/lavrov.html> (accessed 29.10.2022). (In Russ.).
7. Lin Yutang. The Chinese: my country and my people. Moscow: Eastern Literature, 2010. (In Russ.).
8. Mikhnevich SV Panda in the service of the Dragon: the main directions and mechanisms of China's "soft power" policy // Bulletin of international organizations. 2014. V. 9. No. 2. P. 95–129. (In Russ.).
9. Nye J.S. Flexible power: how to succeed in world politics. Novosibirsk; Moscow: Socio-Prognostic Foundation. research "Trends", 2006. (In Russ.).
10. On the creation of the Russian World Foundation: Decree of the President of the Russian Federation dated June 21, 2007, No. 796 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 26. S. 3166. (In Russ.).
11. Ostrovsky E. V., Shchedrovitsky P. G. Russia: a country that was not. 1997. "Humanitarian portal". URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/466> (accessed 29.11.2022). (In Russ.).
12. The Global Study Awards Program: Expand Your Horizons. URL: <https://www.ielts.su/news/484> (accessed 28.11.2022). (In Russ.).
13. National Security Strategy of the Russian Federation: approved. Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 // Collection of Legislation of the Russian Federation 2016. No. 1, part 2. Art. 7140. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (accessed 28.10.2022). (In Russ.).
14. Decree of the President of the Russian Federation of June 21, 2007 No. 796 on the establishment of the Russkiy Mir Foundation. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689> (accessed 28.10.2022). (In Russ.).
15. Shelepov A.V. Foreign experience in the application of "soft power": Success factors for the policy of "soft power" in the UK // Bulletin of international organizations: education, science, new economy. 2014. V. 9. No. 2. P. 10–25. (In Russ.).
16. Russkiy Mir Foundation. URL: <https://russkiymir.ru/fund> (accessed 24.11.2022). see section: "Basic tasks". (In Russ.).
17. Kharitonova E. M. "Soft power" of Great Britain. M.: IMEMO RAN, 2018. (In Russ.).
18. Khubrikov B. O. "Soft power" of the PRC in the era of Xi Jinping. // Discourse. 2019. No. 1 (34). P. 77–89. (In Russ.).
19. About Confucius Institutes & Hanban. International Educational Exchange Information Platform. URL: <http://www.ieiep.cn/bbx/1071727-1123792.html?id=27381&newsid=715399> (accessed 24.11.2022).

20. Agreement on trade and intercourse between Tibet Region of China and India. Signed in Peking, on 29 April 1954 // Treaty Series. Vol. 299. The United Nations. URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20299/v299.pdf> (accessed 24.11.2022).
21. British Council: Our history // British Council. URL: <https://www.britishcouncil.org/about-us/history> (accessed 29.10. 2022).
22. British Council. Appraisal Report. November 2016. National archives. URL: <http://www.national-archives.gov.uk/documents/british-council-appraisal-report-november-2016.pdf> (accessed 29.10. 2022).
23. House of Lords. Soft Power and The UK 's Influence Committee. Oral and written evidence – V. 2. Stationery Office, 2014. P. 736. Parliament.UK. URL: <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/lords-committees/soft-power-uk-influence/SoftPowerEvVol2.pdf> (accessed 31.10. 2022).
24. MacDonald A. Soft Power Today. Measuring the Influences and Effects // British Council. 2017. URL: <https://www.britishcouncil.org/research-policy-insight/insight-articles/soft-power-today>. (accessed 31.10. 2022).
25. Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy. 2015. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/su7lgqm8im/direct/172540174>. (accessed 24.11. 2022).

Информация об авторах

Сергей Михайлович Кущаковский, магистр философии, Владивосток, Россия, e-mail: ksm@albers.ru
Светлана Юрьевна Пчелкина, канд. филос. наук, доцент департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: greet.svet@mail.ru

Information about the authors

Sergej M. Kushchakovskii, Master of Philosophy, Vladivostok, Russia, e-mail: ksm@albers.ru
Svetlana Yu. Pchelkina, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Religious Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: greet.svet@mail.ru

Поступила в редакцию 14.04.2023

Одобрена после рецензирования 13.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 14.04.2023

Approved 13.05.2023

Accepted 18.05.2023

Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России

Анна Юрьевна Ардалянова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, ardy2004@mail.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru
Андрей Владимирович Ковалевский
Хабаровский краевой институт развития образования; Тихоокеанский государственный университет,
Хабаровск, Россия, kovalevskiy@yandex.ru
Константин Николаевич Сердюков
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН;
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, customs-toll@yandex.ru
Айтал Игоревич Яковлев
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия;
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, aytalyakovlev@mail.ru

Ключевые слова: демографические процессы, миграция, трудовые мигранты, социальная адаптация и интеграция, социальное благополучие, региональное развитие, Дальний Восток

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00411, <https://rscf.ru/project/22-28-00411/>

Для цитирования: Ардалянова А. Ю., Винокурова А. В., Ковалевский А. В., Сердюков К. Н., Яковлев А. И. Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 69–76. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/69-76>

Round Table
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/69-76>

Migrants and migrations in the Russian Far East

Anna Yu. Ardalyanova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ardy2004@mail.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova77@mail.ru
Andrey V. Kovalevsky
Khabarovsk Regional Institute for the Development of Education;
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, kovalevskiy@yandex.ru
Konstantin N. Serdyukov
Pacific Geographical Institute of Far Eastern Branch of RAS; Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, customs-toll@yandex.ru
Aital I. Yakovlev
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk; Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia, aytalyakovlev@mail.ru

Key words: demographic processes, migration, labor migrants, social adaptation and integration, social well-being, regional development, Far East

The study was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01113, <https://rscf.ru/project/23-28-01113/>

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00411, <https://rscf.ru/project/22-28-00411/>

For citation: Ardalyanova A. Yu., Vinokurova A. V., Kovalevsky A. V., Serdyukov K. N., Yakovlev A. I. Migrants and migrations in the Russian Far East // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 69–76. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/69-76>

Межрегиональный круглый стол "Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России", который был проведён 26 апреля 2023 года, объединил исследователей из Дальневосточного федерального университета, Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток, Россия), Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Якутск), Тихоокеанского государственного университета и Хабаровского краевого института разви-

тия образования (Хабаровск). Мероприятие прошло в смешанном формате, представители академического и вузовского сообщества обсудили различные аспекты, связанные с исследованием миграционной проблематики.

Основные направления дискуссии были сформулированы следующим образом:

- актуальные проблемы и тенденции развития демографической ситуации и миграционных процессов в регионах Дальнего Востока;
- специфика иностранной трудовой миграции на Дальнем Востоке России;
- проблемы социальной адаптации и интеграции иностранных мигрантов в принимающем региональном сообществе.

Виокурова А.В.: Уважаемые участники круглого стола! Позвольте вас поприветствовать, и давайте начнём наше мероприятие. Для начала хотелось бы обсудить общую демографическую ситуацию, сложившуюся на российском Дальнем Востоке, особое внимание уделив миграционным процессам.

Как мы все знаем, Дальний Восток занимает огромную территорию – 6,9 млн кв. км, что составляет более 40% от общей территории Российской Федерации. Но на такой масштабной территории проживает немногим более 8 млн чел., а это всего лишь 5,6% от всей численности населения нашей страны. Несмотря на принятие беспрецедентных мер, направленных на увеличение численности населения дальневосточных регионов: это уже набившие оскомину "Дальневосточная ипотека", "Дальневосточный гектар" и многие другие госпрограммы, переломить негативную демографическую динамику не удаётся. Даже если смотреть в краткосрочной ретроспективе, в последние десять лет практически все регионы Дальневосточного федерального округа продолжают терять население. Исключение составляют два региона – Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия. И если Якутия демонстрирует устойчивую положительную динамику, численность населения в этом регионе стабильно увеличивается, то в Бурятии данная тенденция неустойчива. Если же говорить о Приморском и Хабаровском краях, то эти территории являются наиболее заселёнными, но численность населения в них сокращается как за счёт естественной убыли, так и за счёт миграционного оттока.

Ардальянова А. Ю.: Здравствуйте, коллеги! Я дополню, всё же эти процессы весьма и весьма неоднородны, в том числе и в тех регионах, которые мы с вами представляем. Если конкретно говорить о миграциях, то, например, в Якутии миграционный обмен с другими российскими регионами отрицательный, а со странами СНГ – положительный. И позитивная миграционная динамика как раз и достигается за счёт притока мигрантов из СНГ, в первую очередь из государств Центральной Азии. Такая же ситуация в Приморье и Хабаровском крае. Но здесь приток мигрантов из Средней Азии не перекрывает отток местного населения. Поэтому и наблюдается отрицательное сальдо миграции.

Сердюков К. Н.: Да, уважаемые коллеги, хотелось бы добавить немного статистики, конкретизировать ваши тезисы. Дальний Восток на протяжении всей истории своего развития традиционно был и продолжает оставаться территориями высокой миграционной активности. Так, в 1990-е гг. лидирующие позиции в плане основного притока мигрантов довольно быстро занял Китай и достаточно долго удерживал эти позиции, но с 2000-х гг. всё поменялось. Миграция из КНР показала своё стремительное снижение. Например, уже начиная с 2013 года, Приморский край стал показывать с Поднебесной отрицательное сальдо миграции. В 2010-е гг. набирают силу потоки трудовой миграции из Средней Азии. И в настоящее время мигранты из стран ближнего зарубежья являются важнейшим источником восполнения трудовых ресурсов в дальневосточных регионах. В частности, в Приморский край наибольшее число мигрантов прибывает из Узбекистана. А как в других субъектах ДФО?

Виокурова А. В.: Да, вот здесь, как говорится, возможны варианты. В рамках реализации нашего гранта РНФ "Иностранные трудовые мигранты на Дальнем Востоке: ценностные ориентации и поведенческие стратегии работающей молодежи" мы предприняли две экспедиции: в Якутск и Хабаровск. Так вот, в Якутии заметное численное превосходство имеют мигранты из Кыргызстана. А в Хабаровском крае больше всего иностранных мигрантов

из Таджикистана. И вот двое из участников нашего круглого стола как раз и представляют эти регионы. Коллеги, чем можно объяснить такую специфику?

Ковалевский А. В.: Анна Викторова, коллеги, благодарю за предоставленную возможность принять участие в работе круглого стола. Что касается вашего вопроса, то в Хабаровском крае такая ситуация сложилась потому, что в регионе достаточно неплохо отлажен механизм работы госпрограммы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников. Примечательный факт: власти Таджикистана допускают наличие двойного гражданства, притом только с Россией. Соответственно, таджикские мигранты, прибывающие в Хабаровский край, становятся участниками госпрограммы, получают в облегченном режиме российское гражданство, сохраняя при этом гражданство Таджикистана. Программа позволяет мигрантам с нужной для региона профессией, например, врача или учителя, получать разные полезные бонусы при переселении именно на Дальний Восток. Более того, при общем темпе развития региона поток трудовых мигрантов сейчас также достаточно ощутим, а работа местных диаспор облегчает многие процессы уже на месте. Это в какой-то степени объясняет высокую численность таджикских мигрантов в Хабаровском крае.

Винокурова А. В.: Айтал Игоревич, а можете как-то конкретизировать ситуацию по Якутии? Как вы считаете, почему в Республику Саха именно из Кыргызстана едут трудовые мигранты?

Яковлев А. И.: Добрый день, коллеги! Что сказать по этому поводу? Для начала, конечно, необходимо отметить, так скажем, работу социальных связей. В Якутии так сложилось, что первые волны миграции были как раз из Кыргызстана. Другими словами, работают личные контакты, социальные сети, связи, т. е. последующие мигранты они не в никуда едут, а едут уже конкретно по рекомендации. Имеет место так называемый рекрутинг, мигранты, хорошо себя зарекомендовавшие, проявившие, понимающие, как нужно строить отношения с работодателем, по своим личным каналам собирают своих товарищей, проживающих в Кыргызстане, они приезжают в Якутию и уже далее осуществляют конкретную трудовую деятельность, занимают рабочие места в определённых отраслях, это как правило, индивидуальное жилищное строительство, сфера общественного питания, ЖКХ и пр.

Винокурова А. В.: Да, и вот далее можно перейти к аспектам адаптации и интеграции иностранных мигрантов из стран Центральной Азии в принимающем дальневосточном сообществе. Какие основные моменты в этом отношении можно выделить?

Ковалевский А. В.: Вот в данном ключе мы можем концептуально идти не от проблемы миграции как таковой, а отталкиваться от проблемы образа мигранта в общественном сознании. Кто такой мигрант? Почему мигрантов воспринимают как мигрантов? Как он, этот образ, формируется в принимающем сообществе? Если смотреть исторически, то конкретно в Хабаровске можно выделить нулевой, первый и второй поток миграции. Нулевой поток – это момент формирования Хабаровска именно как советского города, это период интенсивной урбанизации и экстенсивной индустриализации. И в этот период мигранты – это все те, кто приезжает в Хабаровский край со всех уголков Советского Союза. Мигранты – это многонациональный, полиэтничный, но априори советский народ. Здесь все по большей части – приезжие, и, соответственно, нет чёткого образа "чужака", другого, пришлого, т. е. всего того, что сейчас определяет образ мигранта.

Далее, в 1990–2000-е гг., это уже постсоветский период, формируется первый поток миграции. В бывших союзных республиках происходят локальные военные конфликты, снижается уровень и качество жизни. Поэтому жители этих республик начинают мигрировать, в том числе и на Дальний Восток. Но они уже едут к своим родственникам, землякам, кто попали на Дальний Восток в нулевой поток, кто здесь уже хорошо освоился. Другими словами, идёт закрепление по принципу этничности, взаимопомощи. И мигранты из постсоветского пространства воспринимаются как "свой", поскольку на Дальнем Востоке в тот период "чужие" – это китайцы.

А вот уже начиная с 2010-х гг. формируется стигма мигрантов уже в отношении выходцев из Средней Азии, бывших республик СССР. Их начинают в принимающем сообществе воспринимать как "понаехавших", "отнимающих

у местных рабочие места". Это как раз и есть условный второй поток мигрантов, которые едут на Дальний Восток не чтобы здесь остаться и жить, а чтобы здесь поработать, а потом вернуться обратно. Большинство из них уже не владеют или не очень хорошо владеют русским языком. Зачастую такой вот языковой барьер, и не только он, порождает трудности, связанные с адаптацией в принимающем сообществе.

Яковлев А. И.: Да, Андрей Владимирович, здесь ещё очень уместным будет понятие сломанной повседневности, мигрантского мира. В ходе сбора полудет материалов в Якутске часто употребляются понятия "узбекская жизнь", "жизнь кыргызов". И получается, что это ещё раз доказывает, что повседневность – многогранная, многослойная, мозаичная. При этом включает в себя цифровую составляющую. Цифровая среда – это обыденность. Иностранцы мигранты, находясь на Дальнем Востоке, имеют возможность быть в курсе событий, происходящих на их родине, регулярно общаться с родителями, супругами, детьми, другими родственниками, оставшимися там, таким образом, социальные сети предоставляют им возможность не выпасть из привычной среды. А если взять во внимание нецифровой, реальный ландшафт дальневосточных городов, то здесь для мигрантов одним из действующих инструментов привычной для них среды может выступать мечеть.

Винокурова А. В.: Да, вот хотелось бы уточнений: как религиозные практики мигрантов оказывают влияние на их повседневность? И, условно говоря, насколько это влияние велико?

Ковалевский А. В.: Хороший вопрос, а что мы понимаем под религиозными практиками? Вот, к примеру, человек всю жизнь прожил в России, переезжает куда-то в другую страну и продолжает праздновать Пасху, отмечать Масленицу. Вот это религиозная практика? Или речь идёт уже культурной практике?

Ардальянова А. Ю.: Отвечая на вопрос Андрея Владимировича, хотелось бы отметить следующее. Конечно, для русских, переезжающих за границу, религиозные праздники, такие как Пасха, это больше культурная практика. Для мигрантов-мусульман же праздник – в большей степени религиозная практика, хотя, в принципе, здесь элементы такого культурного традиционализма тоже имеют место. Да, для мусульманина важно сходить в мечеть, соблюдать пост в месяц Рамадан. "Мечеть имеет место быть" – так говорят наши информанты. И вообще, мечеть очень важна для мигрантов. В подтверждение этого тезиса я бы хотела привести некоторые цифры. Если мы обратимся к данным Минюста относительно количества зарегистрированных религиозных организаций, то сегодня в Дальневосточном федеральном округе зарегистрировано 1546 религиозных организаций, 53 из них мусульманские. Эта цифра, конечно же, ничтожна, например, в сравнении с тем же Приволжским федеральным округом, где количеством только мусульманских организаций составляет 3812. Но чем примечательна ситуация на Дальнем Востоке сегодня? А тем, что она динамична. Вот если мы возьмём Приморский край, то двенадцать мусульманских религиозных организаций зарегистрировано у нас, и шесть из них, т. е. ровно половина, как раз за последние годы – с 2019 по 2022. В Хабаровском крае только в 2022 году зарегистрировано три мусульманские религиозные организации. Если рассматривать географию регистрации, то это не только центральные города, но и периферийные территории. В Хабаровском крае это город Бикин, порт Ванино, поселок Чегдомын. В Приморском крае – города Уссурийск и Находка, поселок Тавричанка Надеждинского района, село Камень-Рыболов Ханкайского района и другие.

Казалось бы, что объединяет ислам с данными территориями? А вот что – привлечённые на работу мигранты. По факту, где есть приток мигрантов, там регистрируется религиозная организация и открывается "мечеть" в виде молельного дома или даже комнаты. Возвращаясь к вопросу, традиция это или больше религия? На мой взгляд, больше религия, но здесь не только духовная функция религиозной организации играет большую роль. Помимо прочего, зарегистрированная религиозная организация является своеобразным представительством, которое может предоставить помощь, поддержку и даже защиту, оградить от конфликтов с местным населением, привлечь дополнительное финансирование на реализацию социальных проектов и многое другое. Она имеет значение с точки зрения получения различных связей,

контактов. Поэтому, конечно же, мигранты нуждаются вот в этой поддержке и с религиозной точки зрения, и с социальной.

Сердюков К. Н.: А вот сценарий с религиозными практиками, он на кого чаще всего распространяется?

Ковалевский А. В.: Да, вот это очень интересный вопрос. Если говорить про поколение тех, кто родился в России и живёт здесь с рождения, на них эти сюжеты как распространяются? Результаты наших исследований показывают, что здесь очень сильна инерция. Мигрантская молодёжь участвует в различных этнических праздниках, соблюдает традиции чаще в силу привычки, потому что "так принято".

Ардальянова А. Ю.: Соглашусь, что возраст здесь имеет значение. Религиозности свойственно развиваться со временем. Другими словами, если изначально молодой человек, в том числе и мусульманин, совершает религиозный обряд по традиции, то в более зрелом возрасте, когда уже обзавёлся семьей и детьми, делает это более осознанно. Многие остаются в мечети не только потому, что не хотят сориться с родителями, близкими, но и потому, что сами хотят привить духовно-нравственные ценности уже своим детям. Молодости свойственно протестовать против традиционных ценностей, но трудовые мигранты часто в молодом возрасте уже имеют ребенка и даже не одного, а нескольких, и потому роль традиций и религии продолжает оставаться актуальной.

Яковлев А. И.: Можно я добавлю ещё один момент касательно религиозных компонентов, традиционной культуры. Это тоже важные составляющие повседневных практик. И во многом их передача идёт через женщин, в том числе и в мигрантском сообществе. Женщины из среды мигрантов – выходцев из Центральной Азии, как мы говорим, этнических мусульман, как правило, занимаются ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей. Они реже включены в производственно-трудовые отношения. Соответственно, трансляция тех или иных паттернов поведения осуществляется именно через них как матерей. Следовательно, религиозные практики мигрантов нужно рассматривать не только через призму возраста, но и гендера.

Винокурова А.В.: Помимо мечети, не менее важными институтами адаптации и интеграции иностранных мигрантов являются образование и профессиональное сообщество. Это показывают результаты исследований, в том числе и проведённых при нашем непосредственном участии в рамках грантовых проектов.

Общеобразовательная школа – это, на мой взгляд, очень мощный инструмент интеграции иностранных мигрантов в принимающее сообщество. Скорее, здесь речь идёт не о самих мигрантах, а об их детях. Ребёнок из семьи мигрантов попадает в школу, закреплённую за тем районом, где проживает эта семья. Но у нас, в дальневосточных поселениях, нет чётко очерченных мигрантских кварталов, районы, где живут мигранты весьма разнородны, там проживают совершенно разные социальные категории населения. Поэтому дети из семей мигрантов, вливаются в школьный коллектив, посещают кружки секции, прочие дополнительные занятия. Они очень активно взаимодействуют с другими детьми, которые проживают в этом же районе, и здесь этнический фактор перестаёт играть главенствующую роль. Соответственно, ребёнок из семьи мигрантов очень быстро становится частью принимающего сообщества.

Ковалевский А. В.: Анна Викторовна, хотелось бы дополнить. В общем-то, детей из семей мигрантов можно разделить на несколько категорий. Во-первых, это те, кто родились здесь на Дальнем Востоке, жили здесь, никогда не ездили на родину родителей. В основном такие дети полностью ассимилированы, они часто даже и не знают своего родного языка. Как правило, после окончания школы получают обычную профессию, вступают в брак не по этническому признаку и т. д. Вторая категория – это дети мигрантов, которые родились здесь, но они часто ездят на родину. Соответственно, они могут сравнить, каково это жить "здесь" и жить "там". И у них формируется проблема двойного отрицания. С одной стороны, они чувствуют себя дистанцированными от принимающего российского сообщества. С другой стороны, на родине их не воспринимают как своих, поскольку они не знают традиций, неправильно говорят на родном языке и т. п. Наконец, третья категория детей из семей

мигрантов. Как правило, в раннем детстве они часто ездили на родину, первичную, начальную социализацию проходили там. Они отчасти транслируют свою национальную культуру, ценности, религию.

Яковлев А. И.: А вот этот алгоритм как раз, в какой-то степени, подтверждает мой комментарий касательно кризиса сломанной повседневности в плане дальнейшего получения образования. Вот кто такой студент-первокурсник? У него как раз ненормальная жизнь – сломанная повседневность, потому что раньше была нормальная жизнь – школьная, а сейчас у него всё иное, новое. И он, попадая в новый для него статус студента, пытается заново выстроить свою повседневность, "онормалить" её. И здесь все студенты, независимо от того, мигранты они или нет, пытаются заново настроить свою повседневную жизнь, сделать её привычной, комфортной для себя. А по факту, большая часть студентов по своей сути – мигранты. Многие же приехали учиться из других населённых пунктов, в том числе малых городов, сёл. И в этой новой для себя студенческой среде, независимо от того, россиянин ты или иностранный гражданин, все они находятся в относительно равных условиях. У всех идёт практически идентичный процесс адаптации к новым условиям, принимающему сообществу.

Ковалевский А. В.: А далее уже происходит процесс профессиональной социализации. И значительная часть представителей мигрантского сообщества выпадает из образа мигрантов именно через профессиональную сферу. Доминирующим становится не этнический, а профессиональный образ. Например, он уже не мигрант – выходец из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и т. п., а, скажем, врач, учитель, представитель власти, чиновник, журналист местного телеканала, ведущий праздников, корпоративов и пр. И эти люди местным сообществом совершенно не воспринимаются как мигранты. Это тоже один из показателей успешной адаптации и интеграции мигрантов.

Винокурова А. В.: Ещё немаловажный момент заключается в том, каким образом властные структуры, экспертное сообщество могут влиять на процесс адаптации и интеграции мигрантов в принимающем региональном сообществе?

Сердюков К. Н.: Если говорить о формальных институтах, в том числе и властных структурах, то необходимо учитывать, что иностранная трудовая миграция – это важнейший элемент социально-экономического развития всего дальневосточного макрорегиона. Соответственно, формальные институты не могут не участвовать в содействии культурной адаптации и интеграции иностранных трудовых мигрантов. Со стороны властей важна правовая, консультационная поддержка мигрантов, также необходимо информировать местное население о позитивных эффектах пребывания иностранных работников на Дальнем Востоке. Важно находить и показывать положительные примеры межнационального взаимодействия и согласия. Это будет способствовать изменению устоявшихся стереотипов о мигрантах в лучшую сторону.

Хотя сама иностранная трудовая миграция порождает целый комплекс разного рода проблем. Во-первых, это несовершенство существующей системы безвизового въезда и пребывания иностранных граждан, другими словами, очень мало действующих эффективных механизмов безвизового режима. В качестве альтернативы представляется целесообразным применение системы организованного набора иностранной рабочей силы. У нас есть межправительственные соглашения с Узбекистаном и Таджикистаном. Но по прошествии времени стало очевидным, что оргнабор на практике показывает свою неэффективность. Этим механизмом в его текущем состоянии не хотят пользоваться ни работодатели, ни сами мигранты. Ещё одна проблема – это неприемлемое исполнение миграционного законодательства. Причины прозаичны – несовершенство механизмов реализации контроля в области миграционной политики, а также высокая коррумпированность миграционной сферы в целом. Вот, например, существующий уже довольно давно экзамен для мигрантов на знание русского языка. Его часто не сдают, а просто покупают. Можно обратиться к проблеме нелегальной миграции. Хотя сам этот термин дискуссионный, возможно, не всегда его используют корректно. Но приведу пример, наглядно иллюстрирующий данную ситуацию. За 2022 год в Приморье зафиксировано более двухсот тысяч фактов постановки на миграционный

учёт иностранных граждан и лиц без гражданства, въехавших в регион с целью осуществления трудовой деятельности. При этом количество выданных патентов на ведение трудовой деятельности составляет менее тридцати тысяч. Вместе с тем официальных уведомлений о заключении трудового договора на основании патента и вовсе получено менее десяти тысяч. Возникает вопрос: а где все остальные? Получается, что из всех мигрантов, оформивших патенты, легально работали около трети. Соответственно, мы имеем большое число мигрантов, которые находятся на нелегальном положении.

Но позитивные моменты тоже есть. Например, в 2021 году во Владивостоке начал работать многофункциональный миграционный центр. Здесь мигранты могут получить весь спектр услуг, в том числе консультации по оформлению документов, переводческие услуги и пр. И сами мигранты говорят о том, что те, кто хочет иметь легальный статус, не имеют проблем с законом идут именно туда, в этот центр. Также в 2022 году открылся образовательный учебный центр для мигрантов "Приморье – наш общий дом", где проходят занятия по обучению русскому языку, проводятся просветительские мероприятия.

Яковлев А. И.: Дополню, что в других дальневосточных регионах большую просветительскую работу с мигрантами, иностранными гражданами проводит Ассамблея народов Республики Саха (Якутия) и Ассамблея народов Хабаровского края.

Ардальянова А. Ю.: Общественные организации, в том числе и религиозные, диаспоры, землячества также могут способствовать и способствуют через различные неформальные инструменты успешной адаптации мигрантов в принимающем региональном сообществе. Это те места, где мигранты могут получать социальную поддержку и защиту.

Винокурова А.В.: Коллеги, подводя итоги нашего мероприятия, отмечу, что основной тренд, связанный с миграционными процессами на Дальнем Востоке, состоит в том, что идёт отток местного населения и в какой-то степени происходит его замещение за счёт мигрантов из стран Центральной Азии. Это порождает различные проблемы в сфере адаптации и интеграции иностранных граждан в принимающем региональном сообществе. И ситуация является более благоприятной там, где сильны традиции продолжительного межнационального взаимодействия, например, в Республике Саха (Якутия). Да и в других регионах, в Хабаровском крае, в Приморье, где большая часть местного населения – это потомки мигрантов, приехавших в своё время на Дальний Восток из разных уголков Российской Империи, Советского Союза. А сейчас в процессе адаптации и интеграции мигрантов немаловажную роль играют образовательные институты, профессиональные сообщества, религиозные структуры, сектор НКО, представители властей различного уровня – регионального, муниципального. Важен диалог местного населения и мигрантского сообщества, а если смотреть шире, то наука – власть – гражданское общество.

Коллеги, большое спасибо за интересные выступления, считаю, что обмен мнения состоялся и был весьма содержательным.

Информация об авторах

Анна Юрьевна Ардальянова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: ardy2004@mail.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Андрей Владимирович Ковалевский, проректор по цифровой трансформации и стратегическому развитию Хабаровского краевого института развития образования Хабаровск, Россия; младший научный сотрудник департамента научных исследований Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: kovalevskiy@yandex.ru

Константин Николаевич Сердюков, канд. соц. наук, научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Владивосток, Россия; научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: customs-toll@yandex.ru

Айтал Игоревич Яковлев, канд. ист. наук, доцент исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия; научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Information about the authors

Anna Yu. Ardalyanova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: ardy2004@mail.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Andrey V. Kovalevsky, Vice-Rector for Digital Transformation and Strategic Development, Khabarovsk Regional Institute for the Development of Education, Khabarovsk, Russia; Junior Researcher, Department of Scientific Studies, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: kovalevskiy@yandex.ru

Konstantin N. Serdyukov, Candidate of Sociology, Researcher, Pacific Geographical Institute, FEB RAS, Vladivostok, Russia; Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: customs-toll@yandex.ru

Aital I. Yakovlev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Historical Faculty, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia; Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: aytalyakovlev@mail.ru

Поступила в редакцию 20.05.2023

Received 20.05.2023

Принята к публикации 25.05.2023

Accepted 25.05.2023

Научная статья
УДК 94(571.6).
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/77-85>

Кустарное солеварение на Дальнем Востоке СССР в 1920-х гг.: особенности развития

Ольга Александровна Устюгова
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, ustugova75@mail.ru

Аннотация. Рассматривается развитие кустарной солеваренной промышленности на советском Дальнем Востоке в 1920–х гг. До революции кустарным солеварением из морской воды занимались китайцы и корейцы, солеваренные промыслы не обеспечивали потребностей населения и рыбной промышленности. После установления советской власти возникли трудности со снабжением региона солью, потребность местного рынка не удовлетворялась импортом, поэтому кустарное солеварение получило новый импульс к развитию. Исследуется динамика объемов добычи соли и перспективы дальнейшего развития кустарного солеварения, а также регулирование этого вида хозяйственной деятельности государством.

Ключевые слова: *Дальний Восток, соль, кустарное солеварение, соляной синдикат, снабжение*
Для цитирования: Устюгова О. А. Кустарное солеварение на Дальнем Востоке СССР в 1920-х гг.: особенности развития // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 77–85. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/77-85>

Round Table
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/77-85>

Artisanal salt production in the Far East of the USSR in the 1920s: features of development

Olga A. Ustyugova
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, ustugova75@mail.ru

Abstract. The article deals with the development of the artisanal salt industry in the Soviet Far East in the 1920s. Before the revolution, the Chinese and Koreans obtained salt by the evaporation from seawater but this industry could not cover the requirements of the population and fisheries of the Far East. After the establishment of the Soviet power, there were difficulties in supplying the region with salt, import did not satisfied the need of the domestic market, so the artisanal salt production received a new impetus for its development. The dynamics of the volume of salt production, the prospects for the further development of the artisanal salt industry, as well as the regulation of this type of economic activity by the state are revealed.

Key words: *Far East, salt, artisanal salt production, salt syndicate, supply*

For citation: Ustyugova O. A. Artisanal salt production in the Far East of the USSR in the 1920s: features of development // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 77–85. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/77-85>

Российский Дальний Восток с самого начала его заселения снабжался солью, привозившейся из-за границы. В регионе не было промышленных месторождений каменной соли, её добычей из морской воды занимались китайцы и корейцы. Производство было устроено следующим образом: на берегу выкапывали неглубокие бассейны, в которых морская вода выпаривалась под действием солнечных лучей, превращаясь в рассол, из которого затем в котлах на огне вываривали соль. Несколько лучшие результаты давал применявшийся корейцами способ зимнего вымораживания соли в таких же бассейнах [1, с. 749]. Применение способа естественного выпаривания морской воды в количествах, удовлетворяющих потребности населения и рыбной промышленности, было затруднено из-за короткого туманного и дождливого лета и недостаточно высокой температуры воздуха (РГИА ДВ. Ф. 252. Оп. 1. Д. 52. Л. 46)¹. Такое производство требовало значительных затрат труда и топлива, давало продукт низкого качества, с примесью горьких солей, и в незначительном, по сравнению с требуемым, количестве.

В начале 1920-х гг., во время Гражданской войны и интервенции, когда Дальний Восток зависел исключительно от ввоза соли из Японии и Порт-Саида, часто ощущался недостаток в этом продукте, особенно на рыбных промыслах.

¹ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

лах. После установления советской власти трудности со снабжением региона солью сохранились: при значительном ежегодном спросе на соль цены на неё колебались в зависимости от объёмов импорта (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 39). По данным Владивостокской конторы Дальневосточного отделения государственной импортно-экспортной торговой конторы "Госторг" общая потребность Дальнего Востока в соли импортным планом на 1923 г. определялась в количестве до 3 млн пуд., причем для Приморья, если основываться на данных Дальневосточного статистического управления, на нужды населения требовалось 400–500 тыс. пуд., а рыбопромышленности – 1,7 млн пуд., всего 2,1–2,2 млн пуд. Однако в 1923 г. в Приморскую губернию было доставлено лишь 650 тыс. пуд. соли, что составило 32,5% от её потребностей. Это привело к подорожанию соли: в 1923 г. цена доходила до 1 руб. 40 коп. за пуд, что побуждало к деятельности частную инициативу (РГИА ДВ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 16. Л. 49). В 1923/24 операционном году (1 октября 1923 г. – 30 сентября 1924 г.) возобновилось кустарное солеварение из морской воды во Владивостокском округе Дальневосточного края [3, с. 229]. В 1925 г. севернее Владивостока, по побережью Владивостокского округа работало 11 мелких кустарных предприятий, которые вываривали около 40 тыс. пуд. соли и не собирались приостанавливать свою деятельность [7, с. 255]. "Если ранее по всему побережью Южно-Уссурийского края можно было встретить небольшие, местного типа, солеварки, из которых весьма малое количество находилось в действии, а работали на них исключительно корейцы и китайцы, то теперь вблизи Владивостока появилось и русское кустарное солеварение" [6, с. 42]. Местное прибрежное население и рыбаки стали промышленно вываркой соли из морской воды, как для собственного потребления, так и, при успешной варке, на продажу (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 39).

С конца 1923 г. в Приморское окружное горное управление довольно часто поступали ходатайства частных лиц о выдаче им разрешений на выварку соли. На основании полученных управлением указаний из центра такие разрешения беспрепятственно выдавались всем русским гражданам на срок не более одного года, после предварительного согласования в каждом отдельном случае с Губфинотделом (РГИА ДВ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 16. Л. 48). Каждый желающий вести варку заключал с Приморским окружным горным управлением краткосрочный арендный договор сроком от 3 месяцев до 1 года, арендная плата взималась в размере 3–4% от средней рыночной цены всего количества вываренной соли (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 39). Цена эта доходила на местном рынке до 2 руб. 80 коп. за пуд. (РГИА ДВ. Ф. Р-2528. Оп. 1. Д. 2. Л. 5). Ввиду того, что точно учесть объёмы добычи при разбросанности "солеварок" не представлялось возможным, арендная плата взималась вперёд с количества, указанного в договоре (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 39). Если добыча превышала установленное в договоре количество, плату за излишек нужно было внести полностью не позднее середины следующего месяца (РГИА ДВ. Ф. Р-2528. Оп. 1. Д. 2. Л. 5).

Следует отметить, что данные о кустарных солеварнях, которыми располагало государство, были неполными и противоречивыми, что во многом объясняется сложностями учёта в условиях формирования органов хозяйственного управления в регионе в первые годы после установления советской власти. По данным государственного всесоюзного соляного синдиката (соле-синдиката), осуществлявшего наблюдение за снабжением солью населения и промышленности, с ноября 1923 г. по август 1924 г. Приморское окружное горное управление заключило 37 краткосрочных договоров на право выварки соли из морской воды в количестве около 13 тыс. пуд. (РГИА ДВ. Ф. Р-2528. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–5). За 1923/24 операционный год по имеющимся в горном управлении недостаточно полным данным по заключенным договорам было выварено около 9500 пуд. соли (РГИА ДВ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 16. Л. 48–48об.). Согласно данным отчёта Горного отдела Дальпромбюро, в 1923/24 г. было заключено 19 договоров на 48 т, а выварено всего 20 т (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 40). По сведениям, собранном солесиндикатом, с сентября 1924 г. по 1 января 1925 г. было заключено 10 договоров сроком от трёх месяцев до года, с обязательной нормой выработки в 33,5 тыс. пуд. (РГИА ДВ. Ф. Р-2528. Оп. 1. Д. 2. Л. 5). Согласно данным отчёта Горного отдела Дальпромбюро арендная плата по 16 договорам за 1924/25 г. на вы-

Табл. 1. Договоры на добычу соли в Приморской губернии за 1924/25 г.
Table 1. Contracts for the extraction of salt in the Primorsky province for 1924/25

№	Арендатор	Время заключения договора	Срок действия договора	Норма добычи	Место варки
1	Ромашкевич Б.А.	04.06.1924 г.	8 месяцев	65 т	о-в Русский
2	Простое Солеваренное Товарищество	15.08.1924 г.	3 месяца	25 т	Уссурийский залив, район Три Камня
3	Ким П.И.	20.09.1924 г.	5 месяцев	66 т	У мыса Зеленого
4	Пиляй Д.Т. и Грин	20.09.1924 г.	3 месяца	25 т	Уссурийский залив, уроч. Тавайза
5	Колбасин и К°	08.10.1924 г.	6 месяцев	50 т	о-в Русский, бухта Холуной
6	Мазурина О.М.	15.10.1924 г.	1 год	100 т	бухта Экспедиции
7	Она же	15.10.1924 г.	1 год	100 т	оз. Сандокинза
8	Она же	15.10.1924 г.	1 год	100 т	оз. Тонаруза, в районе бухты Экспедиции
9	Васильев Г.В.	17.11.1924 г.	6 месяцев	50 т	Уссурийский залив, Три Камня
10	Клентак А.М.	20.11.1924 г.	6 месяцев	62 т	Амурский залив
11	Тхоржевский В.Н	25.11.1924 г.	3 месяца	25 т	Амурский залив, близ рудника Надежда
12	Ю-Се-Сам	26.11.1924 г.	3 месяца	25 т	У ст. Угольной
13	Моисеенко Н.М.	20.12.1924 г.	3 месяца	25 т	Уссурийский залив, бухта Шамера
14	Мелиоративное товарищество "Ансан"	05.01.1925 г.	3 месяца	25 т	Амурский залив, у мыса Печального
15	Общество дер. Верхний Монгуай	27.01.1925 г.	3 месяца	25 т	Амурский залив, у Становой горы
16	Тигай Н.	13.01.1925 г.	3 месяца	25 т	Амурский залив, у дер. Амба

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 39 об.

Source: Russian State Historical Archive of the Far East. Fond R-4217. Series 1. File 32. P. 39 back.

варку общей сложностью 793 т. (табл. 1) составила 2100 руб. 90 коп. С июня 1924 по январь 1925 г. 8 договоров из 16 было заключено на 3 мес. с обязательной нормой добычи в 25 т, 5 – на 5, 6 и 8 мес. на 50–66 т и 3 – на год на 100 т (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 39об., 131).

Как отмечалось в отчёте Горного отдела Дальпромбюро: "...как выполнены эти договора данных, вследствие невозможности собрать, нет; арендаторы же, несмотря на неоднократные требования сведений их не представили" (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 39). Однако имелись основания предполагать, что большинство не выварило и половины обязательного наряда, а некоторые из них даже и не приступали к варке, так как цены на соль снизились вследствие её доставки с юга СССР (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 39–39об.). Как следовало из отчёта Горного отдела Дальпромбюро, по неполным сведениям, за 1924/25 г. было добыто 300 т соли (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 39об.), в том числе по трём краткосрочным арендным договорам (от 3 до 12 месяцев) в Приморской губернии – 176 т (табл. 2).

Начальник Горного отдела Дальпромбюро, опираясь на имевшиеся, хотя и неполные, данные, из сравнения показателей двух лет заключил, что в

Табл. 2. Добыча соли в Приморской губернии в 1924/25 г. (в тоннах).
Table 2. Salt extraction in Primorsky Province in 1924/25 (in tons).

Наименование треста, кооператива или арендатора	Местонахождение	Добыто соли	Среднее число рабочих
Дулин Л.А.	Амурский залив	81,693	4
Т-во "Ансан"	Амурский залив	9,020	6
Мазурина О.М.	Бухта Экспедиции	86,065	5
Всего		176,788	15

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 90.

Source: Russian State Historical Archive of the Far East. Fond R-4217. Series 1. File 32. P. 90.

1924/25 г. при сокращении количества договоров наряд увеличился в 15 раз, т.е. произошло укрупнение солеваров. На дальнейшее развитие кустарного солеварения надеяться не приходилось, так как опыт 1924/25 г. показал, что местная соль не выдерживала конкуренции с доставлявшейся морем крымской (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 40). В условиях высокой потребности региона в поваренной соли как продукте первой необходимости и сырье для рыбопромышленности проводилась политика по замещению иностранной соли советской: были приняты все меры, чтобы снабдить Амурскую и Приморскую губернии крымской солью. Добываемый кустарями продукт получался горьким и негодным к употреблению, снабжение края солью уже в 1924 г. протекало при более нормальных условиях, ввоз покрывал 86 % общей потребности края, к концу года соль подешевела до 60–90 коп. за пуд. (РГИА ДВ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 16. Л. 49–49об.).

Государственные органы стремились усилить контроль за деятельностью кустарных солеваров. Арендаторы были обязаны зарегистрироваться в солесиндикате в Москве, указав предполагаемый объем добычи и сбыта соли, в противном случае нужно было заплатить штраф. По имевшимся в солесиндикате сведениям, к началу 1925 г. в Приморской губернии действовало 47 кустарных солеварен, принадлежавших частным лицам: на о-ве Русском – 18, в Амурском заливе – 12, в Уссурийском заливе – 6, три наиболее крупные – около Посьета (Тальми), по две – на о-ве Шкота и в бухте Угловой (около ст. Угольной) и по одной – на островах Аскольд и Рейнеке, в Сучанском районе и в заливе Восток (РГИА ДВ. Ф. Р-2528. Оп. 1. Д. 2. Л. 4). Ни один из 47 арендаторов не зарегистрировался в солесиндикате, который намеревался потребовать от виновных уплаты штрафа через Приморское горное окружное управление, предложив ему (через Горное управление ВСНХ) усилить надзор за арендаторами (РГИА ДВ. Ф. Р-2528. Оп. 1. Д. 2. Л. 5). Уполномоченный солесиндиката на Дальнем Востоке Г.А. Зайцев в своём отчёте в январе 1925 г. отмечал: "Конечно, можно предположить, что кроме этих официальных солеварен имеются на местах ещё самочинные, которые ускользали до сих пор от горного надзора. Теперь, в связи с проявленной нами заинтересованностью, последний обещает уделить больше внимания этому кустарничеству. Установленные Губкомвнуторгком предельные цены не свыше 90 коп. за пуд крымской соли и экономически выбьют почву у охотников лёгкой наживы. Но для этого необходимо, чтобы кооперация (и частник) продвинули нашу соль до самых глубоких низов, на что в недалеком будущем (судя по губернскому съезду кооператоров-коммунистов в конце декабря 1924 г.) можно вполне рассчитывать" (РГИА ДВ. Ф. Р-2528. Оп. 1. Д. 2. Л. 5). Возглавлявший Владивостокскую контору Дальгосторга Я.А. Малыгин также считал, что экономические условия оставались неблагоприятными для развития промысла, вследствие чего отсутствие собственной соли в дальнейшем, по-видимому, будет слабым местом дальневосточной рыбопромышленности (РГИА ДВ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 16. Л. 49об.).

В этой связи власти предприняли попытку выяснить, можно ли развить и технически усовершенствовать добычу соли из морской воды в Приморье,

а в перспективе – перейти от кустарных промыслов к промышленному производству [7, с. 196]. В отчёте Горного отдела Дальпромбюро за 1924/25 операционный год отмечалось, что вопрос о постановке добычи соли из морской воды в крупном масштабе и о возможности создания рентабельного предприятия находится в стадии проработки, а первоочередной задачей является исследование озера Тальми (РГИА ДВ. Ф. Р-4217. Оп. 1. Д. 32. Л. 40).

Выварка соли на расположенном на юго-западе от Посыета оз. Тальми, соединенном с морем узким проливом, началась около 1900 г. В 1905–1907 гг. она достигала 15 тыс. пуд. ежегодно, продукт находил выгодный сбыт главным образом в Китай. Закрытие порто-франко подорвало промысел настолько, что с 1910 по 1922 г. выварка соли прекратилась [2, с. 58–59]. В 1922/23 г. добыча соли возобновилась: корейцы зимой на оз. Тальми получали концентраты рассола для выварки по способу вымораживания, а китайцы летом в расположенной рядом бухте Ханси выпаривали морскую воду с последующей вываркой соли [2, с. 61, 65]. В 1922/23 г. на оз. Тальми было выварено 200 пуд. соли, а в 1923/24 г. – 300 пуд., из которых одна половина была сравнительно выгодно продана на месте по 90 коп. золотом за пуд, а вторая – во Владивостоке по 1 руб., причем, по расчёту артели, убыток с пуда составил 18–20 коп. за счёт транспортных расходов [2, с. 62–63]. Местные условия для летней выварки соли в Ханси были более благоприятными: на одной варнице артель китайцев из 3–4 чел. за 4 месяца получила 700–800 пуд. соли, которую продавала на месте добычи по 80 коп. золотом за пуд [2, с. 63–65; 7, с. 181].

Ещё в 1919–1920 гг. инженер Н.В. Прихожан, обративший внимание на обилие осадков и туманов летом и почти полное их отсутствие зимой, пришёл к заключению о возможности использования зимнего периода для добычи соли. Он провел теоретическое исследование на основе данных Владивостокской метеорологической обсерватории, а зимой 1921–1922 гг. проверил его опытами во Владивостоке и на оз. Тальми [6, с. 43]. В результате был разработан проект эксплуатации озера, в котором предлагалось доведение рассолов путём выпаривания и вымораживания до полного выделения из них поваренной соли, т.е. устранения процесса вываривания. Объём добычи предполагалось довести до полного покрытия всей потребности Дальнего Востока в соли – 82 тыс. т [1, с. 757] (по другим данным – до 30 тыс. т) [8, с. 334–335] ежегодно. С целью проведения дополнительных исследований по поручению Примгубплана Дальневосточный геологический комитет отправил на оз. Тальми специальную экспедицию во главе с А.В. Арсентьевым [2, с. 58].

А.В. Арсентьев провел опытные работы по добыче соли вымораживанием рассолов, выяснив, что в первый же год эксплуатации озера можно будет получить 10 тыс. пуд. (164 т) соли, что в 40 раз превышало добычу кустарей [1, с. 751–753]. Доклад о результатах экспедиции был сделан геологом междуведомственному совещанию при Примгубплане, но, поскольку Приморье планировалось обеспечить крымской солью в полном объёме годовой потребности в 2,5 млн пуд., вопрос о постановке эксплуатационных работ на оз. Тальми утратил актуальность [2, с. 68–69].

В апреле 1926 г. на проходившей в Хабаровске первой региональной научно-практической конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока были подведены итоги работ по исследованию перспектив соледобычи в регионе. Специалисты пришли к следующему выводу: на Дальний Восток с юга СССР организована доставка высококачественной соли, по цене около 33 коп. за пуд. для рыбных промыслов и около 56 коп. для населения, поэтому произведенная на месте дорогостоящая морская соль, не дешевле 60 коп. за пуд, не сможет конкурировать с привозной. Кустарная промышленность существует только из-за нерегулярного транспортного снабжения края и, вероятно, прекратит свою работу, когда пароходство наладит поступление южной соли на Дальний Восток в необходимом количестве [7, с. 187].

Действительно, добыча соли в регионе ежегодно снижалась, так как местная дорогая соль (72 руб. за тонну) [4, с. 673] не могла конкурировать с крымской: так, в 1925/26 г. в бухте Экспедиции (Посыетский район) было получено 60 т, что составило 34% от добычи 1924/25 г. (табл. 3).

Тем не менее, кустарное солеварение продолжало существовать даже в неблагоприятных условиях конкуренции с крымскими солями. Более подробное рассмотрение условий типового договора на выварку соли позволит выя-

Табл. 3. Добыча соли в Дальневосточном крае в 1921–1927 гг. (в тоннах).
Table 3. Salt extraction in Far East Province in 1921–1927 (in tons).

Год	1921/22	1922/23	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27
Объём добычи	254	246	48	177	60	83

Составлено автором на основе: [4, с. 662; 5, с. 69, 904–905].

Compiled by the author based on: [4, p. 662; 5, p. 69, 904–905].

вить особенности функционирования кустарных солеваренных промыслов и регулирования их деятельности органами власти. 2 октября 1926 г. в Приморское окружное горное управление подал заявление о своем желании арендовать солеварню в бухте Экспедиции Посьетского района и получить разрешение на право добычи соли "путём выварки голым огнём в котлах" В.В. Ким. Также им было возбуждено ходатайство о желании принять гражданство РСФСР (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 6). Приморское окружное горное управление в лице его Начальника И.И. Ананишина, действовавшего на основании мандата Далькрайсовнархоза от 2/3 июня 1926 г., (сдатчик) и гр. с. Новокиевка Посьетского района Владивостокского округа В.В. Ким (арендатор) заключили договор, 19 октября 1926 г. засвидетельствованный во Владивостокской городской нотариальной конторе № 1 (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 1, 4).

Согласно условиям договора, сдатчик предоставлял арендатору право выварки соли из морской воды в бухте Экспедиции на протяжении 100 сажень, считая по берегу моря. Арендатор обязался приступить к работам не позднее двух недель со дня заключения договора. Срок аренды определялся в 1 год, по его истечении арендатору предоставлялось преимущественное перед другими соискателями право на возобновление аренды, если сдатчик признает необходимым дальнейшую эксплуатацию предприятия. На протяжении всего срока аренды и не позднее одного месяца по её окончании арендатор должен был убрать все установленные им за свой счёт постройки и оборудование, а также иное приобретённое им имущество, в противном случае они поступали в собственность сдатчика. Необходимые для производства и обслуживания арендуемого предприятия административно-технический персонал и рабочую силу арендатор нанимал и содержал за свой счёт (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–2).

Арендатор обязался выварить не менее 6 тыс. пуд. соли, при существовавшей продажной цене в 1 руб. за пуд на сумму 6000 руб. (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 1об.). Оптовая цена на соль, добываемую на местных соляных промыслах, подтверждалась справкой, выданной В.В. Киму старшим биржевым маклером Владивостокской товарной биржи И. И. Аппенянским 15 октября 1926 г. (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 7). За право выварки соли арендатор обязался представить сдатчику долевое отчисление в размере 4% от продажной стоимости соли, исчисляя таковое со всего количества действительно добытого в течение арендного срока продукта. В случае невыварки арендатором указанной в договоре обязательной нормы в 6 тыс. пуд. долевое отчисление определялось в процентном отношении к обязательной норме добычи. Долевое отчисление должно вноситься арендатором вперёд, по четвертям года, считая со дня заключения договора, за соль же, добытую сверх установленной нормы, – по истечении каждого месяца, но не позднее 15 числа следующего. Вся вываренная арендатором соль оставалась в полном его распоряжении и могла быть использована по его усмотрению в пределах и в порядке, разрешённом законом (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 1об.–2).

В.В. Ким обязался в точности исполнять все требования закона об акцизе на соль, предусмотренные декретом президиума ВЦИК от 23 февраля 1922 г., а также все правила и инструкции Наркомфина о порядке взимания акциза, хранения, передвижения и выпуска соли с промыслов и из складов, неся личную и имущественную ответственность за их исполнение, а также зарегистрироваться в солесиндикате в Москве с указанием предполагаемых количе-

ства добычи и района сбыта соли (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 2об.). Арендатор не имел права без особого разрешения сдатчика передавать настоящий договор ни в целом, ни в части другим лицам или учреждениям, однако мог, уведомив об этом, приглашать компаньонов, но при условии не долевой, а солидарной ответственности всех участников за исполнение договора (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 2об.).

Досрочное прекращение договора без постановления суда наступало: а) по взаимному соглашению сторон; б) со смертью арендатора, не имеющего законных наследников или правопреемников, или участвующих в договоре компаньонов, выразивших желание продолжать аренду самостоятельно; в) по заявлению арендатора вследствие уничтожения огнём или стихийным бедствием оборудования, при отсутствии которого дальнейшая работа предприятия становится невозможной или явно убыточной; г) по заявлению арендатора в случае, если общая сумма подлежащих уплате налогов повысится более чем на 50% в золотой валюте по сравнению с размерами таковых по нормам, существующим в момент подписания договора (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 2об.-3).

По требованию сдатчика постановлением суда договор мог быть расторгнут досрочно в следующих случаях: а) если арендатор не приступил к работам по выварке соли не позднее двухнедельного срока со дня заключения договора; б) при несвоевременной выплате сдатчику долевой отчисления; в) если арендатор не производил ремонт сооружений, что повлекло за собой остановку работы предприятия; г) при наличии иных нарушений, которые будут признаны судом достаточными для прекращения договора. В случае досрочного прекращения договора арендатор был обязан компенсировать сдатчику "все возможные произойти от этого убытки" (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 3об.).

Сдатчик имел право осуществлять надзор за работой арендатора в отношении соответствия её требованиям договора, а арендатор обязывался беспрепятственно допускать полномочных представителей сдатчика к осмотру работ, книг и документов, сообщая в случае надобности все необходимые им сведения (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 2 об.). Этот пункт договора зачастую не выполнялся арендаторами. Так, В.В. Ким должен был ежемесячно, не позднее чем через 5 дней по окончании отчётного месяца, представлять в Приморское окружное горное управление следующие сведения: какое количество соли выварено и вывезено с промысла, сколько рабочих было занято, какова себестоимость пуда добытой соли и цена, по которой она была продана. Однако арендатор этого не сделал, о чем свидетельствует письменное обращение к нему сдатчика И.И. Ананишина от 29 декабря 1926 г. (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 18-18об.). 9 мая 1927 г. Приморское окружное горное управление обратилось к В.В. Киму с требованием вести запись добытой соли в особой тетради после каждой выварки, указав, что, если оно не будет выполнено, арендатор будет привлечен к ответственности (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 23). Тем не менее, несмотря на нарекания к работе В.В. Кима, договор с ним был продлен до 30 сентября 1928 г. на прежних условиях (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 4об.). С октября 1927 г. по февраль 1928 г., т.е. с самого начала операционного года, арендатор снова не предоставил никаких сведений о добыче соли. 18 февраля 1928 г. Приморское окружное горное управление предложило В.В. Киму заполнить и выслать бланки, начиная с октября, впредь же с февраля текущего года, отправлять их не позднее, чем через 5 дней после окончания отчётного месяца, даже если добыча соли не производилась, сделав соответствующую отметку на бланке (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 26).

Принимая во внимание затраты на администрирование и сложности учёта добычи соли, кустарный промысел не приносил большого дохода государству. Так, 11 ноября 1926 г. Нагорнское солеваренное промыслово-кооперативное товарищество "Добыча" в лице поверенного И.П. Ний, действовавшего на основании выданной сельсоветом с. Нагорное Посьетского района Владивостокского округа доверенности, заключило арендный договор с Приморским окружным горным управлением на выварку 500 пуд. соли из морской воды на сумму 500 руб. в бывшей деревне Тальми Посьетского района (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 13-14, 16-16об.).

В январе 1927 г. заведующий Отделением косвенных налогов (косналогов) налогового подотдела Владивостокского окружного финансового отдела (Окрфо) обратился в Приморское окружное горное управление по вопросу о договорах на добычу соли. Согласно п. 35 утвержденной 21 сентября 1926 г. Наркомфином СССР по соглашению с ВСНХ и Наркомторгом инструкции по взиманию акциза с поваренной соли, кустарная добыча допускалась лишь на солерождениях, сданных в аренду волисполкомам и сельсоветам. Хотя по оборудованию, способу и размеру добычи товарищество являлось кустарным предприятием, но применять в отношении частной организации установленный инструкцией упрощенный порядок надзора было недопустимо. Окрфо должен был осуществлять надзор за производством и выпуском соли артелью "Добыча" на общих основаниях, т.е. иметь постоянного агента отделения косналогов на месте добычи соли или командировать его для ревизии промысла не менее одного раза в месяц, что не имело смысла при столь незначительных объемах добычи, так как такое производство было явно невыгодным и убыточным. Окрфо считал нецелесообразным разрешать добычу соли частным лицам и организациям в небольших объемах, в отдаленных и глухих местах, в которых не было постоянного агента отделения косналогов, поскольку она не оправдывается в интересах фиска и развития промышленности. Вероятно, промысловое товарищество строило свои расчеты на возможности выпуска неучтенной соли без акциза в условиях затруднительности или отсутствия надзора, а значит, необходимо аннулировать заключенный договор или сохранить его, но при условии уплаты артелью акциза за 1000 пуд. в обеспечение будущих выпусков соли без налогового надзора. Окрфо просил Приморское горное управление в дальнейшем предварительно согласовывать с ним вопросы по заключению договоров на добычу соли, поскольку это оговаривалось в подписанном между этими организациями 4 октября 1924 г. соглашении (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 21–21об.).

13 января 1927 г. Приморское окружное горное управление ответило Владивостокскому Окрфо, что требование увеличить норму до 1000 пуд. повлекло бы за собой перезаключение договора, а это "лишь оттянет время, которого и без того для более интенсивной выварки остается не так много". Также управление просило Окрфо выдать представителю товарищества "Добыча" книгу для учёта вываренной соли в количестве установленных в договоре 500 пуд., поскольку согласно условиям заключенного соглашения предусматривалось, что в случае превышения минимальной нормы выварки платежи арендатора увеличатся (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 20).

22 сентября 1927 г. согласно заявления от И.П. Ний срок действия договора с Нагорнским солеваренным промыслово-кооперативным товариществом "Добыча" был продлен до 28 декабря 1928 г. на прежних условиях (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 17). В 1928 г. за 5 месяцев (январь–февраль, май–июль) силами 2–6 рабочих было выварено 22,76 т соли (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 28–31, 33–35, 42). В декабре 1928 г. Нагорнское солеваренное товарищество "Добыча" прекратило варку соли, ввиду неблагоприятных погодных условий: во время ледостава после отлива морской воды выпало большое количество осадков (РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 95. Л. 41).

Таким образом, после установления советской власти на Дальнем Востоке проблема зависимости региона от привозной соли сохранила свою актуальность. В условиях затрудненного снабжения солью кустарное солеварение получило новый импульс к своему развитию, в незначительных масштабах восполняя определённый недостаток в этом продукте. Надзор за кустарным солеварением осуществлялся слабо, добыча имела тенденцию к снижению, исследования практиковавшихся кустарями способов добычи соли из морской воды с целью их технологического улучшения показали, что местное солеварение не имеет промышленных перспектив, а снабжение региона солью осуществляли морским путём с юга СССР.

Литература

1. Анерт Э.Э. Богатства недр Дальнего Востока / Э.Э. Анерт. Хабаровск; Владивосток: Книжное дело, 1928. 932 с.
2. Арсентьев А. Выварка соли из озера Тальми // Советское Приморье. 1925. № 3. С. 58–69.
3. Весь Владивосток. Адресно-справочная книга на 1926 г. Владивосток: Книжное дело, 1926. 277 с.
4. Годовой обзор минеральных ресурсов СССР за 1925–26 г. Л.: Издание геологического комитета, 1927. 804 с.
5. Годовой обзор минеральных ресурсов СССР за 1926–27 г. Л.: Издание геологического комитета, 1928. 1095 с.
6. Прихожан Н.В. О возможности соляной промышленности в Южно-Уссурийском крае // Приморье, его природа и хозяйство. Владивосток: Изд-во Владивостокского отделения госкниги, 1923. С. 42–46.
7. Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 6. Промышленность. Хабаровск–Владивосток: Книжное дело, 1927. 259 с.
8. Торгашев Б.П. Горная продукция и ресурсы Дальнего Востока: Китай. Маньчжурия. Русский Дальний Восток. Япония. Корея. Формоза. Индо-Китай. Филиппины. Запасы, современная продукция и рыночные возможности / Б.П. Торгашев. Харбин: типография Китайской восточной железной дороги, 1927. 444 с.

References

1. Anert E.E. Subsoil wealths of the Far East. Khabarovsk; Vladivostok: Book business, 1928. 932 p. (In Russ.).
2. Arsentiev A. Evaporation of salt from lake Talmi // Soviet Primorye, 1925. No. 3. P. 58–69. (In Russ.).
3. All of Vladivostok. Address and reference book for 1926. Vladivostok: Book business, 1926. 277 p. (In Russ.).
4. Annual review of mineral resources of the USSR for 1925–26. Leningrad: Geological committee, 1927. 804 p. (In Russ.).
5. Annual review of mineral resources of the USSR for 1926–27. Leningrad: Geological committee, 1928. 1095 p. (In Russ.).
6. Prikhozhan N.V. On the possibility of salt industry in the South-Ussuri region // Primorye, its nature and economy. Vladivostok: Publishing House of Vladivostok branch of the state book, 1923. P. 42–46. (In Russ.).
7. Productive forces of the Far East. Issue 6. The industry. Khabarovsk; Vladivostok: Book business, 1927. 259 p. (In Russ.).
8. Torgashev B.P. Mining products and resources of the Far East: China. Manchuria. Russian Far East. Japan. Korea. Formosa. Indochinese. Philippines. Stocks, modern products and market opportunities. Harbin: Printing house of the Chinese Eastern Railway, 1927. 444 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ольга Александровна Устюгова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: ustyugova75@mail.ru

Information about the author

Olga A. Ustyugova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: ustyugova75@mail.ru

Поступила в редакцию 14.11.2022

Одобрена после рецензирования 02.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 14.11.2022

Approved 02.05.2023

Accepted 18.05.2023

Самогонкурение в Воронежской губернии в период НЭП

Евгений Андреевич Зверков
Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, ZverkovPhD@yandex.ru

Аннотация. В годы Первой мировой войны царское правительство продемонстрировало значительные успехи в антиалкогольной политике, но революции и Гражданская война свели их на нет. В 1920-е гг. не только употребление алкоголя, но и частное винокурение приобрели значительные масштабы, в том числе в губерниях Центрально-Чернозёмной полосы России. О размахе самогонварения сообщали из Воронежской, Тамбовской, Курской губерний. На основе материалов, выявленных в архивах Воронежской области, прослеживаются причины, тенденции и политика противоборства данному составу правонарушения. Формируется вывод об отсутствии единой методологии ликвидации самогонварения, противоречивом отношении к злоупотреблению алкоголем со стороны самих советско-партийных работников, значительной роли милиции в сдерживании и постепенном сокращении рассматриваемой девиации.

Ключевые слова: НЭП, Воронежская губерния, ВКП(б), милиция, самогонкурение, алкоголизм

Для цитирования: Зверков Е. А. Самогонкурение в Воронежской губернии в период НЭП // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 86–93. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/86-93>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/86-93>

Moonshining in the Voronezh province during the NEP period

Evgeny A. Zverkov
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, e-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

Abstract. During the World War I, the tsarist government demonstrated significant success in anti-alcohol policy. Revolutions and Civil War have brought them to nothing. In the 1920s, not only alcohol consumption, but also private distilling acquired significant proportions, including in the provinces of the Central Chernozem strip of Russia. The scope of moonshine brewing was reported from the Voronezh, Tambov, Kursk provinces. Based on the materials identified in the archives of the Voronezh region, the paper traces the causes, trends and policies of confrontation with this offense. The conclusion is formed about the absence of a unified methodology for the elimination of moonshine, the contradictory attitude to alcohol abuse on the part of the Soviet party workers themselves, the significant role of the police in restraining and gradually reducing the deviation under consideration.

Key words: NEP, Voronezh province, VKP(b), police, moonshining, alcoholism

For citation: Zverkov M. V. Moonshining in the Voronezh province during the NEP period // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 86–93. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/86-93>

Годы войн и революций подвергли российское общество жестоким испытаниям и привели к серьёзным психопатологиям и девиациям. Вошли в обыденность убийства, хулиганство, апатия и аномия граждан. Одной из распространённых форм проявления негативных социальных деформаций можно считать распространение злоупотребления алкоголем и самогонварение.

Проблема злоупотребления алкоголем и его домашнего производства неоднократно рассматривалась в историографии. Например, Л.А. Крушанова рассмотрела особенности правового регулирования незаконного производства алкоголя в Советской России. В частности, она отмечает, что уже в мае 1918 г. ВЦИК и СНК приняли декрет "О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими", объявлявший самогонщиков врагами народа и грозивший им 10-летним лишением свободы [6, с. 111]. Впрочем, нам неизвестно ни единого случая реального применения подобных наказаний на территории Центрального Черноземья. Л.Ю. Комплеева исследовала вопрос государственной политики в сфере оборота алкоголя, методику противодействия частному винокурению. Автор приходит к выводу о двойственности и непоследовательности государственных мер на данном направлении [5]. С.В. Лёвин считал причинами низкой эффективности ликвидации самогонварения потворство самогонщикам со стороны местных властей. Однако, на наш взгляд, автор несколько преувеличивает содействие самогонщикам со стороны милиции – вряд ли единичный пример позволяет говорить о системности [5, с. 20]. Также проблемам самогонварения в эпоху НЭП посвящали свои труды С.Е. Панин [10], С.А. Павлюченков [9], И. Такала [14], стремясь выяснить реальное место самогонварения в общественной жизни и причины его производства.

Источниковую базу работы составила документация Воронежского губкома и переписка милиции с органами публичного управления. В силу закрытого характера всей представленной в ней информации, она не предназначалась для политико-пропагандистских целей, содержа информация, приближенную к реальности. Поэтому, на наш взгляд, сохранившиеся архивные источники, особенно аналитического характера, вполне могут использоваться в рамках данного исследования с целью получения фактических данных о рассматриваемой проблеме.

И алкоголизм, в том или ином его проявлении, и самогонокурение в наибольшей степени проявляли себя под влиянием двух переменных: неустойчивости административного аппарата и экономической нестабильности. Проблема самогонокурения носила повсеместный характер и привлекла внимание самого Ленина [7].

Это, в частности, подтверждается состоянием и Тамбовской губернии в 1921–1922 гг., поражённой и политическим, и экономическим, и правовым кризисом. В данном случае массовое потребление алкоголя было частью общей социально-психологической деградации и негативных криминогенных тенденций. Процветало не только самогонокурение, но и преступления против личности, слияние части местных властей губернии с преступностью [2]. А.М. Большаков, командированный из Москвы для инспекции Шацкого уезда, в январе 1920 г. описывал винокурный завод при ст. Нижне-Мальцево как "гнездо алкоголиков, болото, которое засасывало многих советских сотрудников".

Поддержание должностной дисциплины государственных служащих представляло собой исключительно сложную задачу, учитывая волны голода и поступательное обнищание населения. Воронежский Губернский отдел управления, анализируя работу в деревне летом 1920 г., сообщал о грубости обращения с гражданами, пьянстве советских служащих, растратах, взятках и бездеятельности (ГАВО). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 9. Л. 95)¹. Американский историк П. Соломон отмечает, что для периода НЭП в целом были характерны такие хозяйственные преступления, как изготовление и сбыт самогона [13, с. 27].

Значит ли это, что проблемы возникли исключительно вследствие событий 1914–1920 гг.? Очевидно, такая постановка вопроса не будет отражать всей сложности проблемы. Моральный облик деревни вызвал определённые вопросы задолго до революции. Ещё в 1912 г. благочинный I округа Валуйского уезда протоиерей И. Сахаров писал: "пьянство и хулиганство – два страшных явления, от которых стоном стонет наша деревня" [3, с. 142]. Не только взрослые, но даже и дети прикладывались к бутылке – особенно, во время церковных праздников. Уже тогда Церкви приходилось прикладывать немалые усилия для сдерживания социального недуга [3, с. 142]. Длительное психологическое давление военно-революционной эпохи обусловило потребность людей находить выход в выплеске негативных эмоций – в том числе через алкоголь. Впрочем, подпольное производство алкоголя имело под собой и вполне прагматический аспект, связанный с проблемами экономического развития страны.

На почве паралича товарообмена между городом и деревней в 1922–1925 гг. самогонокурение стало распространяться в сёлах Черноземья как альтернатива утерявшему свою привлекательность отходничеству, а равно в силу искусственно заниженных цен на хлеб, что приводило к обеднению значительной доли крестьянских хозяйств. Проблемы такого рода встречались в том числе и в Курской губернии [12, с. 77]. В Тамбовской на фоне чудовищной бедности в 1923 г. возобновилось употребление в пищу суррогатов [12, с. 263].

На протяжении 1920-х гг. в России неуклонно возрастала доля преступников, осуждённых за деяния, совершённые в состоянии алкогольного опьянения: 3,6% в 1923 г., 4,2 в 1924-м, 7,9 в 1925-м, 17,9 в 1926-м, 23,9 в 1927-м, 27,3 в 1928-м [11, с. 94]. Легализация продажи сорокоградусной не могла в полной мере побороть производство суррогатного алкоголя вследствие слабого развития государственной торговли в деревне. Более того, к

¹ ГАВО – Государственный архив Воронежской области

середине десятилетия сложилась обратная ситуация – предприимчивая сельская буржуазия смогла наладить своеобразный экспорт самогона в города. С.Е. Панин, опираясь на свидетельства эпохи, подчёркивает, что у алкоголизма 1920-х годов была особая специфика, связанная с невероятными переживаниями кризисной эпохи, значительным количеством инвалидов, в том числе с расстроенной нервной системой, неустойчивой продовольственной и эпидемиологической обстановкой [11, с. 97].

В начале 1920-х годов алкоголизм представлял собой обыденность общественной жизни, став повседневной формой досуга как для простых граждан, так и для государственных служащих. Голод и нарушение товарообмена привели к небывалой популярности алкогольных суррогатов – самогона и хлебного вина, служивших не только своеобразным антидепрессантом, но и популярной валютой. Самогоноварение усилилось на фоне голода 1922 г. В числе его потребителей неоднократно отмечались продовольственные работники в Острогожском и Задонском уездах, в Калаче. В октябре 1922 г. в Воронежском губкоме развернулись ожесточённые прения по поводу пьянства советских работников. Удивительно, но большинство ораторов выступили в защиту пьющих товарищей. Некий Коллодий заявил: "если мы будем говорить откровенно, то придется сознаться, что 95% из нас выпивают", и весь вопрос, по мнению партаппаратчика, в том, чтобы не попадаться пьяным на публике (ГАОПИ ВО)² Ф. 1. Оп. 1. Д. 445. Л. 87). Ему, используя неординарные доводы, вторил некто Каменский: "Что такое пьянство. Пьянство – это дело понятное. Настолько ли выпил товарищ, выпил, чтобы это дело отразилось на рабочем классе – тут для нас этика. Что такое этика. Когда мы расстреливали, мы не боялись этики. Наша этика для развития социальной революции. Если нужно для развития социальной революции всем перепиться в один день – этика. В условиях НЭП наша этика должна быть в том, чтобы мы не отрывались от рабочего класса" (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 445. Л. 119). Споривший с ними Бахметьев, очевидно, опасался чрезмерной близости к рабочему классу и подчеркнул, что в Калачеевской организации "за короткий промежуток времени было выпито 5 ведер спирта" (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 445. Л. 125). Губком партии признавал повальное пьянство в партийных организациях, но предпочитал действовать кулуарно, не вынося сора из избы, в большинстве случаев ограничиваясь переводом пьянствующего работника в другую местность.

Самогонокурение носило волнообразный характер, приобретая особые масштабы осенью – после уборки хлеба, служившего главным ингредиентом суррогатного алкоголя. По данным внутренних проверок, ряд членов партии покрывали самогоноварение и даже сами его производили. Кадровые перестановки, предупреждения и исключения из партии могли дать самый незначительный эффект. Пьянство и взятки фиксировались губкомом и Контрольной комиссией среди низовых сельских работников в ходе проверок в 1925 г. В рамках кампании по пресечению хулиганства и бытового алкоголизма Воронежский губисполком 22 июня принял постановление о мерах борьбы с пьянством, запрещавшее появление пьяным в общественных местах и распитие самогона или денатурата. За нарушение мог налагаться штраф в размере до 25 рублей или 7-ми дней принудительных работ. Ужесточался порядок оборота алкоголя – столовые и рестораны могли отпускать вино только с разрешения Административного отдела или уездной милиции и только лицам старше 16 лет. Запрещалось допускать в кафе, столовые и рестораны лиц в состоянии алкогольного опьянения. Штраф за нарушение порядка продажи торговли составлял до 100 рублей. Постановлением от 18 декабря за появление в общественном месте в нетрезвом виде грозило до двух недель принудительных работ (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1237. ЛЛ. 50, 171).

В 1922 г. Воронежским губисполкомом была инициирована проверка государственных служащих в Павловском уезде, подозреваемых в употреблении самогона и разврате (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 8). По оценкам властей Бобровского уезда, за 1922 г. крестьяне уезда в непростых продовольственных условиях перевели на самогон около 2700 пудов хлеба, т.е. пример-

² ГАОПИ ВО – Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области

но 43 тонны! На каждого самогонщика в среднем приходилось до пяти пудов зерновых. Самогон варили не только на основе хлеба, но и фруктов. Их в том же уезде и в том же году было потрачено до 5000 пудов. В среднем для производства одного ведра алкогольного суррогата требовалось около 30 кг. хлеба. Фруктов на тот же объём алкоголя приходилось использовать в два-три раза больше (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 13. Л. 6).

Власти Павловского уезда отмечали, что на вверенной им территории самогонокурение появилось ещё в 1914 г., во время введения сухого закона. С другой стороны, тогда самогонокурение не имело в губернии массового характера. Более того – потребление алкоголя резко сократилось и даже повлияло на укрепление крестьянского хозяйства [4, с. 240]. Основным продуктом для изготовления самогона, как и в других местностях, служила рожь. В голодном 1921-м году в качестве основы для браги шёл картофель, буряк, мел, грушевая лажа, кислое молоко. За 1922 г. власти уезда изъяли 50 вёдер самогона и 1000 вёдер закваски (браги). По их оценкам, за декабрь 1922 – 1 декабря 1923 гг. в уезде были выработаны около 6 000 вёдер самогона, на производство которого ушло около 12 000 пудов зерновых – т.е. порядка 200 тонн хлеба. Основным производителем оставались бедняки. Реже – совслужащие или кулаки (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 13. Л. 8). Самогонование, с учётом сложностей в экономике, было исключительно выгодным занятием: в то время как пуд ржи после уборки урожая стоил 20 копеек золотом, ведро самогона – 60 копеек. На "рыночные котировки" самогона влияла и активность милиционеров по борьбе с самогонщиками – чем больших успехов добивалась милиция, тем меньше его становилось и тем дороже его сбывали оставшиеся на плаву "предприниматели". В сельской местности цена самогона превышала его себестоимость примерно в три раза, а в городе – в 4-5 раз. Несмотря на видимые успехи в борьбе с этим явлением, полностью искоренить самогонование не удавалось.

В Воронежском уезде ежедневно приходилось до 20 вёдер самогона на каждую волость – т.е. до 540 вёдер на уезд, на что уходило до 13 тысяч пудов зерна! За 1922 г. в уезде были учтены 907 фактов самогонования, львиная часть которых пришлись на весенне-осенний период (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. ЛЛ. 11, 11об.). В удалённом от Воронежа Новохопёрском уезде за тот же период было сварено приблизительно 3,5 тысячи вёдер. Рыночная цена самогона в уезде примерно в полтора раза превышала его себестоимость. Так же, как и в некоторых уездах, основным "производителем" выступали бедняки. Отличием было значительное влияние на бедняцкое "производство" кулаков – они выступали в качестве организаторов самогонования и поставщиков зерна, а бедняки – как фактические исполнители. Милиция уезда дополнительно стимулировала на борьбу с самогонованием путём получения части штрафа, взысканного с нарушителя (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 12). Как показывает официальная документация, подобное премирование – кстати, приносящее результаты, использовалось лишь в отдельных уездах. Кроме того, милиции удалось добиться значительных успехов в Калачеевском уезде – в недавнем времени страдавшим от наплыва бандитских формирований. До начала кампаний по борьбе с суррогатами в одной только Красно-Загорянской волости ежедневно выгонялось до 10 вёдер самогона в день. Некоторые самогонщики работали вполне профессионально, используя и современные самогонные аппараты, и холодильники (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 77).

В Воронеже самогонокурение осуществлялось на окраинах города – там, где жила городская беднота, а также лица "свободных профессий, находящихся без дела". Были и сравнительно состоятельные "предприниматели", "доводящие свои "предприятия" до совершенства" с высоким качеством самогона. Появились и кустари, специализирующиеся на изготовлении всего необходимого для самогонокурения (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 27). Потребителями по большей части были представители бедноты и безработные. Рыночная цена самогона в губернском городе в пять раз превышала его себестоимость! Как и в Новохопёрске, воронежские милиционеры получали премиальные отчисления за поимку самогонщиков (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 27об.).

В 1924 г. самогонокурение имело хождение во всех без исключения уездах Воронежской губернии. Гнали и на продажу, и на "всевозможные надобно-

сти": на свадьбу, крестины, могарычи и т.п. Устройство самогонных аппаратов разнилось – от самых простых, из железа, до хорошо сконструированных, при преобладании первых, конечно же (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 13. Л. 5об.). В мае 1924 г. Особое отделение 19-й стрелковой дивизии рапортовало в Воронежский губотдел ОГПУ о насыщенности самогонными аппаратами Усманского уезда. Якобы этому потворствовали должностные лица местных органов, пьянствуя совместно с самогонщиками (ГАВО. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 12. Л. 6).

Государство испытывало определённые сомнения в практике привлечения самогонщиков к ответственности, придерживаясь принципа дифференцированного подхода по отношению к бедным и зажиточным крестьянам. В то время как первые отделялись штрафами, вторых отдавали под суд.

Употребление алкоголя имело прочные традиции – в виде "могарычей" к сделкам, продаже или покупке скота, по случаю свадьбы или крестин. При этом было несправедливо утверждать, будто бы его употребление носило массовый или повсеместный характер – документы органов власти, обычно достаточно детально описывающие те или иные девиации, ничего не говорят ни о распространении пьяной преступности, ни о иных вызывающих проблемах. Очевидно, алкоголь служил удобным средством бартерной торговли в условиях крупных экономических проблем. Власти, впрочем, интересовала не столько проблема искоренения употребления алкоголя, сколько изжитие самогонкурения по экономическим соображениям: в то время как доходы от продажи водки пополняли государственный бюджет, выручка от суррогата уходила вне государственных нужд.

Борьба с производством алкогольного суррогата повсеместно велась совместными усилиями милиции, волисполкомов, местных коммунистов.

Появление "русской горькой" повлияло на упадок самогонварения, хотя взыскания за самогонку в 1925 г. получили 7790 человек. Одновременно участились пьянство и хулиганство, мелкие кражи (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 2об.). Противодействие партийному пьянству сохраняло половинчатый характер, вызванный закрытым характером партийной жизни и недопустимостью огласки негативных фактов. Один партийный работник в 1926 г. объяснил частое употребление алкоголя следующим образом: "Зайдешь к кому-нибудь, а там пьют и приглашают тоже пить, если отказаться, то могут обидеться и сказать – зазнался, а это будет отрыв от масс" (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1521. Л. 76). Факты алкоголизма со стороны партийных работников вызывали раздражение и озлобление населения, вопрошавшего, на чьи деньги происходят гуляния.

Для государства алкоголь представлял двоякую проблему – массовое потребление грозило общественной морали и безопасности, но составляло важную статью государственных доходов. В 1926 г. в Воронежской губернии в продажу ежедневно поступало до 900 вёдер алкоголя (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 3). Но это была не только воронежская проблема. За 1926-1927 гг. Центроспирт в целом продал 1988140 вёдер водки (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 55об.).

В условиях откровенно негативных тенденций милиция получила возможность ускоренного административного судопроизводства в отношении пьяниц – штраф и направление на принудительные работы оформляли прямо в отделении. Начальник Адмотдела Воронежа Плаксин предложил сочетать нажим на пьяниц с показательными процессами над "шинкарями" (ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1575. Л. 4). Воронежские власти не выработали последовательной политики в отношении борьбы за трезвость – к 1928 г. рабочие районы Воронежа оказались насыщены винными и пивными заведениями – рассадниками пьянства, драк и хулиганства. Особенно много алкоголя потреблялось в дни базаров и получения зарплат на предприятиях: по оценкам милиции – два-три раза больше обычного (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 126. Л. 55). В базарные дни кампанию рабочим составляли крестьяне. Попытка профилактики алкоголизма среди рабочих путём написания о них в стенгазетах могла дать и противоположный эффект – корреспондентов стали бить герои их статей [1].

Особое внимание ответственных должностных лиц губернии (с 1928 г. – области) привлекали пьяные выходы советско-партийных работников, дискредитировавшие всю систему власти. В 1928 г. в Воронеже разразился

скандал по поводу члена партии Филиппова, работавшего в Фатежском районе Курского округа и часто попадавшего местным жителям валяющимся пьяным прямо на улице. Он прибыл пьяным даже на собранный комиссией актив (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 144. Л. 10). Так совпало, что спустя некоторое время в районе после неоднократных угроз был убит председатель сельсовета Косилов. Последовавшие в район проверки выявили пьянство и растраты в партийной организации. Запойным алкоголиком оказался секретарь Миленской ячейки, существовавшей лишь на бумаге. Партийная комиссия исключила из городской ячейки по отрицательным мотивам 6 человек из 42: за "пьянство до безобразия", злоупотребления служебным положением, растраты, склоки (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 144. Л. 35).

События в Фатеже совпали с новой волной кампании по борьбе с самогонурением, начавшейся осенью 1928 г. За октябрь-январь были привлечены к административной ответственности 4641 человек, более 200 – к уголовной. Милиция изъяла 1423 самогонных аппарата, уничтожила почти 11 тысяч литров алкогольного суррогата (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 508. ЛЛ. 54, 57).

Алкоголизм партийных работников приобрёл малопривлекательные формы во время ответного террора в деревне, который некоторые члены партии стали использовать в качестве прикрытия для собственных проступков. К примеру, в июне 1929 г. член комиссии по хлебозаготовкам Куровщинского сельсовета Фролов оговорил своего односельчанина, якобы стрелявшего в него из ружья на политической почве. Милиция установила, что в день ранения Фролов пил водку и совершил самострел. За клевету привлечён к ответственности по статьям 113 ("дискредитирование власти") и 182 ("хранение огнестрельного оружия без разрешения") УК РСФСР (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 507. Л. 82). 9 июня 1929 г. дважды судимый за хулиганство член комиссии по хлебозаготовкам Е. Чемодуров, будучи пьян, обстрелял подводы с лесом, заявив, что на него якобы было покушение (ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 507. Л. 47). В этой связи необходимо отметить отнюдь не стереотипный следственный подход органов милиции и ОГПУ, стремившихся к объективному расследованию и исключению передачи в суд дел, основанных на наговорах или симуляции.

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить исключительную взаимосвязь экономических, психологических и административно-политических факторов, повлиявших и на производство, и на употребление суррогатного алкоголя. Размытая этика профессионального поведения служащих местного звена выступала в качестве дополнительного провоцирующего фактора. Снижение производства и потребления алкоголя было возможно в сочетании мер административного и уголовного преследования, стабилизации экономического положения и создании условий для возврата к привычному ритму жизни и работы.

Литература

1. Алекс. Гр. // Коммуна. 1929. № 48 (2878). 28 фев. С. 5.
2. Доклад следователя губчека Свешникова в президиум губчека о поездке в Кирсановский уезд и о борьбе с дезертирством, бандитизмом и самогонварением // "Антоновщина". Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 100.
3. Иконников С.А. Пастыри Церкви. Служение и материальное обеспечение приходского духовенства центрально-чернозёмных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века). Воронеж: Научная книга, 2019. 690 с.
4. Карпачёв М.Д. Воронежская деревня накануне революции 1917 года: промежуточные результаты аграрного реформирования // Северо-запад в аграрной истории России. 2020. № 26. С. 226-242.
5. Комплеева Л.Ю. Культура потребления алкоголя в Средневолжской деревне в период НЭПа // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 722–724.
6. Крушанова Л.А. Историко-правовой аспект становления антиалкогольного регулирования в СССР: от идеи до законодательства // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 8 (189). С. 108-118.

7. Ленин В. И. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1970. Т. 45. С. 120.
8. Лёвин С.В. "Без моего ведома самогону боле не варить": Борьба с самогонварением в годы Гражданской войны в провинции (на примере Балашовского уезда Саратовской губернии) // Центр и периферия. 2022. № 3. С. 17–21.
9. Павлюченков С.А. Веселие Руси: революция и самогон // Революция и человек. 1997. С. 124–142.
10. Панин С.Е. Государство и самогон: российский опыт 1920-х. // Актуальные вопросы политики и права. 2003. Вып. 6. С. 103–112.
11. Панин С.Е. "Пьяная преступность" в России в 1920-е годы // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 92-102.
12. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД : документы и матери-алы: в 4 т. / Т. 2. : 1923-1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Москва: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
13. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. Л. Макси-менкова. Москва: РОССПЭН, 2008. 464 с.
14. Такала И. "Веселье Руси": из истории алкогольной проблемы в России (1900-1930 годы) // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920-1930-е гг. С. 244–298.

References

1. Alex. Gr. // Commune. 1929. No. 48 (2878). 28 Feb. P. 5. (In Russ.).
2. Report of investigator gubchek Sveshnikov to the presidium of gubchek on a trip to Kirsanovsky uyezd and on the fight against desertion, banditry and moonshine // "Antonovschina". Peasant uprising in the Tambov region in 1920-1921: documents, materials, memoirs. Tambov, 2007. P. 100. (In Russ.).
3. Ikonnikov S.A. Pastors of the Church. Ministry and material support of the parish clergy of the central chernozem provinces of Russia (the second half of the XIX – early XX century). Voronezh: Scientific Book, 2019. P. 690. (In Russ.).
4. Karpachev M.D. Voronezh village on the eve of the revolution of 1917: interim results of agrarian reform // The North-West in the agrarian history of Russia. 2020. No. 26. P. 226–242. (In Russ.).
5. Kompleeva L.Yu. The culture of alcohol consumption in the Middle Volga village during the NEP period // Izvestiya of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. Series: Humanities. 2012. No. 27. P. 722–724. (In Russ.).
6. Krushanova L.A. Historical and legal aspect of the formation of anti-alcohol regulation in the USSR: from the idea to legislation // Lex Russica (Russian Law). 2022. Vol. 75. No. 8 (189). PP. 108-118. (In Russ.).
7. Lenin V.I. The final word on the political report of the Central Committee of the RCP (b) on March 28 // Lenin V. I. Complete works: in 55 vol. M., 1970. Vol. 45. P. 120. (In Russ.).
8. Lyovin S.V. "No more moonshine to cook without my knowledge": The fight against moonshine brewing during the Civil War in the province (on the example of Balashovsky district of Saratov province) // Center and Periphery. 2022. No. 3. P. 17–21. (In Russ.).
9. Pavlyuchenkov S.A. Joy of Russia: Revolution and moonshine // Revolution and man. 1997. P. 124–142. (In Russ.).
10. Panin S.E. The State and moonshine: the Russian Experience of the 1920s. // Current issues of politics and law. 2003. Issue. 6. PP. 103–112. (In Russ.).
11. Panin S.E. "Drunken crime" in Russia in the 1920s // Sociological Journal. 2002. No. 4. P. 92–102. (In Russ.).
12. The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD : documents and materials: in 4 vols. / Vol. 2. : 1923–1929 / edited by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN, 2000. P. 1168. (In Russ.).
13. Solomon P. Soviet Justice under Stalin / translated from English by L. Maksimenkova. Moscow: ROSSPEN, 2008. P. 464. (In Russ.).
14. Takala I. "The Fun of Russia": from the history of the alcohol problem in Russia (1900-1930) // Norms and values of everyday life. The formation of the socialist way of life in Russia, 1920–1930-ies. P. 244-298. (In Russ.).

Информация об авторе

Евгений Андреевич Зверков, канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин Воронежского института МВД России, Воронеж, Россия, e-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

Information about the author

Evgeny A. Zverkov, Evgeny A. Zverkov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Socio-humanitarian, Economic and Law Disciplines, Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Voronezh, Russia, e-mail: ZverkovPhD@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2023

Received 06.03.2023

Одобрена после рецензирования 03.05.2023

Approved 03.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Accepted 18.05.2023

Историография темы русского зарубежья (на основе публикаций в журналах "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования" и "Известия Восточного института"). Часть 1

Вадим Николаевич Караман
Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева,
Владивосток, Россия, bibl-pgom@mail.ru

Аннотация. В статье даётся краткая историография темы русского зарубежья на страницах журналов "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования" и "Известия Восточного института". Выделены основные направления исследований по теме в рамках этих изданий. Даётся их обзор и краткая характеристика в целом. Приводится статистика по аспектам темы и географическому охвату. Обращается внимание на дефицит архивных источников по тематике русского зарубежья.

Ключевые слова: *русское зарубежье, архивы, научные журналы, eLIBRARY.RU, "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования", "Известия Восточного института"*

Для цитирования: Караман В. Н. Историография темы русского зарубежья (на основе публикаций в журналах "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования" и "Известия Восточного института"). Часть 1 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 94–106. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/94-106>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/94-106>

Historiography of the theme of Russian abroad (Based on publications in the magazines "Russia and the Asia-Pacific region", "Ojkumena. Regional researches" and "Oriental Institute Journal"). Part 1

Vadim N. Karaman
Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, Vladivostok, Russia, bibl-pgom@mail.ru

Abstract. The article gives a brief historiography of the topic of the Russian diaspora on the pages of the magazines: "Russia and the Asia-Pacific Region", "Ojkumena. Regional researches" and "Proceedings of the Oriental Institute". The main directions of research on the topic within the framework of these publications are highlighted. Their review and a brief description as a whole are given. Statistics are provided on aspects of the topic and geographical coverage. Attention is drawn to the lack of archival sources on the subject of the Russian diaspora.

Key words: *Russian abroad, archives, scientific journals, eLIBRARY.RU, "Russia and the Asia-Pacific Region", "Ojkumena. Regional Researches", "Oriental Institute Journal"*

For citation: Karaman V. N. Historiography of the theme of Russian abroad (Based on publications in the magazines "Russia and the Asia-Pacific region", "Ojkumena. Regional researches" and "Oriental Institute Journal"). Part 1 // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 94–106. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/94-106>

Исследование русского зарубежья ведётся научным сообществом с разной интенсивностью, но всё-таки достаточно регулярно. В данной работе мы проанализируем труды авторов, так или иначе затрагивающих эту тему. Кроме научных статей в обзор войдут рецензии, сообщения, круглые столы и аналогичные работы. Однако всё же, чтобы не перегружать работу, статьи, которые лишь частично затрагивают нашу тематику (главным образом это работы по истории международных отношений и сообщения, только информирующие о наличии работ, проходивших форумах или круглых столах по русскому зарубежью) будут оставлены за рамками нашего исследования. Сразу же оговоримся, что под русским зарубежьем, как и принято в работах по эмиграции, мы будем понимать не строго этническую группу – русский этнос, а все этнические группы, эмигрировавшие из Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Так же уточним, что речь будет идти не только собственно об эмигрантах, а о более широком пласте: русском зарубежье в целом (перемещённые лица, временно проживающие и т.д.).

За основу отбора будет взята география научных публикаций – то, как история русского зарубежья исследуется на страницах дальневосточных научных изданий.

Мы обратились к социогуманитарным журналам Дальнего Востока: "Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке"; "Россия и АТР"; "Ойкумена. Регионоведческие исследования"; "Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН"; "Известия Восточного института"; "Регионалистика"; "Власть и управление на Востоке России";

"Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра"; "Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета". В названных журналах с помощью поисковой системы электронной научной библиотеки eLIBRARY.RU было выявлено 172 публикации по теме русского зарубежья (эмиграции). Поскольку рамки статьи не позволяют охватить весь этот массив, ограничимся тремя ведущими научными журналами Дальнего Востока, на страницах которых тематика русского зарубежья представлена наиболее полно. На эти три журнала приходится 49% от общего массива публикаций. Оставшиеся за рамками исследования издания могут быть рассмотрены в следующей работе по историографии русского зарубежья.

Методологической основой данной работы являются методы содержательно-типологического и количественного анализа, необходимые при изучении историографии вопроса.

Поскольку включить в анализ весь массив данных и использовать полный набор критериев анализа не представляется возможным, то за основу анализа будет взят, во-первых, количественный показатель представленности различных аспектов темы в общем корпусе публикаций. Данное деление по аспектам, конечно, несколько условно. Но такой подход позволит вычлениить, какие вопросы освещены наиболее полно, какие только вскользь, а какие остались вне внимания исследователей.

Распределив имеющиеся работы¹ по аспектам темы, мы получили следующую картину основных областей исследований:

- Адаптация эмиграции (17,86%)
- Культура русского зарубежья (17,86%)
- Субэтнические, религиозные, и другие группы русского зарубежья (14,29%)
- Персоналии русского зарубежья (15,48%)
- Пресса русского зарубежья (11,9%)
- Политические партии и союзы русского зарубежья (8,33%)
- Роль и место эмиграции в политических событиях в мире, как локальных, затрагивающих регион их пребывания, так и общемировых (5,95%)
- Историография темы русского зарубежья (8,33%)

Во-вторых – географический признак. Здесь несколько иная картина, так как, говоря о политических партиях или роли эмиграции в политических событиях, не всегда можно выделить отдельную страну или регион. Авторы описывают эмигрантов по их вовлеченности в те или иные политические процессы, а они не всегда локализованы географически. Тем не менее исследования китайского направления русской эмиграции явно преобладают (см. табл. 1). Кроме того, обращает на себя внимание то, что работы в основном концентрируются на странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Это объяснимо, так как взятые нами журналы издаются дальневосточниками. Но если издания "Россия и АТР" и "Известия Восточного института" тематически привязаны к этим регионам, то "Ойкумена. Регионоведческие исследования" вполне может расширить географию исследований на своих страницах.

¹ Здесь следует сказать, что возможности, в частности, электронной научной библиотеки eLIBRARY.RU позволяют оперативно вычлениить научные работы по заявленной тематике. Казалось бы, вполне очевидная вещь, однако отметим, что такие метаданные как "аннотация" и "ключевые слова" (а именно они определяют возможности поиска) многими авторами воспринимаются как "дежурные" и "обременительные" и не всегда полно отражают суть статьи. Особенно это характерно для ранних выпусков рассматриваемых журналов. Это же касается и электронных версий изданий. Состояние библиотечного фонда таково, что многие издания, особенно журналы за ранние годы (до массовой цифровизации их печатных версий), становятся библиографической редкостью, что может быть хорошо для коллекционеров, но крайне неудобно для исследователей. Поэтому работникам редакций следует обратить особое внимание на оцифровку своих изданий. Одновременно отметим, что eLIBRARY.RU, как и другие подобные ресурсы на сегодняшний день находятся всё ещё в состоянии "гадного утёнка" и не дают всей необходимой информации. Мало того, не устранённые ошибки системы eLIBRARY.RU (в частности, журнал "Известия Восточного института" значится как два журнала под разными названиями) очень мешают поиску. Доступность текстов условна, а часть работ в электронном виде просто отсутствует. Мифологема "в интернете всё есть" до сих пор отрицательно влияет даже на очень "продвинутых" пользователей.

И в-третьих, это параметры, определяющие частоту и интенсивность использования архивных источников. Данные об этом для удобства восприятия будут сведены в таблицу (см. табл. 2)².

Задачей данной статьи будет проследить общую тенденцию и направленность исследований по истории русского зарубежья в рамках указанных изданий.

В целях экономии объёма заголовки рассматриваемых статей будут даваться в сокращении, т.к. их полные варианты приведены в списке литературы.

Адаптация эмиграции в новых условиях и вопросы с ней связанные

Общие вопросы адаптации. Е.Е. Аурилине в работе "Особенности адаптации ..." показывает историю российских эмигрантских колоний, расположенных в разных частях Китая: Маньчжурии, Шанхае и северном Китае – как наиболее заселённых эмигрантами, выделив особенности, определявшиеся как конкретными политическими, экономическими и культурными условиями этих регионов, так и некоторыми внутренними факторами, такими как количество беженцев и компактность их расселения [6].

И.Н. Золотухин в "Некоторых аспектах ..." обратился к современному (на момент написания статьи) состоянию выходцев из Российской Федерации в Таиланде. В данной статье речь идёт в основном не об эмигрантах, а о русской диаспоре в целом. Пребывание в Таиланде рассматривается в рамках адаптации выходцев из РФ не просто в новой для них стране, а в совершенно отличном от России мире, который они выбрали по различным, но в большинстве экономическим причинам [12, с. 83]. Автор приводит статистические данные о росте русскоговорящих и, соответственно, причинах их присутствия в Паттайи, высказав предположение, что "при сохранении тенденции увеличения русскоязычного контингента, Паттайя может стать в перспективе самым "русским городом" во всей Юго-Восточной Азии, а русское население создать многочисленную диаспору" [12, с. 87].

Адаптацию к новым условиям жизни российских беженцев (в частности, частей Земской Рати и Сибирской флотилии) после их исхода из Владивостока в 1922 г. из Владивостока в Корею (1922–1923 гг.) рассматривает И.К. Капран. Автор, включая в научный оборот документы ГАРФ³ и Музея русской культуры г. Сан-Франциско, реконструировала условия жизни на территории Китая и Кореи беженцев после Гражданской войны в России. Особое внимание уделяется повседневной жизни, со всеми необходимыми условиями для существования: питание, одежда, жильё и т.д. В этом плане рассматривается создание и деятельность Управления по делам беженцев во главе с генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом. Так же рассматривается работа командующего Дальневосточной казачьей группой генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова и главноуполномоченного по делам беженцев в Гензане (Корея) генерал-майора Д.А. Лебедева как главных организаторов обеспечения условий жизни, внутреннего порядка с сохранением дисциплины среди личного состава бывших чинов Земской Рати и гражданских лиц [13].

"Некоторые вопросы адаптации ..." И.В. Ставрова посвящены адаптации в начале XX в. русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае. Работа построена на материалах ГАХК⁴. Акцент делается на культурно-просветительской роли русских эмигрантов и на проблемах их адаптации к инокультурной среде. Автор приходит к выводу, что российская диаспора в целом оказалась не восприимчивой к китайской культуре [34].

А.А. Хисамудинов в работе "Русские в Америке ..." включил в оборот кроме документов "Архива Музея русской культуры, коллекция Русского исторического общества" и личные интервью с представителями русского зарубежья (автор географически выделил тихоокеанское побережье США). Кроме общей характеристики социальной структуры русской диаспоры им рассмо-

² В данной таблице градация по аспектам и географическому принципу не приводится как избыточная.

³ ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

⁴ ГАХК – Государственный архив Хабаровского края.

трен психологический аспект дилеммы между ассимиляцией и консервацией эмигрантов [37].

П.Э. Подалко – "Русская колония в Кобе...". Эта статья касается исследования вопросов, истории русско-японских отношений в XIX–XX веках. Автор сконцентрировался на истории российской общины в Кобе (Япония), так же включив краткую историю иностранного урегулирования в Кобе, в конце 1860-х годов. П.Э. Подалко исследует феномен российской послереволюционной эмиграции в Японию и общие различия между восточной и западной эмиграциями россиян. Особое внимание уделяется исследованию, основанному на полевой работе автора на иностранном кладбище в Кобе и особенно на её российских могилах. Кроме того, в статью включены несколько портретов известных русских торговцев, бывших дипломатов, интеллектуалов и др., которые жили в Кобе как эмигранты после революции [24].

Политико-правовые и организационные вопросы. Политико-правовой статус российских эмигрантов в Маньчжурии за период с 1918 по 1945 год рассматривается А.А. Бакулиной, где основное место отводится анализу его эволюции и выявлению причин вкупе с факторами, которые обусловили изменения в государственном регулировании положения россиян в регионе. Также автор даёт характеристику социально-сословному составу эмигрантов и их позиции по отношению к изменениям, касавшимся их статуса [7].

Е.В. Дроботушенко и Ю.Н. Ланцова исследовали деятельность Комитета защиты прав и русских интересов в Шанхае в середине третьего десятилетия XX в. С применением общенаучных сравнительноисторических методов исследования [11, с. 145]⁵ ими была предпринята попытка воссоздания истории Комитета защиты прав и русских интересов в Шанхае. Статья основана на документах фондов ГАРФ, в частности, использовано дело "Сведения о русских эмигрантских союзах и обществах в Китае. Справки о членах правления казачьего союза в Шанхае". Авторы акцентировали внимание на начале деятельности комитета. В итоге ими был сделан вывод, что Комитет защиты прав и русских интересов в Шанхае в середине 30-х годов XX в. действовал достаточно активно, несмотря на постоянные трудности, типичными для подобных комитетов плохое финансовое положение и острые внутренние противоречия среди его членов [11].

Автор статьи "Политико-правовые нормы ..." Н.В. Куликова рассказывает о том, как были разработаны политические и юридические стандарты жизни русских на территории Маньчжурии в связи с тем, что "со строительством железной дороги на территории Маньчжурии постепенно начала формироваться российская диаспора...", а "... рост её численности привёл к необходимости урегулирования политико-правового положения россиян" [14, с. 74].

С.И. Лазарева⁶ в работе "Организация Благотворительного отдела БРЭМ ...". Фонд Р-830, ГАХК – "Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии" – один из самых востребованных для исследователей русского зарубежья. Данные этого фонда позволили автору выявить историю создания и функционирования Благотворительного отдела Бюро российских эмигрантов в Маньчжурии, его направления и формы оказания социальной помощи нуждающимся переселенцам. Также автором дана общая оценка значения деятельности отдела [17].

"Роль Харбинского комитета ..." рассматривается С.И. Лазаревой на основе документов ГАХК. Автором выявлено, что "... значение ХКПРБ⁷ в Маньчжурии было особенно велико, так как его функции (снабжение одеждой, обувью, денежные пособия, медицинская помощь) помогали русским эмигрантам выжить, обосноваться на новом месте, найти применение своим силам и зна-

⁵ Описание методов научного исследования крайне редко встречается в научных публикациях за последние годы, в исследованиях по проблематике русского зарубежья в том числе.

⁶ Согласно eLIBRARY.RU, С.И. Лазарева опубликовала наибольшее количество работ (часть работ в соавторстве) по теме русского зарубежья на страницах журналов "Россия и АТР", "Ойкумена. Регионоведческие исследования" и "Известия Восточного института".

⁷ ХКПРБ – Харбинский Комитет помощи русским беженцам.

ниям, сохранить веру в себя, разобраться в сложной жизненной ситуации" [18, с. 19].

А.Я. Массов, рассматривая деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов⁸ (1857–1917 гг.), использует значительный пласт архивных документов. Автор отметил, что суть деятельности русских консулов в Австралии состояла в заботе об интересах русских подданных и эмигрантов. Выходцев из России снабжали необходимыми документами, участвовали в защите от судебных преследований и даже оказывали посильную материальную помощь. А также, говоря современным языком, лоббировали интересы православной церкви, в частности, содействовали строительству первого православного храма в Мельбурне. Однако после революции 1905-07 гг. консулы России в Австралии принялись и за борьбу с политэмигрантами. При этом автор обращает больше внимания на трудности консулов, чем на трудности политэмигрантов, вынужденных покинуть страну. Симпатии автора явно на стороне царских консулов, т.к. они старались, по его мнению, "оградить русскую диаспору в Австралии от пропагандистской активности русских радикалов" [22, с. 33], что, по нашему мнению, достаточно предвзято, для научной статьи. Но это не снижает ценности работы в целом, т.к. массив включённых в научный оборот архивных документов достаточно впечатляющ [22].

Чэнь Цюцзе в статье "Влияние КВЖД на численность населения Харбина" обратилась к вопросу формирования русской диаспоры в Харбине с началом строительства КВЖД. Автором приводятся статистические данные о национальном и профессиональном составе русской диаспоры и ее доли в общем населении Харбина. Особое внимание автор акцентирует на превышении до 1929 численности диаспоры (автор не выделяет именно русскую диаспору, а берет эмигрантов (иностранцев) в целом) над собственно китайским населением. При всем отмечается, что со строительством КВЖД Харбин стал "...центром политики, финансов, культуры Маньчжурии с чертами типичного потребительского города" [42, с. 80].

Перемещённые лица и др. В статье "Беженцы в составе ..." Е.В. Рудниковой рассматривается история переселения трёх групп мигрантов ("перемещённые лица", "возрастные белоэмигранты", "русские старообрядцы") из Советского Союза (временные рамки частично захватывают и время Российской Империи, и Российской Федерации) в Новую Зеландию. Автор ограничивается тремя десятилетиями после окончания Второй мировой войны, сосредоточив своё внимание на деятельности организатора и спонсора переезда из Европы – Международной организации по делам беженцев и активистов Национального Совета церквей Новой Зеландии. Дается характеристика численного (на основе "прямого" и "косвенного" подсчётов), половозрастного и социального состава переселенцев, а также приводится сравнительная характеристика культурно-языковой адаптации изучаемых групп переселенцев в новом для них обществе с анализом причин разной степени их аккультурации [29].

"Моряки-прыгуны". Статья Е.В. Рудниковой "Моряки-прыгуны" в составе постсоветской эмиграции в Новую Зеландию" обращается к первому этапу постсоветского периода эмиграции в Новую Зеландию. Автором была выбрана для исследования специфическая группа эмигрантов – это бывшие советские (постсоветские – российские) моряки, самовольно покинувшие свои суда в период 1991–2007 годов. За источниковую основу были взяты рассказы самих этих моряков, которых из-за способа эмиграции называли "прыгунами", а также свидетельства очевидцев событий и новозеландская газетная хроника за этот период. Изучены мотивы "прыгунов" и обстоятельства ухода их с судов, а также особенности адаптации в новой среде и взаимоотношения с другими иммигрантами (главным образом русскоязычными). Основное внимание обращено на стратегию легализации "прыгунов". Автор выделяет политическое беженство (по терминологии автора) и брак с новозеландскими женщинами. Дается общий портрет социально-демографических и культурных особенно-

⁸ В заголовке статьи значится "иммигрантов", однако, судя по содержанию статьи, должно быть "эмигрантов".

стей этой группы эмигрантов, их численность, профессиональный и гендерный состав, юридический статус и избираемые стратегии легализации [28].

Культура русского зарубежья

Г.А. Андриец в статье "Русские праздники Харбина ..." обращается к роли праздников в жизни русского зарубежья г. Харбина. Праздники и их описание в "Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке" рассматриваются не просто как описание досуга, а как цементирующий элемент культурного единения и "сохранения культурных традиций, норм, ценностей, что способствовало формированию культурного пространства русской диаспоры на китайской территории" [1, с. 27].

Своеобразным продолжением стала её статья о первых библиотеках на территории КВЖД в период конца XIX – начала XX века, где автор рассматривает библиотечное дело на территории Китайско-Восточной железной дороги, его становление и влияние на повседневную жизнь железнодорожников КВЖД. Автор приводит в качестве доказательства широкого распространения русской книжной культуры в Маньчжурии и развития русско-китайских контактов в области культуры и книжного дела деятельность библиотек. Так же Г.А. Андриец обращает внимание не только на русские (по языку) библиотеки, но и на национальные – для представителей разных народов Российской империи [2].

А.В. Антошин в статье "Культура российской диаспоры ..." на основе главным образом эмигрантской периодики (также задействованы материалы ГАРФ и РГБ ОР⁹) обращается к "третьей волне" эмиграции, отметив, что она "серьёзно изменила состав диаспоры, вынеся ... десятки тысяч новых эмигрантов, психология которых зачастую сильно отличалась от деятелей первой ... эмиграции". Расценивая русское зарубежье в США как один из наиболее важных центров Российского зарубежья, с чем нельзя не согласиться, А.В. Антошин сконцентрировал внимание в данной работе на роли и месте русской культуры в эмиграции как одном из средств, противодействующих ассимиляции российских эмигрантов в иноязычной среде [3].

В статье "Русские учителя в Маньчжурии" Н.А. Василенко даёт картину жизни очень важной категории эмигрантов на северо-востоке Китая в конце XIX века в этом многонациональном и многоконфессиональном обществе. Одним из важных направлений деятельности русского зарубежья в Маньчжурии стало создание системы начального, общего и специального среднего образования. Автор рассказывает о значительном вкладе русских учителей. Благодаря им в Маньчжурии была создана хорошо организованная система начального, среднего, а затем высшего образования. [8].

Следующая работа, затронувшая тему педагогов и образования, это статья "Российский Харбин ...) Л.М. Гараевой. Автор подчёркивает ценность наследия российской эмиграции "первой волны" и выясняет общие и специфические особенности педагогической деятельности русских эмигрантов в Харбине [9].

Кроме чисто педагогической темы авторы затрагивают и более широкий пласт культуры русского зарубежья. Так, в работе "Образовательная и научная деятельность ..." Л.Ф. Говердовская раскрывает достаточно плодотворную деятельность русской интеллигенции в Китае в течение эмиграционного периода, включая их активную работу в сфере образования и науки [10].

С.И. Лазарева представлена в рассматриваемых изданиях наибольшим количеством статей по русскому зарубежью. Её работа "Вклад русских женщин в развитие ..." сделана на основе документов ГАХК. Автор обратился к гендерному аспекту русского зарубежья в 30–40-е гг. XX в. Особый акцент сделан на отличии русской системы образования в Китае от европейской системы (утверждение автора, что европейская система в этот период пришла в упадок, спорно, во всяком случае в статье не было приведено на этот счёт убедительных аргументов). Также исследуются, говоря словами автора, "механизмы сохранения "русскости" и адаптации российских эмигрантов к местным условиям в Харбине и полосе отчуждения КВЖД". Не обойдены вниманием и

⁹ РГБ ОР – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей.

персоналии – имена русских женщин, вложившихся в воспитание юных эмигрантов "первой волны" [15].

Другая её работа "Место и роль гуманитарных дисциплин ...", написанная на основе материалов ГАХК (фонд РГИА ДВ был использован для уточнения ряда деталей), показывает усилия харбинской ветви русской эмиграции в условиях существования на территории Маньчжоу-Го по сохранению как уровня образования, так и своей национальной идентичности.

В следующей статье, написанной С.И. Лазаревой в соавторстве с А.Н. Шпилёвой – "Вклад восточной ветви ...", авторы предпринимают попытку общего обзора основных аспектов культурной жизни "первой волны" русской эмиграции в Китае. Как и в предыдущей статье, авторы сделали акцент на гендерном аспекте – "женской ветви" литературы русского (дальневосточно-го) зарубежья [19].

Своеобразным продолжением "Вклада восточной ветви ..." можно считать ещё одну также совместную работу С.И. Лазаревой и А.Н. Шпилёвой – "О литературном наследии российской эмиграции в Китае (20-40-е годы XX века)". В этой работе авторы сосредоточили внимание на литературе как на одном из основных "цементирующих" явлений, позволявших сохранить свою идентичность. Особое внимание авторы сосредоточили на персоналиях – деятелях культуры восточной ветви русского зарубежья [20].

Третьей совместной статьёй С.И. Лазаревой и А.Н. Шпилёвой стала их работа "Российская эмиграция и развитие образования ...". В отличие от предыдущих работ авторы задействовали в исследовании архивные документы ГАХК и РГИА ДВ¹⁰. Здесь ими были рассмотрены аспекты влияния российской эмиграции "первой волны" на социально-политическую, культурную и экономическую жизнь Маньчжурии. Основным акцент был сделан на попытках воссоздания за пределами России системы традиционного для них российского образования, существовавшего в Российской империи [21].

Е.Н. Чернолуцкая статью "Уникальный опыт. ..." посвящает анализу особенностей культурных контактов в Дальневосточном регионе. Акцент делается на различии между русской (в эмиграции) и китайской культурой. При этом отмечается, что русские эмигранты смогли не просто не потерять своих своеобразных особенностей национальной культуры, но и, не попав под влияние китайской цивилизации, сохранить своё демографическое и культурное значение [40].

В рамках "Культура русского зарубежья" выделим ещё ряд публикаций: Е.Н. Чернолуцкая в "России и АТР" информирует читателей о "Круглом столе", проходившем 14 февраля 1997 г. в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по теме "Дальневосточная российская эмиграция: на границе взаимодействия культур", при участии ДВГУ, Дальрыбвтуза, ДВГМА¹¹, Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева¹², Владивостокского музыкального училища¹³. Автором было отмечено, что наибольшую активность проявляют дальневосточные исследователи, а внимание авторов главным образом сосредоточено на анализе отдельных частных аспектах темы [38]. Здесь скажем, что со времени публикации ситуация кардинально изменилась в том числе благодаря как раз таким "круглым столам".

Такой пласт культуры, как кинематограф, рассматривается Д.Э. Рыкуновым в статье "Русский кинематограф в Харбине (1900–1945 гг.)". Автор главным образом на основе еженедельного литературно-художественного

¹⁰ РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.

¹¹ ДВГУ – Дальневосточный государственный университет. С 2008 г. Дальневосточный федеральный университет.

Дальрыбвтуз – Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет.

ДВГМА – Дальневосточная государственная морская академия. С 2001 г. Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского.

¹² С 2022 г. Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева.

¹³ С 1995 г. Приморский краевой колледж искусств.

журнала "Рубеж", издававшегося в Харбине в 1926–1945 годах, даёт картину развития, искусства кинематографа со всеми его трудностями, связанными с нахождением в иноязычной среде, особенно при переходе от немого кино к звуковому. Так же автор не оставил без внимания и вопросы кинопроката, имевшие свои трудности и особенности [31].

Икута Митико "Пушкин – духовная опора российской диаспоры в Харбине". Статья японского автора показывает, как судьба российской общины "первой волна" эмиграции связана с Харбином. Дается картина того, как проходила 100 годовщина смерти поэта в Харбине с выводом, что Пушкин стал для российских эмигрантов главным символом их борьбы за сохранение национальной идентичности [23].

Субэтнические, религиозные, и другие группы русского зарубежья

Реэмигранты. Статья Е.Н. Чернолуцкой – "Российская реэмиграция из Китая", где обозначена проблема возвращения бывших эмигрантов в Россию из Китая в хронологических и логических аспектах. Автор выделяет три этапа русской реэмиграции: конец 1910-х – начало 1920-х гг.; 1935 год; вторая половина 1940-х годов. Описывается, как и почему проходила реэмиграция, приводятся данные общего количества возвратившихся в Россию и их судьбы после возвращения [39].

Казачи. Несмотря на то, что по теме казачества вышло довольно много работ на страницах рассматриваемых изданий, тема казачества за рубежом представлена всего двумя работами.

В.А. Пушкарев – "Амурские казаки в Китае ...". В ней автор на основе фондов ГАРФ и ГАХК рассматривает особенности расселения амурских казаков, организацию их культурнобытового уклада и меры амурских казаков – эмигрантов по сохранению их культурной самобытности. Также автор сделал акцент на отдельных судьбах казаков [26].

О.И. Сергеев "Вторая мировая война и исторические судьбы...". Автор достаточно подробно с привлечением материалов ГАРФ даёт картину быта, настроений и вовлеченности казачества в политические события первой половины XX века. И хотя основной массив работы посвящён китайской ветви казачьей эмиграции, значительное место отводится описанию судеб казачества в Европе и Латинской Америке [33].

Белорусы. Семёнова Л.Н. в "Белорусских корнях" на материалах НАРБ¹⁴ рассматривает историю и деятельность Русских рабоче-фермерских клубов (РРФК), Федерации русских канадцев (ФРК), которые сыграли важную роль в становлении и развитии русской и белорусской диаспор в Канаде [32].

Старообрядцы. Ю.В. Аргудяева рассматривает такую субэтническую (этнокультурную) группу русского зарубежья, как старообрядцы. На страницах рассматриваемых журналов по этой тематике вышло две её статьи: "Русские старообрядцы в США" [4] и "Русские старообрядцы в Маньчжурии: новые материалы" [5]. Первая посвящена старообрядцам как особой группе, эмигрировавшей в США в 1960-е годы из Азии. Ю.В. Аргудяева рассматривает проблемы адаптации эмигрантов к новому для них региону, также обращает внимание на национальные особенности и их трансформацию в хозяйственном и семейном быту и материальную культуру старообрядцев в целом. В итоге отмечается их ведущая роль в сохранении и развитии русской культуры и особенно религиозных традиций.

Во второй статье Ю.В. Аргудяева рассматривает хозяйственный и семейный быт старообрядцев как составной части русского крестьянства, эмигрировавших в 1920–1930-е гг. с юга Дальнего Востока в соседнюю Маньчжурию. Отмечается, что процесс этнокультурной адаптации крестьян к новым условиям жизни в отличие от других групп эмигрантов происходил с незначительными изменениями.

Баптисты. Н.В. Потапова в статье "История евангельско-баптистского сообщества ..." на основе многочисленных источников даёт развёрнутую картину историографии вопросов, связанных с деятельностью баптистов. Хотя статья и не повешена полностью русскому зарубежью, но значительная её

¹⁴ НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь.

Табл. 1. Распределение объема статей по аспектам темы русского зарубежья и охваченным регионам (странам).

Table 1. Distribution of the volume of articles on aspects of the theme of Russian abroad and covered regions (countries).

Регионы (страны)	Направление исследования								Всего
	Адаптация эмиграции	Культура русского зарубежья	Субэтнические, религиозные, и другие группы русского зарубежья	Персоналии	Пресса русского зарубежья	Политические партии и союзы русского зарубежья	Роль эмиграции в политических событиях в мире, как локальных затрагивающих регион их пребывания, так и общемировых	Историография российской эмиграции	
Австралия	1	-	-		2				3
Канада			1		2				3
Китай (Маньчжурия, КВЖД)	8	12	7	6	2	4	5	2	45
Новая Зеландия	2		1						3
Таиланд	1								1
США	1	1	1	2	7	1			13
Европа (Франция, Германия)	1								1
Корея	1								1
Япония	1	1		4					6
Латинская Америка			1						1
Страны АТР (в целом)		1	1	2		2	1	3	10
Всего	16	15	12	14	13	7	6	5	88

Примечание: часть работ затрагивают сразу несколько регионов. Соответственно, суммарно количество статей по регионам больше арифметической суммы статей по теме русской эмиграции в целом.

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Табл. 2. Распределение объема и частоты ссылок на архивные источники по теме русского зарубежья

Table 2. Distribution of volume and frequency of use of archival sources on the topic of Russian foreign

Архивы Статьи	ГАРФ	ГАПК	ГАЖК	РГБ ОР	РГИА ДВ	НАРБ	ЦА СВР РФ	ГААОСО	РГВА	РГВИА	РГА ВМФ	АВПРИ	ЦГА СПб	ГАИО	ВАР	Н/А
	Число статей	10	10	29	1	10	1	1	4	2	3	6	3	1	1	1
Частота ссылок на архив	71	65	260	1	34	5	21	21	13	15	13	34	2	1	18	2

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

часть отведена евангельско-христианским и баптистским организациям за рубежом и связям зарубежных баптистов с теми, кто остался в Советской России [25].

Адвентисты Седьмого дня. К.И. Родионова в работе "Религиозная жизнь Харбина: адвентисты Седьмого дня" воссоздаёт историю русской общины адвентистов в Маньчжурии с 1910 по 1945 гг., которая появилась в полосе отчуждения КВЖД, став первой адвентистской Церковью для русского населения Дальнего Востока. В работе автор использует фонды ГАРФ и ГАХК, на основе которых впервые представляет общую картину религиозной жизни адвентистов Седьмого дня в Харбине. В работе также представлена "динамика количества верующих Сунгари-Монгольской миссии (русское население Монголии и Маньчжурии) АСД" [27, с. 25].

Православные. В работе "Русская православная церковь ..." Е.В. Рудникова, используя новозеландские англоязычные источники с привлечением полевых материалов, собранных автором в 2010–2011 гг. в Новой Зеландии (места расселения русскоязычных эмигрантов), даёт картину взаимоотношений между русскоязычными эмигрантами и православной церковью в Новой Зеландии за период с XX века и по настоящее время. Автор восстанавливает картину событий с начала распространения православия в Новой Зеландии и освещает деятельность первых русских православных священников. Кроме описания роли РПЦ в жизни постсоветских эмигрантов даётся описание внешнего и внутреннего вида русских православных храмов, приводятся данные количественного и этнического состава их приходов [30].

Автор статьи "Русская православная церковь в эмиграции" Ю.С. Федорова рассказывает о "Восточной ветви" российской эмиграции в Маньчжурии. На основе документов ГАХК автор приводит статистические данные строительства культовых зданий в г. Харбине до 1922 г. и за 20-30-е гг. XX века, причём не только по православным, но и по прочим христианским и не христианским конфессиям. Основной же вывод автора в том, что православная церковь смогла найти "свою социальную нишу и вместе со светскими властями сумела отстоять русскую национальную культуру, явившись жизненным стержнем и духовной опорой "дальневосточного островка" Русского зарубежья" [35, с. 112].

Исследование "Духовные миссии Китая, Японии и Кореи ..." А.А. Хисамутдинова представляет картину деятельности "духовных миссий", целью которых было распространение православия. Рассматривая их деятельность, А.А. Хисамутдинов приходит к выводу, что миссии сыграли огромную роль в сохранении идентичности и вообще в жизни русских эмигрантов (школы, библиотеки, материальная поддержка и пр.). Непосредственно же роль, для которой были предназначены миссии (распространение христианства в православной интерпретации), была более чем скромной. Данная работа также была проиллюстрирована редкими фотографиями, собранными автором из различных зарубежных источников [36, с. 110].

Китайский исследователь Чжан Цунхай в небольшой заметке: "Русская православная церковь в Харбине ..." рассказывает о православных церквях, построенных в Маньчжурии, и описывает, как они были построены [41].

(окончание следует).

Литература

1. Андриец Г.А. Русские праздники Харбина начала XX века в системе духовных ценностей Дальнего Востока (на материале журнала "Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке") // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 27–35.
2. Андриец Г.А. Первые библиотеки на территории КВЖД (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2016. № 1 (91). С. 144–152.
3. Антошин А.В. Культура российской диаспоры в США (1960-е – 1980-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 1. С. 43–51.
4. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в США // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4. С. 16–23.
5. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии: новые материалы // Известия Восточного института. 2011. № 2. С. 67–79.

6. Аурилене Е.Е. Особенности адаптации эмигрантов в 1920–1950 годы // Россия и АТР. 2004. № 3 (45). С. 94–101.
7. Бакулина А.А. К вопросу о государственном регулировании положения российских эмигрантов в Маньчжурии (1918–1945 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 1. С. 60–67.
8. Василенко Н.А. Русские педагоги в Маньчжурии // Россия и АТР. 2002. № 1 (35). С. 104–114.
9. Гараева Л.М. Русский Харбин: опыт сохранения педагогического наследия России // Россия и АТР. 2007. № 3 (57). С. 130–138.
10. Говердовская Л.Ф. Образовательная и научная деятельность русской эмиграции в Китае. 20–40-е годы XX в. // Россия и АТР. 2006. № 3 (53). С. 150–160.
11. Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н. Деятельность комитета защиты прав и русских интересов в Шанхае // Россия и АТР. 2020. № 1 (107). С. 143–152.
12. Золотухин И.Н. Некоторые аспекты жизни русских в Таиланде (на примере Паттайи) // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 79–89.
13. Капран И.К. Условия жизни российских беженцев из Владивостока в Корее (1922–1923 гг.) // Россия и АТР. 2017. № 1 (95). С. 97–105.
14. Куликова Н.В. Политико-правовые нормы пребывания россиян на территории Маньчжурии (конец XIX–начало XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 3 (57). С. 67–74.
15. Лазарева С.И. Вклад русских женщин в развитие эмигрантских учебных заведений Маньчжурии в условиях японского оккупационного режима // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2008. № 2. С. 49–65.
16. Лазарева С.И. Место и роль гуманитарных дисциплин в образовательном и воспитательном процессе молодежи в русских эмигрантских учебных заведениях в Харбине в 20–40-е гг. XX века // Известия Восточного института. 2013. № 2. С. 33–45.
17. Лазарева С.И. Организация Благотворительного отдела БРЭМ и его роль в оказании помощи нуждающимся эмигрантам в Маньчжурии (30–40-е гг. XX в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 3. С. 37–45.
18. Лазарева С.И. Роль Харбинского комитета помощи русским беженцам в становлении социальной защиты русских эмигрантов в Маньчжурии (1923–начало 40-х гг. XX в.) // Известия Восточного института. 2013. № 1. С. 10–19.
19. Лазарева С.И., Шпилёва А.Н. Вклад восточной ветви российской эмиграции в сохранение отечественной культуры (20–30-е гг. XX века) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 2. С. 110–115.
20. Лазарева С.И., Шпилёва А.Н. О литературном наследии российской эмиграции в Китае (20–40-е гг. XX в.) // Россия и АТР. 2009. № 3 (65). С. 58–64.
21. Лазарева С.И., Шпилева А.Н. Российская эмиграция и развитие образования в Маньчжурии 20–40-х годов XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 3. С. 94–102.
22. Массов А.Я. Деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов (1857–1917 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 1. С. 33–42.
23. Митико И. Пушкин – духовная опора российской диаспоры в Харбине // Известия Восточного института. 2004. № 8. С. 147–155.
24. Подалко П.Э. Русская колония в Кобе. Исторический обзор. // Известия Восточного института. 1998. № 5. С. 200–225.
25. Потапова Н.В. История евангельско-баптистского сообщества российского Дальнего Востока 1917–1922 гг. в работах первых советских историков-"антирелигиозников" // Известия Восточного института. 2013. № 2. С. 46–56.
26. Пушкарёв В.А. Амурские казаки в Китае: опыт сохранения традиций (1918–1945) // Россия и АТР. 2013. № 3 (81). С. 17–29.
27. Родионова К.И. Религиозная жизнь Харбина: адвентисты Седьмого дня // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 1. С. 18–28.
28. Рудникова Е.В. "Моряки-прыгуны" в составе постсоветской эмиграции в новую Зеландию // Россия и АТР. 2017. № 3 (97). С. 107–126.
29. Рудникова Е.В. Беженцы в составе русской эмиграции в новую Зеландию // Россия и АТР. 2018. № 4 (102). С. 240–252.
30. Рудникова Е.В. Русская православная церковь в истории русской диаспоры в новой Зеландии // Россия и АТР. 2014. № 2 (84). С. 64–79.
31. Рыкунов Д.Э. Русский кинематограф в Харбине (1900–1945 гг.) // Известия Восточного института. 2013. № 1. С. 51–60.
32. Семёнова Л.Н. Белорусские корни русской трудовой иммиграции в Канаде в первой половине XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 1. С. 52–59.
33. Сергеев О.И. Вторая мировая война и исторические судьбы российской казачьей эмиграции // Россия и АТР. 2015. № 3 (89). С. 71–81.
34. Ставров И.В. Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4. С. 58–64.

35. Федорова Ю.С. Русская православная церковь в Северо-Восточном Китае // Россия и АТР. 2004. № 3 (45). С. 102–113.
36. Хисамутдинов А.А. Духовные миссии Китая, Японии и Кореи (конец XIX – первая половина XX вв.) // Известия Восточного института. 2012. № 2. С. 96–112.
37. Хисамутдинов А.А. Русские в Америке: проблемы адаптации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4. С. 9–15.
38. Чернолуцкая Е.Н. "Круглый стол". Дальневосточные эмигранты: на границе взаимодействия культур // Россия и АТР. 1997. № 4. С. 5–4.
39. Чернолуцкая Е.Н. Российская реэмиграция из Китая // Россия и АТР. 1996. № 2. С. 74–81.
40. Чернолуцкая Е.Н. Уникальный опыт. Особенности культурных контактов // Россия и АТР. 1997. № 4. С. 21–26.
41. Чжан Ц. Русская православная церковь в Харбине (до захвата Маньчжурии Японией) // Россия и АТР. 2001. № 4 (34). С. 102–103.
42. Чэнь Цюцзе. Влияние КВЖД на численность населения Харбина // Россия и АТР. 2011. № 1 (71). С. 80–85.

References

1. Andriets G.A. Russian holidays of Harbin at the beginning of the 20th century in the system of spiritual values of the Far East (on the material of the journal "Railway Life in the Far East") // Oriental Institute Journal. 2021. No. 3. P. 27–35. (In Russ.).
2. Andriets G.A. The first libraries on the territory of the Chinese Eastern Railway (end of the 19th – beginning of the 20th centuries) // Russia and the Asia-Pacific Region. 2016. No. 1 (91). P. 144–152. (In Russ.).
3. Antoshin A.V. Culture of the Russian Diaspora in the USA (1960s – 1980s) // Ojkumena. Regional researches. 2011. No. 1. P. 43–51. (In Russ.).
4. Argudyaeva Yu.V. Russian Old Believers in the USA // Ojkumena. Regional researches. 2010. No. 4. P. 16–23. (In Russ.).
5. Argudyaeva Yu. V. Russian Old Believers in Manchuria: new materials // Oriental Institute Journal. 2011. No. 2. P. 67–79. (In Russ.).
6. Aurilene E.E. Features of the adaptation of emigrants in 1920–1950 // Russia and the Asia-Pacific Region. 2004. No. 3 (45). P. 94–101. (In Russ.).
7. Bakulina A.A. On the issue of state regulation of the situation of Russian emigrants in Manchuria (1918–1945) // Ojkumena. Regional researches. 2011. No. 1. P. 60–67. (In Russ.).
8. Vasilenko N. Russian teachers in Manchuria // Russia and Asia-Pacific. 2002. No. 1 (35). P. 104–114. (In Russ.).
9. Garayeva L.M. Russian Harbin: the experience of preserving the pedagogical heritage of Russia // Russia and the Asia-Pacific Region. 2007. No. 3 (57). P. 130–138. (In Russ.).
10. Goverdovskaya L.F. Educational and scientific activity of the Russian emigration in China. 20–40s of the 20th century // Russia and Asia-Pacific. 2006. No. 3 (53). P. 150–160. (In Russ.).
11. Drobotushenko E.V., Lantsova Yu.N. Activities of the Committee for the Protection of Rights and Russian Interests in Shanghai // Russia and the Asia-Pacific Region. 2020. No. 1 (107). P. 143–152. (In Russ.).
12. Zolotukhin I.N. Some aspects of the life of Russians in Thailand (on the example of Pattaya) // Oriental Institute Journal. 2012. No. 1. P. 79–89. (In Russ.).
13. Kapran I.K. Living conditions of Russian refugees from Vladivostok in Korea (1922–1923) // Russia and the Asia-Pacific Region. 2017. No. 1 (95). P. 97–105. (In Russ.).
14. Kulikova N.V. Political and legal norms of the stay of Russians in the territory of Manchuria (end of the 19th – beginning of the 20th century) // Russia and the Asia-Pacific Region. 2007. No. 3 (57). P. 67–74. (In Russ.).
15. Lazareva S.I. The contribution of Russian women to the development of emigrant educational institutions in Manchuria under the conditions of the Japanese occupation regime // Ojkumena. Regional researches. 2008. No. 2. P. 49–65. (In Russ.).
16. Lazareva S.I. The place and role of the humanities in the educational and upbringing process of young people in Russian émigré educational institutions in Harbin in the 20–40s. XX century // Proceedings of the Oriental Institute. 2013. No. 2. P. 33–45. (In Russ.).
17. Lazareva S.I. Organization of the BREM Charity Department and its role in helping needy emigrants in Manchuria (30–40s of the 20th century) // Ojkumena. Regional researches. 2007. No. 3. P. 37–45. (In Russ.).
18. Lazareva S.I. The role of the Harbin Committee for Assistance to Russian Refugees in the Formation of Social Protection of Russian Emigrants in Manchuria (1923–early 40s of the XX century) // Oriental Institute Journal. 2013. No. 1. P. 10–19. (In Russ.).

19. Lazareva S.I., Shpileva A.N. The contribution of the eastern branch of Russian emigration to the preservation of national culture (20–30s of the 20th century) // *Ojkumena. Regional researches*. 2009. No. 2. P. 110–115. (In Russ.).
20. Lazareva S.I., Shpileva A.N. On the Literary Heritage of the Russian Emigration in China (20–40s of the 20th century) // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2009. No. 3 (65). P. 58–64. (In Russ.).
21. Lazareva S.I., Shpileva A.N. Russian emigration and the development of education in Manchuria in the 20–40s of the twentieth century // *Ojkumena. Regional researches*. 2012. No. 3. P. 94–102. (In Russ.).
22. Massov A.Ya. Activities of Russian Consuls in Australia to Protect the Interests of Russian Citizens and Immigrants (1857–1917) // *Ojkumena. Regional researches*. 2011. № 1. P. 33–42. (In Russ.).
23. Mitiko I. Pushkin – the spiritual support of the Russian diaspora in Harbin // *Oriental Institute Journal*. 2004. No. 8. P. 147–155. (In Russ.).
24. Podalko P.E. Russian colony in Kobe. Historical review. // *Oriental Institute Journal*. 1998. No. S. S. 200–225. (In Russ.).
25. Potapova N.V. History of the Evangelical Baptist Community of the Russian Far East 1917–1922. in the works of the first Soviet historians-"anti-religious" // *Oriental Institute Journal*. 2013. No. 2. P. 46–56. (In Russ.).
26. Pushkarev V.A. Amur Cossacks in China: the experience of preserving traditions (1918–1945) // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2013. No. 3 (81). P. 17–29. (In Russ.).
27. Rodionova K.I. Religious life in Harbin: Seventh-day Adventists // *Ojkumena. Regional researches*. 2023. No. 1. S. 18–28. (In Russ.).
28. Rudnikova E.V. "Jumping Sailors" as part of the post-Soviet emigration to New Zealand // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2017. No. 3 (97). P. 107–126. (In Russ.).
29. Rudnikova E.V. Refugees as part of Russian emigration to New Zealand // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2018. No. 4 (102). P. 240–252. (In Russ.).
30. Rudnikova E.V. The Russian Orthodox Church in the history of the Russian diaspora in New Zealand // *Russia and Asia-Pacific*. 2014. No. 2 (84). P. 64–79. (In Russ.).
31. Rykunov D.E. Russian cinema in Harbin (1900–1945) // *Oriental Institute Journal*. 2013. No. 1. P. 51–60. (In Russ.).
32. Semyonova L.N. Belarusian roots of Russian labor immigration in Canada in the first half of the 20th century. // *Ojkumena. Regional researches*. 2011. No. 1. S. 52–59. (In Russ.).
33. Sergeev O.I. World War II and the historical fate of the Russian Cossack emigration // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2015. No. 3 (89). P. 71–81. (In Russ.).
34. Stavrov I.V. Some issues of adaptation of Russians in Manchuria in the first half of the twentieth century // *Ojkumena. Regional researches*. 2010. No. 4. P. 58–64. (In Russ.).
35. Fedorova Yu.S. Russian Orthodox Church in Northeast China // *Russia and Asia-Pacific*. 2004. No. 3 (45). P. 102–113. (In Russ.).
36. Khisamutdinov A.A. Spiritual missions of China, Japan and Korea (end of the 19th – first half of the 20th centuries) // *Oriental Institute Journal*. 2012. No. 2. P. 96–112. (In Russ.).
37. Khisamutdinov A.A. Russians in America: Problems of Adaptation // *Ojkumena. Regional researches*. 2010. No. 4. P. 9–15. (In Russ.).
38. Chernolutsкая E.N. "Round table". Far Eastern emigrants: on the border of interaction between cultures // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 1997. No. 4. P. 5–4. (In Russ.).
39. Chernolutsкая E.N. Russian re-emigration from China // *Russia and Asia-Pacific*. 1996. No. 2. P. 74–81. (In Russ.).
40. Chernolutsкая E.N. Unique experience. Features of cultural contacts // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 1997. No. 4. P. 21–26. (In Russ.).
41. Zhang c. Russian Orthodox Church in Harbin (before the capture of Manchuria by Japan) // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2001. No. 4 (34). P. 102–103. (In Russ.).
42. Chen Qiujie. Influence of the CER on the population of Harbin // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2011. No. 1 (71). P. 80–85. (In Russ.).

Информация об авторе

Вадим Николаевич Караман, канд. ист. наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, Владивосток, Россия, e-mail: bibl-pgom@mail.ru

Information about the author

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist, Vladimir K. Arseniev Museum of Far East History, Vladivostok, Russia, e-mail: bibl-pgom@mail.ru

Научная статья
УДК 947.084(571.642).
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/107-120>

Сахалинские шельфовые проекты и дискуссии в России о "Соглашениях разделенной продукции" (1990-е гг.)

Ангелина Сергеевна Ващук
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Россия, va_lina@mail.ru

Аннотация. На примере общественно-политических дискуссий, включая вопросы по сахалинским шельфовым проектам, рассматривается внедрение идей зарубежного опыта в сфере привлечения иностранных инвестиций. Новизна статьи – в анализе позиций определенных групп политической элиты при обсуждении либерального Закона, сумевших сформировать свой круг экспертов из числа ученых, а также в установлении роли последних в политических дискуссиях. Дан углубленный анализ обращения участников дискуссии к опыту внедрения СРП на Сахалине.

Ключевые слова: *Россия, Сахалинская область, шельфовые проекты, СРП, иностранные инвестиции, нефтегазовая отрасль, экспертное сообщество*

Для цитирования: Ващук А. С. Сахалинские шельфовые проекты и дискуссии в России о "Соглашениях разделенной продукции" (1990-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 107–120. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/107-120>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/107-120>

Sakhalin offshore projects and discussions in Russia about the "Shared Production Agreement" (1990s)

Angelina S. Vashchuk
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS
Vladivostok, Russia, va_lina@mail.ru

Abstract. On the example of socio-political discussions, including questions on Sakhalin shelf projects, the introduction of foreign experience in the field of attracting foreign investment is considered. The novelty of the article lies in the analysis of the positions of certain groups of the political elite in the discussion of the liberal Law, which managed to form their circle of experts from among scientists, as well as in establishing the role of the latter in political discussions. An in-depth analysis of the appeal of the discussion participants to the experience of implementing the PSA on Sakhalin is given.

Key words: *Russia, Sakhalin region, offshore projects, PSA, foreign investment, oil and gas industry, expert community*

For citation: Vashchuk A. S. Sakhalin offshore projects and discussions in Russia about the "Shared Production Agreement" (1990s) // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 107–120. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/107-120>

Введение. В 1990-е годы Россия выбрала свой путь в области "соглашений о разделенной продукции" (далее СРП), а Сахалин стал первой территорией его апробации. В течение последних трех десятилетий судьба проектов "Сахалин-1" и "Сахалин-2" круто меняется дважды. Первый поворот связан с технологическими трудностями в нефтяной отрасли, что совпало с реформой собственности в России, переходом на капиталистические формы организации производства. В результате системных реформ открылся широкий путь иностранным компаниям в отечественные ресурсодобывающие отрасли. Но после введения западными странами санкций против России были приняты специальные Указы Президента РФ по смене операторов и передачи имущества иностранных компаний в собственность государства по двум сахалинским проектам [45; 46].

В отечественной литературе по истории Закона о СРП четко прослеживаются два концептуальных подхода: радикально-либеральный и умеренно-патриотический. Ярким представителем первого направления является А.А. Конопляник, сосредоточивший свое внимание на преимуществах режима, заимствованного из зарубежного опыта. Главным отличием СРП от концессионных и лицензионных режимов в "налоговой" части "является механизм распределения валовой выручки (ресурсной ренты) между государством и инвестором" [18], – пишет он, разъясняя выгоды для России. Умеренно-па-

триотическую точку зрения выражает Ю.Ю. Болдырев. По его мнению, формат СРП является инвестиционным режимом "для бедных" стран: "...схема соглашений о разделе продукции предусматривает, что государство, не имеющее денег и технологий для разведки и разработки своих месторождений и полезных ископаемых...передаёт своим или зарубежным компаниям какие-либо участки на особых условиях" [3, с. 37].

Вопрос о том, как происходила инкорпорация этих основных точек зрения в общественно-политическую сферу остается еще не изученным не только в рамках событийной истории, но и на уровне методологии. На наш взгляд, история доступа иностранцев к недрам России может быть исследована в рамках политических и экспертных дискуссий в 1990-е годы, что требует от историка обращения к методу синтеза концепта национальной безопасности и элементов интеллектуальной, социально-политической методологии. Под дискуссиями в данной статье понимается публичное обсуждение режима СРП в интеллектуальных и экспертных кругах, в политическом сообществе. Разные форматы обсуждений анализируются в контексте конкретных исторических событий и рассматриваются как путь инкорпорации новых идей в российское либеральное законодательство. При этом важно учитывать фактор профессиональных и должностных характеристик участников дискуссий. Спецификой постановки проблемы является привлечение элементов историографического анализа, так как большинство экспертных мнений фиксировалось в научной литературе [1; 13; 16; 17; 18; 20; 21; 25; 26]. Точки зрения участников дискуссий часто можно встретить в виде комментариев по вносимым поправкам в Закон той или иной группой лиц или в форме взаимной критики оппонентов уже постфактум в публикациях. [3, с. 409–429; 42; 44]. Особенно это прослеживается в научно-публицистических работах [15; 23; 34; 51] и материалах СМИ [5; 8; 9; 10; 33; 36]: их авторы часто апеллировали к обществу, пытались убедить в своей правоте разные его слои и группы.

Применяемый синтетический метод позволяет историку выявить отношение российских политиков и хозяйственников разного уровня, экспертов к идее привлечения иностранных инвестиций в отечественную нефтегазовую отрасль в 1990-е годы на островной российской территории. В данной статье поставлены конкретные задачи: рассмотреть историческую ситуацию в России в 1990–1992 гг., во многом объясняющую позицию участников событий, а также сделать поэтапный анализ прохождения общественно-политической дискуссии; проанализировать мнения экспертов, а также формат дискуссий в ходе подготовки документа либерального типа и позиций депутатов, сенаторов на этапе прохождения Закона; установить влияние этого процесса на характер оценочных суждений в отношении начального этапа реализации сахалинских шельфовых проектов.

Предпосылки возникновения дискуссий. Сахалинские шельфовые проекты и закон о СРП стояли не только в российской общественно-политической повестке, но и обсуждались в международных организациях. Вопросы получения прибыли от нефтяной отрасли находились центре внимания МВФ, ВБ, ОЭСР [12, с. 132–142]. Специалисты этих структур еще с конца 1980-х годов активно поддерживали приватизацию и либерализацию в России, акцентируя внимание российских экономистов (ставших позднее политиками или консультантами реформаторов) на необходимость развития частных компаний в сфере владения недр. К реформам в добывающем секторе особенно активно подталкивал Всемирный банк, заинтересованный в переходе нефти и газа развивающихся стран под контроль американских и западных корпораций, его специалисты к таковым относили и Россию. С момента проведения в 1992 г. "Саммита Земли@EarthSummit" Всемирный банк одобрил 133 финансовых пакета для проектов по добыче нефти, угля и газа [цит. по: 12, с. 132]. С конца 1980-х гг. американские корпорации поспешили занять ведущие позиции и в нашей стране [49, с. 101; 102; 134–137], учитывая социально-экономическую и политическую ситуацию в СССР.

Американский посол Д. Мэтлок, внимательно следивший за тем, что происходило в Советском Союзе, писал в 1989 г.: "Нынешний хаос во внутри-политической жизни СССР предоставляет Соединенным Штатам беспрецедентную возможность повлиять на советскую внешнюю и внутреннюю политику ..., если проявим достаточную мудрость в умелом, последовательном и

настойчивом использовании нашего скрытого влияния..." [Цит. по: 30, с. 14]. Президент Буш предложил направить в середине сентября в Москву для обсуждения торговых и инвестиционных возможностей министра торговли Р. Мосбахера с группой руководителей корпораций [14, с. 23]. М.С. Горбачев, считавший, что советской экономике нужны вливания иностранного капитала и управленческий опыт Запада, был не против такого сотрудничества [14, с. 23–44]. Однако тогда в стране были еще сильны позиции сторонников постепенных экономических реформ. Правительство во главе с Н.И. Рыжковым, а также Госплан СССР, возглавляемый Ю.Д. Маслюковым, выступили против программы Шаталина – Явлинского "500 дней", предполагавшей быстрое разгосударствление и приватизацию, а также возможность продажи иностранным инвесторам советских предприятий [35, с. 117–149].

Прошло всего четыре года после критики этой Программы, и новое постсоветское правительство сделало ставку на широкомасштабное сотрудничество с Западом: "...курс Ельцина – Козырева выдавал стремление по многим аспектам полностью раствориться в сфере западных интересов" [50, с. 469]. Б.Н. Ельцин становится одним из проводников подобного влияния западных корпораций на реформирование собственности в России [30, с. 10].

Сторонники неоллиберализма в России, обосновывая курс привлечения иностранных инвестиций в сырьевые отрасли, вольно или невольно помогали западным корпорациям быстро овладеть информацией по социально-экономической обстановке и по источникам энергообеспечения в стране. Так, для Европейского банка реконструкции отечественные специалисты подготовили "Обзор ценовой политики и распределения продовольствия в СССР/РСФСР..." [29], который придал еще большую уверенность Западу для своих действий. В это же время в Москве проводились дискуссии иностранных специалистов с представителями советских органов [29]. В конце 1990 г. страна оказалась перед лицом надвигающегося продовольственного кризиса и финансового банкротства, СССР оказался не в состоянии платить и по внешнему долгу. К началу февраля 1991 г. вновь произошло резкое ухудшение валютного положения страны [27; 40], общая сумма внешнего долга СССР повысилась до 65 млрд долл., и на его обслуживание должно было уйти от 40–60% валютной выручки (РГАСПИ. Ф. 10147. Оп. 1. Д. 418. Л. 24)¹. В ситуации массивных платежей за границу в погашение внешнего долга, оплату просроченной задолженности по импорту и по новым закупкам товаров при недостатке экспортных поступлений оказались практически полностью исчерпаны последние финансовые и товарные ресурсы в стране.

19–21 августа 1991 г. в Москве произошел так называемый "путч" и в период передачи власти от М.С. Горбачева к Б.Н. Ельцину иностранные банки потребовали срочного перехода к рыночным реформам. Осенью 1991 г. появилась на свет "экономическая программа" Е.Т. Гайдара. Взгляды Гайдара разделяли и ряд ученых, обративших свои взоры к роли газонефтяной отрасли, на которую они возлагали большие надежды для расчёта по долгам и как на источник дохода государственного бюджета. Например, 23 октября 1991 г. на имя Е.Т. Гайдара поступила записка от д.э.н. А.З. Астаповича и к.э.н. О.В. Иванова, ученые проявили озабоченность судьбой экспортеров нефти. В ней отмечалось: "Сохранение небольшого по размерам налога на экспорт сырьевых ресурсов может быть целесообразным как по фискальным соображениям, так и для привлечения в страну иностранного капитала благодаря относительной дешевизне природных ресурсов" [27]. Но в правительство поступали и другие документы, в которых ставился вопрос о рисках такого подхода к "нефтяному вопросу". Член-корреспондент АН СССР М.Л. Сургучев (Генеральный директор МНТК "Нефтеотдача") предупреждал власть о том, что контракты по нефти стали заключаться в отсутствие законодательной базы [28].

28 октября 1991 г. на Пятом съезде народных депутатов РФ Б.Н. Ельцин огласил "Основные положения экономической реформы в России" [11]. В контексте всех этих событий важно обратить внимание и на другой документ – записку В. Лопухина от 21 ноября 1991 г, направленную Е. Гайдару. Главный чиновник Минтопэнерго РСФСР писал о крупном недостатке финансовых ресурсов у предприятий нефтяной и газовой промышленности [24].

¹ РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

В это же самое время шли переговоры с западными государствами относительно советского долга, приведшие к появлению меморандума "О взаимопонимании относительно долга иностранным кредиторам СССР и его правопреемников" (28 октября 1991 г.). После этого события в период с 1991 по 1993 г. в "штатные структуры" российских ведомств вошли более 1500 иностранных советников [30, с. 11]. Параллельно началась перестройка в управлении нефтяной и газовой промышленности [2]. Руководители отрасли активно убеждали Правительство в уникальности отрасли, которая состоит в единстве технологического и организационно-экономического механизма. На тот момент обозначилось две позиции на перспективы развития отрасли, на что также обратили внимание предшественники: "Командой Е.Т. Гайдара в феврале 1992 г. впервые была предпринята попытка создания независимых добывающих компаний, поставляющих газ в контролируемую из центра газотранспортную систему, однако в начавшемся противостоянии победил В.С. Черномырдин"[2].

"Нефтяная повестка" на Сахалине. Советские хозяйственники высшего ранга (Миннефтепром СССР) вели переговоры по проекту "Сахалин-2" еще в 1988 г., в частности с компанией McDermott (США) [4, с. 31–33]. В июне 1990 г. Министерство вышло с предложением о создании совместного предприятия на базе Пильтун-Астохского нефтяного месторождения, содержащего небольшие запасы попутного газа, и Лунского нефтегазоконденсатного. В начале 1991 г. состоялось новое совещание с участием руководителей главка Миннефтепрома, "Главморнефти" и производственного объединения "Сахалинморнефтегаз" и других структур, связанных с разработкой шельфа. Представители этих ведомств активно обсуждали вопрос об организации тендера среди иностранных нефтяных компаний по разработке технико-экономического обоснования (ТЭО) и освоения Пильтун-Астохского и Лунского месторождений. В 1989–1991 гг. союзно-республиканское Министерство нефтяной и газовой промышленности возглавлял Л. И. Филимонов, хорошо знавший ситуацию на Сахалине, поскольку в 1959–1979 гг. работал в объединении "Сахалиннефть"². Тогда правовой основой для проведения тендера стало Постановление Совмина СССР о совместных предприятиях в нашей стране [32]. Депутаты Сахалинского областного совета, опираясь на информацию геологоразведки³ и ориентированные на реформы, надеялись, что иностранные инвестиции помогут быстро обновить социально-бытовую инфраструктуру на территории, и 20 января 1991 г. они поддержали действия чиновников. В 1991 г. победителем состоявшегося международного конкурса на разработку ТЭО освоения лицензионных участков стал "консорциум МММ" компаний Marathon (США), McDermott (США) [21, с. 2–4].

Экономическое положение в Сахалинской области стало и для чиновников-хозяйственников и для депутатов основным публичным аргументом в пользу проектов привлечения иностранных инвестиций в нефтяную отрасль. Общий объем капитальных вложений по области в 1992 г. по сравнению с 1991 г. сократился на треть и составил 13,2 млрд руб. (ГИАСО. Ф. Р-54. Оп. 1. Д. 1319. Л. 32–33)⁴. Правительство поспешило объявить международный тендер на освоение Пильтун-Астохского нефтегазового и Лунского газоконденсатного месторождений, даже не приняв Закон РФ "О недрах" (это произошло позже, см ФЗ РФ от 21.02.1992 N 2395-1). В январе 1992 г. иностранный консорциум, включающий американские компании McDermott International и Marathon Oil, японской Mitsui & Co и британо-голландской Royal Dutch Shell, выиграл тендер [9]. Но тогда по этому вопросу сложилась неординарная ситуация: губернатор области В.П. Фёдоров выступил против участия консорциума в освоении этих месторождений нефти. Была создана специальная правительственная Комиссия, которая состояла из 17 чел. и должна

² Л.И. Филимонов в 1959–1979 гг. работал в объединении "Сахалиннефть": сначала бурьшиком, буровым мастером, начальником производственно-технического отдела, начальником управления буровых работ, а затем главным инженером.

³ Совокупные извлекаемые запасы данных объектов оценивались в 176 млн т жидких углеводородов, а также в 600 млрд м³ газа.

⁴ ГИАСО – Государственный Исторический архив Сахалинской области

была подвести итоги конкурса. Возглавлял её министр природных ресурсов В. Данилов-Данильян, он попытался убедить Федорова признать правомерность конкурса, но последний занял твердую позицию и отказался признать победителем конкурса консорциум МММС. В.П. Фёдоров представлял особый тип политика – интеллектуала⁵: будучи активным сторонником реформ, он имел особый взгляд на их проведение, более того, интересы населения Сахалина стремился поставить на первый план. Фёдоров попытался усилить свои позиции за счет принятия региональной программы развития отрасли. 20 мая 1992 г. вышло Постановление губернатора Сахалинской области "Об областной государственной программе "Нефтегазовые ресурсы" о. Сахалин и прилегающего шельфу". (ГИАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 18. Л. 145–146). Однако этой программе не суждено было реализоваться, а Фёдоров вынужден был покинуть свой пост в силу ряда разных причин. Тем не менее мнение чиновников высшего ранга при обсуждении вопроса и опыт Сахалина в сфере проведения тендера по участию иностранцев в разработке шельфовых участков нефти и газа дал реформаторам-политикам и управленцам отрасли серьезные аргументы для отстаивания своих позиций: приход иностранцев в нефтегазовую отрасль дает много выгод России. Проведенные конкурсы подготовили почву для разработки либерального закона.

Между Указом Президента Б.Н. Ельцина № 2285 и принятием Закона. Через два месяца после расстрела Парламента в России появился Указ Президента Б.Н.Ельцина № 2285 "О Соглашениях о разделе продукции" [47], стимулировавший широкое обсуждение темы СРП и сахалинских шельфовых проектов. Е.Т. Гайдар, выступая в Вашингтоне в фонде "Наследие", в июне 1993 г. с восторгом докладывал иностранцам: "Мы начинаем приватизацию в нефтяной, газовой и угольной отраслях..." [6].

В начавшейся дискуссии сразу же обозначились в основном два подхода в концептуальном понимании и на уровне обсуждения отдельных вопросов, хотя на тот момент в России были и такие политики, эксперты, которым трудно было определиться. Мнение о "колониальном характере" СРП довольно широко было распространено и среди экономистов-гайдаровцев, и это несмотря на то, что именно Е.Т. Гайдар "завизировал и лично отнёс на подпись Б.Н. Ельцину "знаменитый" Указ № 2285.." [22]. Забегая вперед, заметим: в 1994–1995 гг., во время голосования в Госдуме по Закону "О СРП", возглавляемая Е. Гайдаром фракция "Выбор России" активно поддерживала версию законопроекта, которую подготовили ученые, будучи экспертами разных комитетов в Госдуме (А. Конопляник, А. Михайлов и А. Мельников от фракции "Яблоко") [22].

Группа бывших участников переговоров по проекту "Сахалин-2" во главе с заместителем Министра топлива и энергетики В. Двуреченским весной 1994 г. в инициативном порядке начала подготовку проекта Закона⁶. В этом же году появилось еще одно экспертное сообщество – специальная межведомственная рабочая группа (МРГ) по разработке пакета нормативных документов к Указу Президента РФ "Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами". Её руководителем стал А.А. Конопляник, консультант ряда Комитетов ГД, этот ученый возглавил группу разработчиков законодательства "О СРП". В дальнейшем он становится главным участником дискуссии и рекордсменом по числу публикаций вплоть до наших дней. В 1995 г. А.А. Конопляник защитил докторскую диссертацию на тему "Концепция привлечения иностранных инвестиций в российскую энергетику", активно вне-

⁵ Губернатор Сахалинской области в 1990–1993 гг. Доктор экономических наук, профессор. В 1964–1985 гг. работал в ИМЭМО АН СССР. В одних интервью он говорил об осторожном демонтаже унаследованной хозяйственной системы, а в других прямо заявлял: "моя цель – силой внедрить демократическую экономику".

⁶ В 1994 г. нефтяная отрасль в России особенно испытывала трудности. Выход из создавшейся ситуации виделся в скорейшей реструктуризации отрасли, предполагавшей создание на базе Министерства нефтяной промышленности, а затем и его правопреемницы – корпорации "Роснефтегаз", частных вертикально интегрированных нефтегазовых компаний (ВИНК). В 1997 г. доля государственной собственности в нефтяной отрасли снизилась до 10,6%. Во многом судьба нефтяных компаний определялась "политическим весом" возглавивших их фигур [2].

дряя свои теоретические разработки в практику, о чем говорит вся его профессиональная деятельность⁷.

Летом 1994 г. рабочая группа экспертов Комитета экономической политики Государственной думы (КЭПП) работала в тесном контакте с МРГ. Эксперты пришли к выводу о необходимости подготовки проекта закона о концессиях как "рамочного" закона и его тесной увязки в единый пакет со специальным законом "О СРП", который, по их мнению, должен сопровождаться пакетом нормативных документов, подготовленных к Указу № 2285. Подробно свое научное мнение А.А. Конопляник изложил 17–19 октября 1994 г. в Москве на международном семинаре [16].

Еще раньше, 7 сентября 1994 г., Правительство РФ поручило Минэкономики и другим ведомствам доработать проект закона "О концессионных договорах, соглашениях о предоставлении услуг и соглашениях о разделе продукции, заключаемых с иностранными инвесторами". Министерство внешнеэкономических связей (МВЭС) этот документ представило еще в апреле. 29 сентября 1994 г. вышло Постановление Правительства РФ № 1108 "Об активизации работы по привлечению иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации". В нем подчеркивалось: "Считать работу федеральных органов исполнительной власти, связанную с привлечением иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации, созданием благоприятного правового, налогового, таможенного режима для зарубежных инвесторов, принципиально важной задачей" [31].

Обсуждение набирало силу, расширялся круг экспертов и участников дискуссии. Так, КЭП ГД образовал Рабочую группу экспертов на базе МРГ (А. Конопляник, А. Аверкин, И. Амиров, Е. Дьячкова, В. Грушин, М. Субботин, Ю. Швембергер, С. Шлыков) для завершения разработки закона "О СРП" – на принципах Указа № 2285 и в тесной увязке с проектом закона "О концессионных договорах". К этому времени последний был уже подготовлен другой группой экспертов КЭП ГД (А. Конопляник, Л. Линник, С. Сосна, М. Субботин, Ю. Юмашев).

Первый вице-премьер Правительства РФ О. Сосковец дал поручение специалистам Минэкономики совместно с рядом других ведомств рассмотреть подготовленный "узкий" вариант закона о "СРП" под руководством В.А. Двуреченского⁸ с учетом готовящегося документа Правительством.

В итоге при обсуждении вопроса о реализации Указа Ельцина сложилась неординарная ситуация в результате позиции большинства депутатов ГД. Перед вынесением закона на рассмотрение Госдумы в первом чтении 24 ноября 1994 г. особенность ситуации состояла в том, что в ходе дискуссии Совет Думы одобрил оба законопроекта и разослал их на заключение в Правительство и субъектам Федерации. 12 января 1995 г. Президент РФ направил в Госдуму вариант закона "О соглашениях о разделе продукции при поль-

⁷ А.А. Конопляник с 1979 г. – научный сотрудник в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР, до конца 1980-х гг. занимался исследованием вопросов развития мировой энергетики. В 1990 г. был приглашен в Госплан СССР, где до конца 1991 г. работал главным специалистом, занимаясь преимущественно международно-правовыми аспектами привлечения иностранных инвестиций в энергетику. В период с декабря 1991 по середину 1993 гг. – Зам. Министра топлива и энергетики РФ по внешнеэкономическим связям и иностранным инвестициям, возглавлял российскую делегацию на переговорах по Договору к Энергетической хартии. С 1993 г. по 2002 г. был внештатным советником Вице-премьера Е. Гайдара и в ряде федеральных министерств (топлива и энергетики, экономики, финансов), а также консультантом ряда Комитетов Государственной Думы. После принятия Госдумой РФ в 1995 г. закона об СРП, в 1996–1999 гг. стал Исполнительным директором Российского Банка Реконструкции и Развития, куда пришел, чтобы на основе законодательства о СРП сформировать РБПР. Дефолт 1998 г. помешал реализации этих планов. В 2013 г. – Советник генерального директора ООО "Газпром экспорт", Почетный профессор многих зарубежных университетов, член редакционных советов журналов "Нефть России", "Нефтегазовая Вертикаль", "Oil, Gas & Energy Law (OGEL)", "Energy Strategy Reviews", Международного консультативного совета журнала "Energy Policy", Экспертного совета журнала "Нефть, газ и право". [Подробнее см.: 23].

⁸ В.А. Двуреченский, заместитель Министра топлива и энергетики Российской Федерации, кандидат геолого-минералогических наук – первый заместитель председателя, член Центральной комиссии по разработке нефтяных и нефтегазовых месторождений России Минтопэнерго России, созданной в 1993 г.

зовании недрами" (слегка подкорректированный во след "думскому" варианту – "узкого" варианта Закона "О СРП") [43]. Комитет по экономической политике ГД отправил же свой вариант в регионы и экспертам, а также руководству добывающих компаний. От ряда отечественных и иностранных нефтяных и горнодобывающих компаний, банков, консультационных и юридических фирм в Госдуму поступило почти 2000 отзывов [41; 43]. 14 февраля 1995 г. все-таки был сформирован пакет из двух законопроектов: "О концессионных и иных договорах, заключаемых с российскими и иностранными инвесторами" и "О соглашениях о разделе продукции", который и вынесен на Совет Думы. Но депутаты на заседание Госдумы в первом чтении 24 февраля отклонили правительственный проект "О концессионных и иных договорах...", приняв "думский" "О соглашениях о разделе продукции". [41].

После такого длительного и трудного обсуждения Закон "О СРП" был принят ГД только 14 июня 1995 г., но российские сенаторы его не поддержали. Некоторые из них не одобрили идею СРП в принятом варианте. Жаркие дискуссии, включая попытку вынести вопрос на голосование при минимальном кворуме, поставили под сомнение возможность его одобрения по "техническим причинам". После рассмотрения вопроса 27 июля СФ принял неординарное решение – голосовать по закону опросными листами, а подведение итогов такого голосования перенесли на осень.

Одновременно была создана Согласительная комиссия ГД и СФ, дискуссии, проходившие в течение двух месяцев, отразились в медийном пространстве. Доминировали две основные точки зрения членов комиссии. Первая принадлежала группе разработчиков во главе с А.А. Конопляником [22], утверждавшим, что работа Согласительной комиссии привела к правовому и экономическому подлогу документа [17, с. 17]. Автор, проявляя заботу об интересах инвесторов в своей статье, приводит примеры поправок, "убивающих" закон о СРП. Другое мнение выразил Ю. Болдырев, заместитель председателя Согласительной комиссии (от СФ), отвечая разработчикам: "...мы стремились в законе, определяющим судьбу российской собственности на сотни миллиардов долларов, заложить механизмы привлечения инвестиций в отечественную экономику, не допуская растрат наших полезных ископаемых, исключать дискриминацию отечественных производителей оборудования..." [3, с. 153]. В это же время сложилась солидарная позиция сопредседателей Ю.Ю. Болдырева (СФ) и С.Ю. Глазьева (ГД) о необходимости жесткого контроля государства за заключением таких крупных сделок, что было выражено на пресс-конференции, проходившей 30 ноября 1995 г. [3, с. 385–388]. Завершился этот этап политической дискуссии лишь 5 декабря, буквально накануне окончания работы Пятой Государственной Думы. 6 декабря 1995 г. Закон "О СРП" приняли в так называемом откорректированном варианте Согласительной комиссии. Вся фракция движения "Яблоко" (за исключением П. Шелица) голосовала против. 19 декабря закон был одобрен Советом Федерации, а 30 декабря – подписан Б.Н. Ельциным, Президентом РФ, 11 января 1996 г. вступил в силу. О пунктах, вошедших в этот закон и невыгодных для России, подробно пишет Ю. Болдырев [3, с. 385–388]. На этом общественно-политическая дискуссия не закончилась, наступил так называемый этап разработки механизма его исполнения. Члены движения "Яблоко" активизировали свою экспертную и просветительскую работу через СМИ. Впоследствии такие материалы вошли в книжные публикации [51]. Особую роль в поддержке сподвижников Г. Явлинского продолжали играть выступления и публикации А. Конопляника, М. Субботина⁹ [22; 34; 39]. Факты их биографий также проливают свет на характер интерпретацию событий и на критические суждения. Эти эксперты признавали, что Закон "О СРП" тяжело приживался на российской почве, он сталкивался с предубеждением левых депутатов,

⁹ Субботин М.А. Один из разработчиков закона "О соглашениях о разделе продукции" и пакета нормативных документов к нему, а также законопроектов "О внесении в законодательные акты Российской Федерации изменений и дополнений, вытекающих из Федерального закона "О соглашениях о разделе продукции" и "О концессионных и иных договорах". Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской Академии наук (ИМЭМО РАН). Консультант Комитета по природным ресурсам и природопользованию Государственной Думы РФ, эксперт Министерства топлива и энергетики РФ. Автор более 80 научных работ.

"которые, как пуганая ворона, не могли оценить его после шока, пережитого от приватизации... уже четырежды менялся сам закон, а с заключением соглашений воз и ныне там. Как будто не прошло аж 8(!) лет с момента принятия закона "СРП". ...Пионеры СРП на Сахалине уже начали вторую стадию разработки своих проектов и объявили о запуске инвестиционных программ в размере под 20 млрд. долл. А в органах государственной власти все продолжают тяжкие размышления: нужны ли России СРП". [25, с. 6].

В 1996–1999 гг. борьба между одними политиками, экспертами и другой группой достигла пика и стала определенным результатом работы сначала левой Думы, затем Счетной палаты. Группа депутатов ГД направила на экспертизу в Счетную палату (тогда по статусу еще независимую от правительства) представленный В.С. Черномырдиным общий список в 250 объектов, которые могли использовать Закон СРП, и та дала отрицательное заключение. Правительству Черномырдина пришлось отзывать список, не дожидаясь его официального отклонения.

Сахалинские проекты в оценке отдельных политиков и в контексте проверок Счетной Палаты после 1996 г. Обсуждение Закона "О СРП" проходило в России в условиях, когда новые международные консорциумы стратегически стремились войти в проекты по добыче нефти на шельфе российского острова. Сахалинские соглашения были заключены за полтора года до принятия закона РФ, и в них не нашли отражения положения Закона 1995 г. [4, 38–40]. После принятия закона РФ значительная часть местной политической и хозяйственной элиты поддерживала Центр. Например, губернатор области И.П. Фархутдинов в приходе иностранных инвестиций в нефтяную отрасль не видел рисков. Отвечая на письмо В.В. Жириновского, он констатировал: "...администрация Сахалинской области ... сведениями о дискриминации российских предприятий при выполнении работ по проектам "Сахалин-1" и "Сахалин-2" не располагает" (ГИАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 1160. Л. 114–115). Губернатор акцентировал всё свое внимание на успехе реализации проектов: "только за 1998 год в рамках реализации названных проектов российских предприятия и организации получили более 600 контрактов и субконтрактов на сумму больше 220 миллионов рублей, а операторам проектов администрацией области было рекомендовано в качестве потенциальных подрядчиков 219 сахалинских, 71 хабаровское и 73 приморских предприятий и организаций различного профиля". (ГИАСО. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 1160. Л. 114–115).

Особыми участниками дискуссий по сахалинским проектам стали члены Счетной палаты, поставив в центр обсуждения вопрос: кто и как будет получать прибыль от сахалинских шельфовых проектов? И какие же были нарушения в период осуществления СРП на первом этапе их реализации. Специалисты провели проверки в 1998, 1999 и 2000 гг. Очевидными оказались многие нарушения, сделанные "пионерами" СРП на Сахалине. Во-первых, из общей суммы платежей в бюджеты отчислений на воспроизводство минерально-сырьевой базы были исключены акцизы на углеводороды за период добычи предполагаемого в соответствии с условиями Соглашений объема нефти, что снизило расчетные поступления в бюджет в среднегодовом исчислении на сумму 1875 млн долл., а за весь период – на 61 692 млн долл. в том числе в федеральный бюджет – 51 766,7 млн долл. [37]. Были выявлены и другие риски для России. В Соглашениях не предусматривалось утверждение годового отчета об исполнении программ работ и смет затрат, отсутствовали реальные ограничения на состав и объем затрат, возмещаемых российским сырьем. В Соглашении "Сахалин-1" отсутствовало требование о проведении ежегодного аудита, не была определена номенклатура возмещаемых затрат. "В Соглашениях "Сахалин-1" и "Сахалин-2" в недостаточной мере учтены интересы государства по вопросам экологии, недропользования, обеспечения поступления средств в бюджеты, а также государственного контроля" [38]. Отмечались и другие нарушения в механизме реализации соглашений по "Сахалину-1" и "Сахалину-2". Годовые отчеты Сахалин Энерджи составлялись с отклонениями от установленных принципов бухгалтерского отчета и не соответствовали требованиям, предусмотренным проектом "Сахалин-2". Не было достоверной и полной информации о затратах [3, с. 266–271]. Но в местном экспертном со-

обществе лишь в 2000-е годы началось обсуждение вопроса об экономических выгодах сахалинских проектов и экологических рисках.

Заключение. Россия в эпоху либеральных реформ попала в мировую экономическую "ловушку", а острый дефицит материальных и финансовых ресурсов и проблемы с техническим обеспечением нефтегазовой отрасли в целом в стране и на Сахалине в частности дали старт идее привлечения иностранных инвестиций в островные шельфовые проекты. Это стало первым этапом дискуссий по общероссийскому либеральному Закону СРП. Специфика того времени – доминирование мнения чиновников из центральных министерств. Региональное политическое сообщество разделилось: местные депутаты поддержали режим СРП, а губернатор Федоров оказался фактически одиночкой в сложившейся ситуации. Чиновники высшего ранга став инициаторами общероссийской дискуссии, обратились за поддержкой к группе экспертов из числа ученых с либеральными взглядами.

На следующем этапе (1993–2000 гг.), хотя и произошло усиление политической когорты участников дискуссии за счет вывода идеи на уровень законодательного обсуждения, представители ведущих отраслевых ведомств оставались активными проводниками концепции СРП. Такая ситуация сопровождалась формированием разных экспертных групп и расширением площадок обсуждений; появлением новых форм научной презентации либеральной концепции по внедрению её в законодательство РФ, неоднозначных предложений по реализации Указа Президента РФ № 2285. В Государственной думе и Совете Федерации доминировала "позиция осторожности", что выразилось в попытке политиков найти компромисс в рамках согласительной комиссии. Эксперты, так называемые радикалы, обвиняли своих оппонентов в чрезмерном патриотизме, преувеличении негативных последствий российской приватизации в нефтегазовой отрасли. Группа умеренных патриотов прогнозировали риски, которые нес Закон СРП для российской стороны даже в откорректированном формате. Спектр мнений по начальному этапу реализации сахалинских проектов и после принятия Закона отражает эту общую тенденцию.

Часть сахалинской дискуссии завершилась победой реформаторов: "Сахалин-1" и "Сахалин-2" были исключены из-под действия Закона РФ, вступившего в силу 11 января 1996 г, в рамках рассматриваемого нами периода. В основе всех дискуссий по привлечению иностранных инвесторов в нефтегазовую отрасль мы видим конфликт интересов, который находился за фасадом научных взглядов и позиций политиков. В ходе исследования выявлен парадоксальный исторический урок: благодаря длительности дискуссии, позициям некоторых депутатов ГД РФ, сенаторам, а также бюрократической затяжке многих процедурных моментов при обсуждении, эксперимент с реализацией СРП в нефтегазовой отрасли состоялся в основном на Сахалине и в Ненецком округе.

Литература

1. Акимова А.А. Привлечение иностранных инвестиций в топливно-энергетический комплекс Дальнего Востока России: Автореф. ... дис. канд. эконом. наук. М.: Изд-во "МГИМО-Университет", 2009. 27 с.
2. Бодрова Е.В., Гусарова М.Н., Калинов В.В. Развитие нефтегазового комплекса России в 1990-е гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2014. № 2. С. 69–73.
3. Болдырев Ю. Похищение Евразии. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. 448 с.
4. Ващук А.С. Коваленко С.Г. История сахалинских шельфовых проектов: советское наследие и "соглашения о разделе продукции" (1970-е – 1995 гг.) // Вопросы истории. 2022. № 6(2). С. 28–43.
5. Внутренний фронт экономической войны. Соглашение о разделе продукции (СРП) // Newsland: Политика. Gen 2013. 13.05.2015. URL: <https://maxpark.com/community/13/content/3464341> (дата обращения: 10.01.2023).
6. Гайдар Е. Выступление в Фонде "Наследие" в Вашингтоне. "После победы Ельцина: будущее экономических реформ" // Архив Егора Гайдара. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/1941> (дата обращения: 10.01.2023).
7. Генеральный директор МНТК "Нефтеотдача", член-корреспондент АН СССР Сургучев М.Л. Пакет документов: Об условиях участия иностранных фирм в разведке и разработке нефтя-

ных месторождений. Требования по сейсмике. Балансы нефти и нефтепродуктов по республикам 01.10.1991 // Архив Егора Гайдара. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/2531> (дата обращения: 10.01.2023).

8. Девять Сахалинов // Центральное диспетчерское управление. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2014/8/302/ (дата обращения: 12.12.2021).

9. Дорощев В. Консорциум МММ, кажется, проплывает мимо Сахалинского шельфа // Коммерсант.ру (сайт). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4779> (дата обращения 12.12.2021).

10. Дума приступила к разделу продукции // Газета.RU. – Сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/parliament/articles/4943.shtml> (дата обращения: 12.02.2022).

11. Ельцин Б.Н. Стенограмма заседания V съезда народных депутатов РСФСР и текст выступления на нем Б.Н. Ельцина 28.10.1991 г. (с правками Б.Н. Ельцина) (копия) С. 101, 102, 134-137 // YELTSIN.RU – официальный сайт. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/10378/?ysclid=idkzux9ff0630073307> (дата обращения: 10.01.2023).

12. Ждановская А.А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный банк и ВТО. Кн.2. Россия в неолиберальной петле. Изд. 2. М.: ЛЕНАНД, 2016. 264 с.

13. Зерщикова Н.И. Особенности применения соглашений о разделе продукции в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 3(3). С. 75-84.

14. Ильинский И.М. Как посол США Мэтлок управлял "перестройкой" // Российское общество. 2017. № 1. С. 5-49.

15. История борьбы за СРП // Яблоко – официальный сайт. URL: https://www.yabloko.ru/Pub/Book/SRP/srp_0023.html (дата обращения: 10.01.2023).

16. Конопляник А. Концепция легализации соглашений о разделе продукции в России: ключевые аспекты. URL: <http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/155/155.HTM> (дата обращения: 10.01.2023).

17. Конопляник А.А. Как был сфальсифицирован закон о разделе продукции // Нефть и капитал. 1996. № 1. С. 13-17.

18. Конопляник А.А. Реформы в нефтяной отрасли России (налоги, СРП, концессии) и их последствия для инвесторов. М.: "Олита", 2002. 224 с.

19. Конопляник А.А. Средство от "правового вакуума". Уровень экономического и правового развития государства определяет выбор инвестиционных режимов в недропользовании // Нефть России. 2012. № 8. С. 20-24.

20. Конопляник А.А., Оганесян С.А., Ретюнин А.П. Нефть и газ Сахалинского шельфа: Конкурс инфорфирм // Экономика и хозрасчет предприятий топливно-энергетического комплекса (Межотраслевой информационный бюллетень). 1992. Вып. 3. С. 7-18.

21. Конопляник А.А., Оганесян С.А., Ретюнин А.П. Проблемы освоения Сахалинского шельфа // Нефтяное хозяйство. 1992. № 6. С. 2-4; № 7. С. 2-6.

22. Конопляник А.А., Субботин М.А. Тяжба о разделе (дискуссия вокруг закона о соглашениях о разделе продукции). М.: ВНИИОЭНГ, 1996. 222 с. URL: <http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/b33/srp-ks.html> (дата обращения: 10.01.2023).

23. Конопляник Андрей Александрович // Дипломатическая академия МИД России. URL: <https://www.dipacademy.ru/sample/konoplyanik-andrej-aleksandrovich/> (дата обращения: 10.01.2023).

24. Минтопэнерго РСФСР. Лопухин В. – Гайдару Е.Т. О крупном недостатке финансовых ресурсов у предприятий нефтяной и газовой промышленности // Архив Егора Гайдара. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/tags/details/4377> (дата обращения: 10.01.2023).

25. Михайлов А. Ю., Субботин М.А. "Яблоко" и законодательство о соглашениях о разделе продукции (СРП). М.: ЭПИцентр, Интеграл-Информ, 2003. 265 с.. URL: <https://www.yabloko.ru/Pub/Book/SRP/index.html> (дата обращения: 10.01.2023).

26. Михайлов А.Ю., Субботин М.А. "Яблоко" и СРП. М.: ЭПИцентр, Интеграл-Информ, 2003. 127 с. URL: <https://www.yabloko.ru/Pub/Book/SRP/SRP.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

27. О формировании российской внешнеэкономической политики // Архив Егора Гайдара. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/2531> (дата обращения: 10.01.2023).

28. Об условиях участия иностранных фирм в разработке нефтяных месторождений. (М.Л. Сургучев. 01.10.1991) // Архив Егора Гайдара. URL: <http://www.gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/4372> (дата обращения: 10.01.2023).

29. Обзор ценовой политики и распределения продовольствия в СССР/РСФСР // Архив Егора Гайдара. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/tags/details/4377> (дата обращения: 10.01.2023).

30. Островский А. В. Расстрел "Белого дома". Черный Октябрь 1993 года. М.: Изд-во "Книжный мир", 2014. 640 с.

31. Постановление Правительства № 1108 "Об активизации работы по привлечению иностранных инвестиций в экономику Российской Федерации" // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/102613/> (дата обращения: 10.01.2023).

32. Постановление Совмина СССР от 13.01.1987 N 49 (ред. от 03.09.1990) "О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1861/ (дата обращения: 10.01.2023).

33. Россоховатская Д., Хвостунова О. Сахалинский нефтераздел // Коммерсант – официальный сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1088064> (дата обращения: 10.01.2023).
34. Раздел продукции: за и против / под общ. ред. М.А. Субботина. М.: Тактика, 2007. 448 с.
35. Рыжков Н.И. Главный свидетель. М.: Эксмо, 2009. 240 с.
36. "Сахалин-1" перешел в новые руки: почему российская компания стала новым управляющим проекта. Отечественные эксперты заявили о неэффективности деятельности проектов по соглашению о разделе продукции // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/09/sakhalin1-pereshel-v-novye-ruki-pochemu-rossiyskaya-kompaniya-stala-novym-upravlyayuushhim-proekta.html> (дата обращения: 10.01.2023).
37. Сахалинский шельф. Материалы Счетной Палаты РФ. 25.02.00 // Авантюра века, или Парадоксы сахалинского шельфа / сост. В.К. Горохов. М., 2001. URL: http://vff-s.narod.ru/sh/sp/p1_90.htm (дата обращения: 10.01.2023).
38. Сахалинский шельф. Материалы Счетной Палаты РФ. 09.02.01. Отчет Счетной палаты Российской Федерации /сост. В.К. Горохов. М., 2001. URL: http://vff-s.narod.ru/sh/sp/p2_00.htm (дата обращения: 12.12.2022).
39. Спор об СРП / под ред. А. Арбатова и А. Конопляника. М.: "Олита", 2003. 228 с.
40. Срочное донесение. Премьер-министру – председателю союзно-республиканского валютного комитета Павлову В.С. О резком ухудшении к началу февраля 1991 года валютного положения страны. 06.02.1991. //Архив Егора Гайдара. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/tags/details/4377> (дата обращения: 10.01.2023).
41. СРП в России. Принятие закона "О СРП" // ЯБЛОКО – официальный сайт. URL: https://www.yabloko.ru/Publ/Book/SRP/srp_0010.html (дата обращения: 10.01.2023).
42. Стенограмма заседания Комитета Совета Федерации России по бюджету, финансам, таможенному и налоговому регулированию. 3 июля 1995 года. Обсуждение закона "О соглашениях о разделе продукции", принятого Государственной Думой России 14 июня 1995 года // Агентство "Наследие отечества". URL: http://old.nasledie.ru/finansii/23_10/article.php?art=40 (дата обращения: 10.01.2023).
43. Субботин А.М. "Яблоко" и законодательство о соглашениях о разделе продукции (СРП) //Яблоко – официальный сайт. URL: <https://www.yabloko.ru/Publ/Book/SRP/index.html> (дата обращения: 10.01.2023).
44. "Ты помнишь, как все начиналось..." (исполнилось четверть века с момента подписания Указа о СРП) // Нефть России. 2018. № 11-12. С. 12-20. URL: <http://www.konoplyanik.ru/publications> (дата обращения: 10.01.2023).
45. Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2022 № 416 "О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций" // ПРАВО – Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206300033> (дата обращения: 10.01.2023).
46. Указ Президента РФ от 07.10.2022 N 723 "О применении дополнительных специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428435/ (дата обращения: 10.01.2023).
47. Указ Президента РФ от 24.12.1993 N 2285 "Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами". URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/41790/> (дата обращения: 10.01.2023).
48. Чиновники не умеют делить продукцию. Так решила Счетная палата // Газета "Коммерсантъ" № 26 от 14.02.20. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/168313?ysclid=lcmzq3rlg7221539481> (дата обращения: 10.01.2023).
49. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социального лагеря. Минск: Авест, 1995. 464 с.
50. Эпоха Ельцина. Очерки политической истории. Изд. 2-е. М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. 815 с.
51. Явлинский Г. О российской политике. Выступления и статьи (1994–1999 гг.). М.: ЭПИ-центр, 1999. 417 с.

References

1. Akimova A.A. Attracting foreign investments in the fuel and energy complex of the Russian Far East: Abstract. Cand. in Economics. M.: Publishing house "MGIMO-University", 2009. 27 p. (In Russ.).
2. Bodrova E.V., Gusarova M.N., Kalinov V.V. Development of the Russian oil and gas complex in the 1990s. // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2014. No. 2. P. 69–73. (In Russ.).
3. Boldyrev Yu. The Abdication of Eurasia. Moscow: Eksmo Publishing House, Algorithm Publishing House, 2004. 448 p. (In Russ.).
4. Vashchuk A.S. Kovalenko S.G. The history of Sakhalin offshore projects: soviet legacy and production sharing agreements (1970s–1995) // Questions of History. 2022. № 6(2). P. 28-43. (In Russ.).

5. The domestic front of the economic war. Production Sharing Agreement (PSA) // Newsland: Politics. Gen 2013. 13.05.2015. URL: <https://maxpark.com/community/13/content/3464341> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
6. Gaidar E. Speech at the Heritage Foundation in Washington. "After Yeltsin's victory: the future of economic reforms" // Yegor Gaidar Archive. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/1941> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
7. Director General of ISTC "Nefteotdacha", Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Surguchev M.L. Package of documents: On the conditions of participation of foreign companies in the exploration and development of oil fields. Requirements for seismics. Balances of oil and petroleum products by republics on 01.10.1991 // Yegor Gaidar Archive. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/2531> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
8. Nine Sakhalinis // Central Dispatch Directorate of the Fuel and Energy Complex. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2014/8/302/ (accessed 12.12.2021). (In Russ.).
9. Dorofeev V. MMM consortium seems to be sailing past Sakhalin shelf // Kommersant.ru (site). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4779> (accessed 12.12.2021). (In Russ.).
10. Duma started dividing the products // Gazeta.RU. – Web-site. URL: <https://www.gazeta.ru/parliament/articles/4943.shtml> (accessed 12.02.2022). (In Russ.).
11. Yeltsin B.N. Transcript of the meeting of the V Congress of People's Deputies of the RSFSR and the text of the speech by B.N.Yeltsin on 28.10.1991. (with the edits by B.N.Yeltsin) (copy) // YELTSIN.RU – site. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/10378/?ysclid=ldkzux9ff0630073307> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
12. Where are the IMF, World Bank and WTO leading Russia? Book 2. Russia in a neoliberal loop. Ed. 2. Moscow: LENAND, 2016. 264 p. (In Russ.).
13. Zershchikova N.I. Peculiarities of the application of production sharing agreements in Russia // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2008. No. 3(3). P. 75-84. (In Russ.).
14. Ilyinsky I.M. How the U.S. Ambassador Matlock managed "perestroika" // Russian society. 2017. № 1. P. 5-49. (In Russ.).
15. History of the struggle for the PSA // Yabloko – official site. URL: https://www.yabloko.ru/Publ/Book/SRP/srp_0023.html (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
16. Konoplyanik A. Concept of legalization of production sharing agreements in Russia: key aspects. URL: <http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/155/155.HTM> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
17. Konoplyanik A.A. How the Law on Production Sharing was falsified // Oil and capital. 1996. No. 1. P. 13-17. (In Russ.).
18. Konoplyanik A.A. Reforms in Russia's oil sector (taxes, PSA, concessions) and their implications for investors. Moscow, "Olita" Publ., 2002. 224 p. (In Russ.).
19. Konoplyanik A.A. Remedy from "legal vacuum". The level of economic and legal development of the state determines the choice of investment regimes in subsoil use // Oil of Russia. 2012. No. 8. P. 20-24. (In Russ.).
20. Konoplyanik A.A., Oganessian S.A., Retunin A.P. Oil and gas of the Sakhalin shelf: Competition of foreign companies // Economics and self-financing of enterprises of the fuel and energy complex (Inter-industry newsletter). 1992. Issue. 3. P. 7-18. (In Russ.).
21. Konoplyanik A.A., Oganessian S.A., Retunin A.P. Problems of development of Sakhalin shelf // Oil economy. 1992. No. 6. P. 2-4; No. 7. P. 2-6. (In Russ.).
22. Konoplyanik A.A., Subbotin M.A. Division litigation (discussion around the law on production sharing agreements). Moscow: VNII OENG, 1996. 222 c. URL: <http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/b33/srp-ks.html> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
23. Konoplyanik Andrey Aleksandrovich // Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. URL: <https://www.dipacademy.ru/sample/konoplyanik-andrej-aleksandrovich/> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
24. Ministry of Fuel and Energy of the RSFSR. Lopukhin V. to Gaidar E.T. On the major shortage of financial resources of oil and gas industry enterprises // Yegor Gaidar Archive. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/tags/details/4377> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
25. Mikhailov A., Subbotin M. "Yabloko" and the legislation on production sharing agreements (PSA). Moscow: Integral-Inform, 2003. 127 p. URL: <https://www.yabloko.ru/Publ/Book/SRP/index.html> (accessed 10.01.2023) (In Russ.).
26. Mikhailov A., Subbotin M. "Yabloko" and the PSA. Moscow: Integral-Inform, 2003. 127 c. (In Russ.).
27. On the formation of Russian foreign economic policy // Yegor Gaidar Archive. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/2531> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
28. On the conditions of participation of foreign firms in the development of oil fields. (M.L.Surguchev. 01.10.1991) // Yegor Gaidar Archive. URL: <http://www.gaidar-arc.ru/file/bulletin-1/DEFAULT/org.stretto.plugins.bulletin.core.Article/file/4372> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
29. Review of price policy and food distribution in the USSR/RSFSR // Yegor Gaidar's Archive. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/tags/details/4377> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
30. Ostrovsky A.V. The shooting of the "White House". Black October of 1993. Moscow: Book World Publishing House, 2014. 640 p. (In Russ.).

31. Government Resolution No. 1108 "On the intensification of work to attract foreign investment into the economy of the Russian URL: <https://base.garant.ru/102613/> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
32. Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 13.01.1987 No. 49 (ed. of 03.09.1990) "On the procedure for the establishment on the territory of the USSR and the activities of joint ventures with the participation of Soviet organizations and firms of capitalist and developing countries". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1861/ (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
33. Rossokhovatskaya D., Khvostunova O. Sakhalin oil divide // Kommersant – official site. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1088064> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
34. Partition of production: for and against / ed. by M.A.Subbotin. Moscow: Tactics, 2007. 448 p. (In Russ.).
35. Ryzhkov N.I. Main witness. Moscow: Eksmo, 2009. 240 c. (In Russ.).
36. "Sakhalin-1" passed into new hands: why a Russian company became the new project manager. Domestic experts declared the ineffectiveness of the projects under the Production Sharing Agreement // Moskovsky Komsomolets. URL: <https://www.mk.ru/economics/2022/10/09/sakhalin1-perehel-v-novye-ruki-pochemu-rossiyskaya-kompaniya-stala-novym-upravlyayushhim-proekta.html> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
37. Sakhalin shelf. Materials of Audit Chamber of the Russian Federation. 25.02.00 // Advent of the century, or paradoxes of the Sakhalin shelf / comp. V.K. Gorokhov. Moscow. 2001. URL: http://vff-s.narod.ru/sh/sp/p1_90.htm (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
38. Sakhalin shelf. Materials of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Report of the Accounts Chamber of the Russian Federation / comp. V.K. Gorokhov. Moscow. 2001. URL: http://vff-s.narod.ru/sh/sp/p2_00.htm (accessed 12.12.2022). (In Russ.).
39. Dispute about PSA / ed. by A. Arbatov and A. Konoplyanik. Moscow: "Olita", 2003. 228 p. (In Russ.).
40. Urgent report. To the Prime-Minister – chairman of Union-Republican Currency Committee Pavlov V.S. About the sharp deterioration of the country's currency situation by the beginning of February 1991. 06.02.1991 // Yegor Gaidar Archive. URL: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/tags/details/4377> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
41. PSA in Russia, the adoption of the law "On PSA" // YABLOKO – official site. URL: https://www.yabloko.ru/Publ/Book/SRP/srp_0010.html (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
42. Transcript of the meeting of the Russian Federation Council Committee on budget, finance, customs and tax regulation. July 3, 1995. Discussion of the Law "On Product Sharing Agreements" adopted by the State Duma of Russia on June 14, 1995 // Agency "Heritage of Fatherland". URL: http://old.nasledie.ru/finansii/23_10/article.php?art=40 (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
43. Subbotin A.M. "Yabloko" and the legislation on production sharing agreements (PSA) // Yabloko – official site. URL: <https://www.yabloko.ru/Publ/Book/SRP/index.html> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
44. "Do you remember how it all began..." (a quarter of a century since the signing of the Decree on PSA) // Oil of Russia. 2018. No. 1-12. C. 12-20. URL: <http://www.konoplyanik.ru/publications> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
45. Decree of the President of the Russian Federation of 30.06.2022 No. 416 "On the application of special economic measures in the fuel and energy sphere in connection with unfriendly actions of some foreign states and international organizations" // PRAVO – Official Internet-portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206300033> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
46. Decree of the President of the RF dated 07.10.2022 No. 723 "On the application of additional special economic measures in fuel and energy sphere in connection with the unfriendly actions of foreign countries and international organizations.] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428435/ (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
47. Decree of the President of RF dated 24.12.1993 No. 2285 "Issues of production sharing agreements for the use of mineral resources". URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/41790/> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
48. Officials do not know how to share production. So the Accounts Chamber decided // The newspaper "Kommersant" № 26. 14.02.20. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/168313?ysclid=icmq3rlg7221539481> (accessed 10.01.2023). (In Russ.).
49. Schweizer P. Victory. The role of the secret strategy of the United States in the collapse of the Soviet Union and the Socialist Camp. Minsk: Avest, 1995. 464 p. (In Russ.).
50. The epoch of Yeltsin. Essays on political history 2nd ed. Moscow: Boris Yeltsin Presidential Center, 2011. 815 p. (In Russ.).
51. Yavlinsky G. About the Russian politics. Speeches and articles (1994 – 1999). Moscow: EPI-Center, 1999. 417 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ангелина Сергеевна Ващук, д-р. ист. наук, профессор, зав. отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: va_lina@mail.ru

Information about the author

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Socio-Political Research Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: va_lina@mail.ru

Поступила в редакцию 29.03.2023

Received 29.03.2023

Одобрена после рецензирования 05.05.2023

Approved 05.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Accepted 18.05.2023

Деятельность TOP на современном этапе: проблемы и пути совершенствования

Елена Николаевна Давыборец
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, westlake@yandex.ru

Аннотация. TOP – это важный инструмент развития Дальнего Востока, разработанный и внедренный в практику в 2015 году с целью создания дополнительных стимулов у отечественных и иностранных инвесторов для вложений в значимые отрасли региона. За семь лет его функционирования накоплен определенный опыт работы TOP. Правила особого правового режима и соответствующая нормативно-правовая база подвергаются корректировкам в соответствии с запросами инвесторов и интересами территорий. Своевременное выявление проблем и разработка предложений по совершенствованию работы TOP – основа их эффективного функционирования.

Ключевые слова: *Территории опережающего развития, СПВ, Дальний Восток, инструменты развития, нормативно-правовая база, законы о TOP, ДФО, ВЭФ, инвесторы, административные барьеры*

Для цитирования: Давыборец Е. Н. Деятельность TOP на современном этапе: проблемы и пути совершенствования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 121–127. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/121-127>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/121-127>

Activity of territories of advanced development at the present stage: problems and ways of improvement

Elena N. Davyborets
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, westlake@yandex.ru

Abstract. The TAD is an important tool for the development of the Far East, developed and put into practice in 2015, in order to create additional incentives for domestic and foreign investors to invest in significant industries in the region. Over the seven years of its operation, a certain experience of the TAD has been accumulated. The rules of the special legal regime and the corresponding regulatory framework are subject to adjustments in accordance with the requests of investors and the interests of the territories. Timely identification of problems and development of proposals for improving the work of the TAD is the basis for their effective functioning.

Key words: *Territories of advanced development, SPV, Far East, development tools, regulatory framework, laws on TAD, Far Eastern Federal District, WEF, investors, administrative barriers*

For citation: Davyborets E. N. Activity of territories of advanced development at the present stage: problems and ways of improvement // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 121–127. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/121-127>

Актуальность исследования. В санкционных условиях Запада поиск альтернативных рынков и торгово-экономических партнеров – жизненно важная задача для дальнейшего развития и экономической безопасности государства. В этой связи вопросы, связанные с подъемом восточных территорий России, граничащих с Азиатскими соседями, видятся чрезвычайно актуальными. Чем более они будут развиты, тем успешнее будет поиск государств-партнеров и установление сотрудничества с ними. Любые вопросы социально-экономического преобразования дальневосточных территорий на сегодняшний день имеют большое значение для будущего нашей страны. Внедрение различных механизмов передового экономического хозяйствования – важное направление их развития.

В 2013 г. президент В. Путин поставил задачу создать условия на Дальнем Востоке России, конкурентные со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере ведения бизнеса, что должно было сделать регион привлекательным для инвесторов, бизнесменов, туристов. "Укрепление отношений с государствами этого региона имеет для России стратегическое значение" [7]. Сегодня в регионе существует комплекс экономических механизмов, призванных привлечь инвестиции и обеспечить ускоренное развитие Дальневосточного федерального округа [4]. "Дальний Восток, долгое время остававшийся зоной колоссального недофинансирования, в последние годы стал едва ли не ключевой точкой привлечения инвестиций" [6].

Помимо прочих, был разработан и запущен механизм Территорий опережающего развития – это территории с особым правовым режимом ведения деятельности, предлагающие ряд налоговых льгот и административных преференций для инвесторов [5]. TOP – это инструмент развития ДФО, ориенти-

рованный на глобальную конкурентоспособность и движение в страны АТР [8]. На протяжении семи лет наработан опыт работы данного преференциального режима. По мере поступления проблем предлагаются пути их решения. Этот механизм постоянно совершенствуется вместе с тем на сегодняшний день еще нуждается в доработке.

Объектом исследования являются преференциальные режимы хозяйствования на Дальнем Востоке. **Предметом** – функционирование Территорий опережающего развития. **Целью** данной работы является выявление проблем в сфере деятельности ТОР на современном этапе, а также разработка предложений по её совершенствованию. Среди **задач** исследования ставятся ответы на такие вопросы. Чего удалось достичь в сфере нормативно-правового обеспечения ТОР ДФО, а какие проблемы еще предстоит решить? Что необходимо предпринять, с целью сделать ТОР еще более привлекательными для инвесторов, в том числе для малых и средних предприятий?

Методология исследования. Для комплексного анализа текущей ситуации в работе применяется междисциплинарный подход, позволяющий дать всестороннюю оценку результатов деятельности ТОР на Дальнем Востоке, а также выявить их проблемы. Применяются общенаучные методы познания: аналогия, анализ, синтез, индукция, дедукция и пр., – позволяющие выявить фактологическую сторону вопроса. Для изучения уровня и динамики социально-экономического развития Дальнего Востока в исследовании задействованы методы сравнительного и ретроспективного анализа.

На сегодняшний день функционирует 21 территория опережающего развития во всех субъектах Дальнего Востока [9]. Большинство созданных ТОР прошли начальный этап развития (5–6 лет) и стали вносить вклад в социально-экономическое развитие ДФО [10, с. 4]. Расходы государства на создание преференциальных зон в ДФО уже окупились, и бюджет получает хорошие прибыли, несмотря на льготный режим предприятий [6].

Профильные министерства вкупе с Государственной Думой РФ создают систему управления развитием Дальнего Востока. С момента образования ТОР по настоящее время принято 68 законов, обеспечивающих их деятельность. Посредством данных законов созданы ключевые механизмы ТОР. Обеспечены благоприятные условия для создания и работы ТОР, а также их правовая защита. Тем не менее существуют и недоработки в сфере законодательного обеспечения ТОР, которые выявляются в ходе взаимодействия институтов развития с предпринимателями. Например, на ежегодном Восточном экономическом форуме на тематических площадках происходят встречи власти и бизнеса, в ходе которых заявляются и обсуждаются текущие проблемы.

По мере выявления недоработок в сфере функционирования ТОР, законы подвергаются корректировкам, принимаются новые. Ведется системная работа. В законах о ТОР с начала их принятия и по настоящее время 13 раз вносились изменения. По высказыванию директора по мониторингу правоприменения корпорации развития ДВ Логуновой М.В., в настоящее время идет процесс доработки и совершенствования преференциальных режимов [1]. Развитие законов происходит на основе анализа правоприменительной практики и запросов инвесторов, ведется постоянный диалог с бизнесом (в рамках больших круглых столов). Работа осуществляется очень плотно. Так, за последние два года значительно сократились сроки в ряде процедур режима ТОР, что облегчает деятельность предпринимателей.

Многие законопроекты в настоящее время разрабатываются соответствующими органами или обсуждаются в Госдуме. Закон до его принятия должен пройти все установленные процедуры. Запросы бизнеса власть старается оперативно воплощать в законодательство. Но не все инициативы бизнеса поддерживаются. До принятия их необходимо пронести через институты власти. Не всегда это удается, разгораются жаркие дискуссии. Необходимо примирить интересы бизнеса с интересами общества и государства. Они должны быть взаимовыгодными и для инвесторов и бизнесменов, а также для территорий Дальнего Востока, на которых они претворяются в жизнь.

Не всегда оптимально для производства подгонять условия под один из специальных режимов. В некоторых случаях создаются беспрецедентные условия. Например, в разработке находится законопроект по развитию Курил. Согласно замминистра РФ по развитию ДВ П.М Волкову, готовящийся проект

является "золотым режимом" для нормального старта бизнеса, особенно в сфере промышленных сложных производств [1].

В настоящее время большинство предпринимателей, желающих начать свой бизнес на ТОР, обращается за заёмным финансированием, мало кто строит за свои деньги. Для получения субсидии необходимо представить проект, который даст социально-экономический эффект и будет способствовать развитию региона и страны в целом. Также нужно собрать пакет документов и соблюсти ряд процедур. Практика показывает, что не все предприниматели понимают, что такое проект. Часто то, что они представляют, является хорошо проработанной идеей, но не проектом [1]. У бизнеса и инвесторов разное понимание, как проект должен быть оформлен. Эта причина, по которой процедура получения средств и запуска проекта значительно затягивается. Сокращение прединвестиционной фазы – важный фактор успешного начала бизнеса. Необходимо проработать данную проблему посредством информационной помощи соответствующих госорганов, работающих с предпринимателями и инвесторами.

Несовершенен на сегодняшний день механизм применения пониженной ставки страховых взносов, который запускается с момента получения статуса резидента и действует пять лет. Фактически бизнес начинает функционировать позже, после окончания строительства необходимых объектов (что может занять несколько лет). Необходимо внести поправку, согласно которой применение пониженной страховой ставки будет действовать с момента ввода объекта в эксплуатацию, когда действительно в этом наступит необходимость.

Актуальным вопросом на сегодняшний день является оценка природных рисков при планировании проектов. Так, некоторые предприятия на Дальнем Востоке после начала своего функционирования сталкиваются с проблемой природно-климатических опасностей и форс-мажорных обстоятельств, которые проявляются с течением времени, что сводит на нет потраченные усилия по созданию бизнеса, либо существенно тормозят его развитие. Это могут быть наводнения, оползни, экстремальные температуры и пр. Видится целесообразным государству проводить не только экономические, но и экологические исследования территорий, попадающих под преференциальные режимы. Давать долгосрочные прогнозы на 30 и 50 лет, чтобы не основывать предприятия в потенциально неблагоприятных районах, а правильно вкладывать средства. Это, в свою очередь, обеспечит формирование привлекательного образа Дальнего Востока как стабильного и безопасного региона для ведения бизнеса.

Еще одна актуальная проблема ТОР – давление налоговых органов на предпринимателей, чьи проекты уже претворены в жизнь и приносят прибыль [11]. Их деятельность на сегодняшний день достаточно открыта и прозрачна, и систематические налоговые проверки предпринимателям видятся излишними. В этой связи планируется запретить частые камеральные проверки. Необходимо отметить, что по мере развития законодательства предприятия ограждены от давления санэпидстанции и пожарных проверок.

Еще одной важной задачей по преобразованию политики в сфере преференциальных режимов на Дальнем Востоке является следующая. Если на начальных этапах реформ "поворота" России на Восток приходилось делать акцент на сырьевых отраслях, в которых заинтересованы многие страны АТР, сегодня необходимо пересмотреть данную позицию и выходить на новый высокотехнологичный уровень дальневосточных производств. Следует снижать объемы сырьевой промышленности и брать курс на реструктуризацию экономики Дальнего Востока на сторону высоких технологий и вторичной переработки сырья с высокой добавленной стоимостью. Это, с одной стороны, будет способствовать формированию нового более привлекательного имиджа Дальнего Востока и Арктики не как "сырьевых придатков" более развитых стран, но как передового и высокотехнологичного региона, вносящего вклад в мировое научно-экономическое развитие. С другой стороны, уже сегодня встаёт вопрос о сохранении природных богатств территории для будущих поколений дальневосточников. Вопрос беспринципного хозяйствования с целью сиюминутной выгоды должен быть решен как можно скорее.

Рекомендуется проводить информационную работу с населением, посредством которой будут разъясняться предпринимательские шаги по развитию

территории, в том числе о работе ТОР, их пользе для местного населения и интересах каждого в инвестициях, привлекаемых в регион. Одна из проблем Дальнего Востока состоит в том, что многими жителями он воспринимается стереотипно бесперспективным, а некоторые проекты – наносщими вред экологии. Это способствует формированию неблагоприятного имиджа. Информационная политика также должна быть усилена в сфере популяризации Дальнего Востока для своих и иностранных граждан как передовой территории, выгодной для вложений и привлекательной для высоких технологий и развития промышленного производства с высокой добавленной стоимостью.

В рамках современной политики в любых направлениях, важнейшей её целью должен являться человек. И все, что предпринимается, должно соответствовать интересам людей и общества. Прибыль – это не главная цель проводимых реформ. Чрезвычайно важно, чтобы развитие Дальнего Востока и Арктики не превратилось в беспринципное хозяйствование людей в ущерб природе и в конечном счете человеку.

Так, имеют общественный резонанс крупнейшие проекты с участием иностранного капитала, сопряженные с реализацией вредных производств в близлежащих к населенным пунктам зонам. Это влечет не только недовольство общества проводимыми реформами, но и подрывает доверие к власти и сводит на нет старания по заселению Дальнего Востока, обуславливая отток населения с территории [2]. Экономически развитые страны АТР озабочены сохранением своей экологии, и некоторые из них нацелены на вынос опасных для здоровья человека производств за пределы своих территорий. Дальний Восток не должен стать полигоном для "зеленой" политики этих стран. Власти необходимо минимизировать или вовсе исключить приход "грязных" производств на территорию Дальнего Востока и Арктики. Взять курс на "зеленое" развитие территорий ДВ, в том числе на сферу туризма для своих и иностранных граждан.

Очень чувствительной к любому антропогенному воздействию является окружающая среда Арктики. В то же время предпринимательская активность последние годы здесь активизировалась [3, с. 103]. В своей хозяйственной деятельности важно применять природоподобные щадящие технологии, чтобы минимизировать вредное воздействие и избежать негативных последствий. В этой связи необходимо регулировать деятельность бизнеса, в соответствии с долгосрочным прогнозом природоохранных опасностей и рисков.

Также необходимо отметить, что Арктика является зоной негативного климатического воздействия на здоровье человека, влекущей целый комплекс вредных факторов, что необходимо учитывать при освоении данной территории. Необходимо разрабатывать и производить лечебно-профилактические препараты, для поддержания здоровья населения. Также при планировании всех видов хозяйственной деятельности данной территории важно соблюдать интересы коренных малых народов Севера, вводить корпоративную ответственность промышленных кампаний.

Для успешного устойчивого развития территорий ДВ, в том числе Арктики, очень важно комплексное взаимодействие науки, бизнеса, власти и гражданского общества. Для этого привлекаются ученые из Российской Академии наук, Дальневосточного федерального университета и др.

Большинство инициатив сегодня в сфере законодательного обеспечения ТОР направлено на упрощение административных процедур, снятие барьеров. Среди них в стадии активной разработки находятся следующие.

Во-первых, это порядок получения водных участков в пользование резидентами инвестиционных проектов. Эту процедуру следует преобразовать по аналогии с получением земельных участков без торгов, минуя сложную процедуру аукциона, по льготной ставке.

Во-вторых, необходимо внести поправки по программе Дальневосточный квартал в сфере использования земельных участков: упрощение порядка изменения категории земельных участков в границах ТОР. Это позволит существенно сократить сроки изменения категории и, соответственно, сроки реализации инвестиционных проектов.

В-третьих, в рамках режима Арктической зоны необходимо ввести льготы по страховым взносам для резидентов территории. Прорабатывается заме-

на механизма субсидирования на льготную ставку. Также необходимо сдвинуть момент начала использования этой льготы.

Все эти изменения в законодательстве сделают ТОРы еще более привлекательными для отечественных и зарубежных инвесторов.

В ходе Восточного экономического форума 2022 года был выдвинут ряд предложений по оптимизации преференциальных режимов в ДФО. Среди них можно отметить следующие:

- распространять ТОР и СПВ на всей территории Дальнего Востока в формате приравненных территорий;

- распространять условия ТОР и СПВ на действующие агропромышленные комплексы ДВ;

- сделать заявительный характер страховой льготы: дата её начала должна быть определена предпринимателем по мере готовности строящегося объекта;

- внедрить заявительный характер льготы по налогу на имущество с момента ввода в эксплуатацию объекта;

- принять меры по сокращению предынвестиционной фазы, упростить существующий механизм запуска проекта (у предпринимателей много времени уходит на предынвестиционные процедуры, что значительно удлиняет время запуска проекта);

- развивать льготное кредитование с процентной ставкой от 0 до 2-х %;

- сделать отношения власть-бизнес более предсказуемыми: от начала до окончания строительства объекта не применять к предпринимателю те изменения налоговой базы, которые будут ухудшать его положение;

- преобразовать закон 473 ФЗ, декларирующий правила создания рабочих мест. Все рабочие места ТОР должны считаться новыми;

- внедрять механизм гарантированного возврата средств резидентов ТОР на инфраструктуру;

- сделать тарифы на электроэнергию для резидентов ТОР по тем же ценам, которые представлены для экспорта в КНР;

- осуществлять госзаказы на экспертизу территорий с целью долгосрочного прогноза проявления её природных особенностей;

- поддерживать малый бизнес на Северах и в Арктике;

- разработать и внедрить проект Арктический гектар и др.

Заключение. Территории опережающего развития – действенный и весьма эффективный механизм повышения предпринимательской и инвестиционной активности на Дальнем Востоке России. За семь лет его реализации наработан практический опыт, показавший сильные стороны, но также выявивший недостатки, нуждающиеся в доработке и совершенствовании. В корректировке нуждается законодательство о ТОР, необходимо сократить сроки их регистрации, упростить налоговый режим после окончания льготного периода, снизить избыточное давление со стороны налоговых органов, произвести оценку природных рисков при планировании проектов. В корректировке нуждается механизм применения пониженной ставки страховых взносов, следует унифицировать понимание проекта у бизнеса и инвесторов, продлить срок действия льгот и расширить географию их применения. Своевременный мониторинг ситуации с внесением необходимых коррективов выведет Дальний Восток на желаемый конкурентный уровень со странами Азии и создаст задел для успешного развития исследуемой территории.

Литература

1. Актуальные вопросы совершенствования законодательства о территориях опережающего развития Дальнего Востока / Восточный экономический форум 2020. URL: <https://forumvostok.ru/news/aktualnye-voprosy-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva-o-territorijah-operezhajuschego-razvitiya-dalnego-vostoka/> (дата обращения: 15.02.2023).

2. Давыборец Е.Н., Владимирова Д.А., Радиков И.В. "Поворот России на Восток": новые вызовы и возможности в развитии дальневосточного региона // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28, № 3. 36–47.

3. Жура С.Е., Маркин В.В. Особенности развития предпринимательства в российской Арктике // Социально-политические исследования. 2020. № 3 (8). С. 97–109.

4. Коломейцева Н.А. Восточный экономический форум как механизм интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт. Омск, 28 апреля 2017 г. С. 87–89.
5. О ТОР // Инвестиционный портал Хабаровского края. URL: <https://invest.khv.gov.ru/ru/territoriya-razvitiya/o-toser/> (дата обращения: 24.02.2023).
6. Семёнов С. 20 крупнейших инвестиционных проектов Дальнего Востока, находящихся в стадии реализации в 2021 году // Вестник: строительство, архитектура, инфраструктура. 26.01.2023. URL: <http://www.vestnikstroy.ru/articles/ratings/20-krupneyshikh-investitsionnykh-proektov-dalnego-vostoka-nakhodyashchikhsya-v-stadii-realizatsii-v/> (дата обращения: 27.02.2023).
7. Стенограмма выступления Владимира Путина на ВЭФ // Российская газета. 04.09.2015. URL: <https://rg.ru/2015/09/04/forum-site.html> (дата обращения: 21.03.2022).
8. Территории опережающего развития // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/territorii-operezhayushchego-razvitiya/> (дата обращения: 12.02.2023).
9. Территории опережающего социально-экономического развития // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://erdc.ru/about-tor/> (дата обращения: 20.02.2023).
10. Трунова Н.А. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия "Оценка влияния деятельности институтов развития Дальнего Востока и функционирования территорий опережающего социально-экономического развития и свободного порта Владивосток на достижение целей ускоренного социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа". URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/6f5/ywra3fjrkuqqg4e8k4mvtatzst6tkvmz3.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).
11. Трутнев: органы ФНС стали чемпионом по давлению на бизнес на Дальнем Востоке. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5345245> (дата обращения: 20.02.2023).

References

1. Topical issues of improving legislation on the territories of advanced development of the Far East / Eastern Economic Forum 2020 (accessed 15.02.2023) (In Russ.).
2. Davyborets E.N., Vladimirova D.A., Radikov I.V. "Russia's Turn to the East": New Challenges and Opportunities in the Development of the Far East Region // Bulletin of the Transbaikal State University. 2022. Vol. 28, No. 3. P. 36–47. (In Russ.).
3. Zhura S.E., Markin V.V. Features of the development of entrepreneurship in the Russian Arctic // Socio-political studies. 2020. No. 3 (8). P. 97–109. (In Russ.).
4. Kolomeitseva N.A. Eastern Economic Forum as a Mechanism for Russia's Integration into the Asia-Pacific Region // Development of Political Institutions and Processes: Foreign and Domestic Experience. Omsk, April 28, 2017, P. 87–89. (In Russ.).
5. About ASEZ // Investment portal of the Khabarovsk Territory. URL: <https://invest.khv.gov.ru/ru/territoriya-razvitiya/o-toser/> (accessed 24.02.2023) (In Russ.).
6. Semyonov S. 20 largest investment projects of the Far East, which are under implementation in 2021 // Bulletin: construction, architecture, infrastructure. 26.01.2023. URL: <http://www.vestnikstroy.ru/articles/ratings/20-krupneyshikh-investitsionnykh-proektov-dalnego-vostoka-nakhodyashchikhsya-v-stadii-realizatsii-v/> (accessed 27.02.2023) (In Russ.).
7. Transcript of Vladimir Putin's speech at the WEF // Rossiyskaya Gazeta. 04.09.2015. URL: <https://rg.ru/2015/09/04/forum-site.html> (accessed 21.03.2022) (In Russ.).
8. Territories of advanced development // Ministry of the Russian Federation for the development of the Far East and the Arctic. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/territorii-operezhayushchego-razvitiya/> (accessed 12.02.2023) (In Russ.).
9. Territories of advanced socio-economic development // Corporation for the Development of the Far East and the Arctic. URL: <https://erdc.ru/about-tor/> (accessed 20.02.2023) (In Russ.).
10. Trunova N.A. Report on the results of the expert-analytical event "Assessment of the impact of the activities of the development institutions of the Far East and the functioning of the territories of advanced socio-economic development and the free port of Vladivostok on achieving the goals of accelerated socio-economic development of the Far Eastern Federal District." URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/6f5/ywra3fjrkuqqg4e8k4mvtatzst6tkvmz3.pdf> (accessed 22.02.2023) (In Russ.).
11. Trutnev: the Federal Tax Service became the champion in pressure on business in the Far East. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5345245> (accessed 20.02.2023) (In Russ.).

Информация об авторах

Елена Николаевна Давыборец, канд. полит. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: westlake@yandex.ru

Information about the authors

Elena N. Davyborets, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: westlake@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.02.2023

Received 27.02.2023

Одобрена после рецензирования 10.05.2023

Approved 10.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Accepted 18.05.2023

Научная статья
УДК 316.4
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/128-137>

Образовательные стратегии провинциальной молодежи в России

Сергей Михайлович Захаров
Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец, Россия, zakharov1201@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются тренды развития системы высшего образования в разрезе субъектов Российской Федерации, а также механизмы адаптации индивидуальных образовательных стратегий, характерных для региональной молодежи. Автор отмечает, что важную роль в вопросе устойчивого развития территории приобретают высшие учебные заведения, способные не только аккумулировать человеческий потенциал, но и определять социально-экономическое и политическое положение региона. В ходе исследования автор приходит к выводу, что власть стремится нивелировать имеющиеся разрывы. Однако этого пока недостаточно, чтобы переломить образовательный и трудовой миграционный тренд в сторону столицы у молодежи.

Ключевые слова: адаптация молодежи, высшее образование, образовательные стратегии, провинциальная молодежь, развитие территории, региональная дифференциация, региональная политика

Для цитирования: Захаров С. М. Образовательные стратегии провинциальной молодежи в России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 128–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/128-137>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/128-137>

Educational strategies of provincial youth in Russia

Sergey M. Zakharov
Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, zakharov1201@rambler.ru

Abstract. The article examines trends in the development of the higher education system in the context of the constituent regions of the Russian Federation and the mechanisms for adaptation of individual educational strategies specific to young people in the region. The author notes that higher education institutions are capable not only of accumulating human potential, but also of determining the socioeconomic and political situation in the region. It plays a major role in the sustainable development of the region. As part of the study, the author concludes that the authorities are trying to fill in the gaps. However, this is still not enough to reverse the trend of educational and labor migration toward capital among youth.

Key words: youth adaptation, higher education, educational strategies, provincial youth, territory development, regional differentiation, regional policy

For citation: Zakharov S. M. Educational strategies of provincial youth in Russia // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 128–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/128-137>

Введение

В рамках современного научного дискурса, занимающегося вопросами устойчивого развития территории, значимое место отводится социально-экономическому неравенству, которое детерминировано природно-климатическим, демографическим, историческими факторами. В этих условиях, стремясь к сбалансированному развитию, власть разрабатывает региональные модели, которые способны нивелировать сложившиеся разрывы. При этом залогом стабильного социально-экономического развития в условиях современного общества становится технологизация системы, которая не способна к функционированию без инвестиций в человеческий капитал.

Проблемой исследования является определение факторов, которые ограничивают доступ провинциальной молодежи к образованию и обучению, а также то, какие образовательные стратегии могут быть реализованы в субъектах Российской Федерации.

Целью исследования является определение образовательных стратегий провинциальной молодежи в современной России.

Научная новизна исследования заключается в систематизации данных вторичного социологического анализа, в их авторской интерпретации, применительно к складывающейся ситуации с выбором образовательной стратегии российской провинциальной молодежи. Автор считает, что мотивы образовательной миграции провинциальной молодежи зависят от качества жизни в отдельно взятом субъекте РФ.

Табл. 1. Государственные расходы на высшее образование* (миллиарды рублей).
Table 1. State expenditure for higher education (billion rubles).

Год	2000	2005	2010	2018	2019	2020
Сумма (млрд руб.)	24,4	125,9	377,8	554,2	585,2	644,3

*2000, 2005 гг. – "Высшее профессиональное образование";
2010 г. – "Высшее и послевузовское профессиональное образование".

Составлено автором на основе: [11, с. 29].
Compiled by the author based on: [11, с. 29].

Методологическая основа исследования представлена историческим методом, который позволяет выявить закономерности трансформации системы высшего образования в постсоветской России. Также используется сравнительный метод, дающий возможность сопоставить положение дел в отдельных регионах, чтобы понять политику власти в отношении развития конкретных территорий, а также мотивацию индивидуальных образовательных стратегий молодежи.

От количества – к качеству: трансформационные процессы в системе высшего образования

Понимание необходимости соответствовать вызовам постиндустриального общества потребовало от власти в России инвестиций в систему образования и перевод этой сферы, начиная с 2000 г., в разряд приоритетных. Подтверждением тому, в частности, служит увеличение ассигнований в высшее образование (табл. 1).

Власти также предстояло разобраться с наследием 1990-х гг., когда в условиях свободного рынка произошел стремительный рост числа вузов, который инерционно продолжался вплоть до 2010-х гг. При этом, как отмечали Т. Клячко и В. Мау, "количественный рост не сопровождался повышением качества образования. Напротив, скорее следует говорить о его снижении. Это проявлялось по ряду направлений. Во-первых, быстрее всего росло число студентов на заочной форме обучения, где качество заведомо хуже, чем на очной. Во-вторых, росло число филиалов вузов ...<...>... В-третьих, наблюдалось резкое увеличение численности студентов в сравнении с численностью профессорско-преподавательского состава, или рост нагрузки на одного преподавателя. Таким образом, само наращивание количественных показателей развития системы ВПО становилось причиной снижения качества образования. В то же время необходимо отметить, что быстрый рост негосударственного сектора ВПО и филиальной сети вузов решал весьма нетривиальную социальную задачу: в условиях резкого снижения территориальной мобильности молодежи высшее образование "пришло" к потребителю, создавая и расширяя сеть высшей школы в регионах" [8, с. 47–48].

С 2012 г. происходит внедрение мониторинга эффективности вузов, которое привело к сокращению количества высших учебных заведений (табл. 2).

В свою очередь, проведенная оптимизация привела и к видоизменению региональной конфигурации сети высших учебных заведений, сосредоточив более трети всех вузов в Центральном федеральном округе и сохранив обширные разряженные области без образовательных центров (табл. 3).

В трех субъектах РФ (Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ) на 2020 г. отсутствовали самостоятельные высшие учебные заведения (без учета филиалов вузов). При этом в Москве их число составляло 144 (56 % от вузов в ЦФО), а в Санкт-Петербурге – 62 (71 % от вузов в СЗФО) [16]. Такое положение дел во многом определяло векторы образовательной миграции, что способствовало увеличению региональной дифференциации.

Табл. 2. Организации, осуществляющие образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры* (на начало учебного года).

Table 2. Organizations involved in educational activities as part of bachelor's, specialty or master's programs (at the start of the academic year).

Учебный год	2000/01	2005/06	2010/11	2018/19	2019/20	2020/21
Количество организаций	965	1068	1115	741	724	710

* 2000/01, 2005/06, 2010/11 учебные годы – образовательные организации высшего образования, 2018/19, 2019/20, 2020/21 учебные годы – включая научные организации, реализующие программы магистратуры.

Составлено автором на основе: [11, с. 51].

Compiled by the author based on: [11, с. 51].

"Столичный дрейф" как тренд образовательной миграции (школа – вуз) корреспондировался с настроениями, преобладающими в региональном обществе. Согласно опросу, проведенному АНО "Левада-Центр" (внесена Минюстом России в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента) (20-24 апреля 2018 г., n = 1600 человек из 136 населенных пунктов, 52 субъектов РФ), "четверо из пяти россиян (79%) советуют выпускникам школ из небольших городов уезжать учиться в Москву или как минимум в областной центр. Только 13% опрошенных полагают, что продолжить учебу стоит в родном городе или селе. ...<...>... При этом глубинка воспринимается гражданами как бесперспективное место для выпускника школы, а образовательная миграция – как шанс на новую жизнь. Так полагают 47% граждан. Переезд поможет не только закрепиться в большом городе, но и найти хорошую работу" [4].

Непосредственно и сама молодежь была склонна рассуждать в подобном ключе. В ходе опроса (n ≈ 1000 респондентов в возрасте от 15 до 30 лет) "приоритеты старшеклассников Приморского края в выборе учебного заведения после окончания школы распределились следующим образом: в вузах Москвы или Санкт-Петербурга – 34,7%, за пределами Приморского края (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) – 13,8%, в университетах за пределами России – 4,9%, в вузах Приморского края – 46,6%. ...<...>... основными причинами для миграции выпускников школ из Приморского края являются: желание получить более престижный диплом (32,2%), желание посмотреть мир (30,3%), убежденность в том, что за пределами Приморского края работу найти легче (26,0%). 22,8% респондентов считают, что вузы за пределами Приморского края обеспечат более комфортные условия для учебы и проживания" [13, с. 301].

Подобный характер рассуждений предопределяет саму стратегию образовательной миграции, которая нередко приобретает некомпенсируемый характер для региона. Л. Канаева отмечала деструктивные социальные последствия, к которым ведет нерегулируемая образовательная миграция. "1) Либеральная хаотичная практика распределения трудовых ресурсов мигрирующей молодежи породила их неэкономную растрату в принимающих мегаполисах; 2) провинция, как вынужденный донор качественных человеческих ресурсов, остановилась в развитии, испытывая острый дефицит специалистов с инновационным потенциалом; 3) мигрирующая для получения образования молодежь ...<...>... подвергает родителей двойной экономической нагрузке оплаты жилья – постоянного и временного; 4) миграционное напряжение в принимающих мегаполисах сопровождается ...<...>... высокими социальными рисками для переезжающей молодежи" [7, с. 483].

В пользу "столичного дрейфа" молодежной миграции говорит и дефицит высококвалифицированных преподавательских кадров, который отчасти обусловлен вымыванием молодежи из региональных учреждений науки и высшего образования. Особенно серьезно это может сказаться на технологических и наукоемких направлениях, которые призваны стать драйверами для разви-

Табл. 3. Самостоятельные образовательные организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования на 2020 г.
Table 3. Independent educational organizations that carry out educational activities according to educational programs of higher education for 2020

Федеральный округ	Количество вузов	Доля, в %
Центральный федеральный округ	258	36
Северо-Западный федеральный округ	87	12
Южный федеральный округ	58	8
Северо-Кавказский федеральный округ	40	6
Приволжский федеральный округ	111	16
Уральский федеральный округ	47	7
Сибирский федеральный округ	70	10
Дальневосточный федеральный округ	39	5

Составлено автором на основе: [16].

Compiled by the author based on: [16].

тия государства. Кадровый дефицит всё очевиднее отмечается в нестоличных городах. Поэтому, "в некоторых регионах на сегодняшний день мы практически не можем найти – даже на должности директоров институтов – людей с докторскими степенями. Особенно это касается Сибири, Дальнего Востока" [5], – отметила И. Донник.

Рост миграционных настроений молодежи также развивается в треке "вуз – рынок труда", в рамках которого ключевым стимулом становятся сложности с трудоустройством. Среди других причин, например, студенты Республики Бурятия отмечали "низкий уровень жизни в республике, отсутствие перспектив, неразвитость социальной инфраструктуры и культурной жизни, распространенность кумовства и неформальных каналов трудоустройства, консерватизм местного менталитета" [3, с. 104].

В свою очередь, анализ двух основных пиков миграции молодежи – "школа – вуз" и "вуз – рынок труда" позволил экспертам Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ) разработать типологию регионов по показателям вузовской и послевузовской миграции, выделив четыре основных типа регионов и один переходной.

Регионы-магниты: группа регионов высокой востребованности среди выпускников школ и при этом относительно низкого показателя послевузовской миграции.

Регионы-транзиты: группа регионов с высокой востребованностью университетов среди выпускников школ и при этом относительно высоким показателем послевузовской миграции.

Замкнутые регионы: группа регионов относительно низкой востребованности вузовской инфраструктуры и низкой послевузовской миграции.

Регионы-экспортеры: группа регионов относительно низкой востребованности вузов и высокой послевузовской миграции.

Пограничные регионы: группа регионов, чьи показатели послевузовской миграции или востребованности близки к выделенным пограничным значениям [12, с. 21–30].

Принадлежность региона к определенной группе должна формировать стратегию сбалансированного развития, которое возможно при активном участии всех заинтересованных сторон: федеральной власти, региональной власти, бизнес структур. В этой связи в случае "регионов-доноров" уместно выглядит создание опорных университетов (некоторые из них расположены в "регионах-реципиентах"), молодежной биржи труда, функционирование

Табл. 4. Прием на обучение бакалавров, специалистов, магистров по источникам финансирования (тысячи человек).

Table 4. Entry to training bachelor's, specialist and master's degrees by source of funding (thousands).

Год	2000	2005	2010	2018	2019	2020
Прием студентов на обучение за счет бюджетных ассигнований (тыс. чел.)	586,8	613,7	519,2	528,0	508,2	521,9
Прием студентов на обучение по договорам об оказании платных образовательных услуг (тыс. чел.)	705,7	1026,8	880,1	620,0	621,2	571,4

Составлено автором на основе: [11, с. 42].

Compiled by the author based on: [11, с. 42].

целевых программ подготовки кадров, системы подъемных для выедающих работать в сельскую местность [2]. Однако кейс "регионов-реципиентов", в рамках которых сочетаются качественное образование и перспективы трудоустройства на достойную зарплату, во многом обуславливают невозвратность молодежной миграции. Эта тенденция свидетельствует о растущем неравенстве между столицей и остальной Россией, что потенциально может иметь негативные долгосрочные последствия для экономического развития страны.

Параллельно с ростом количества вузов и развитием негосударственного сектора ВПО происходила коммерциализация высшего образования (табл. 4).

В рамках данной тенденции, предлагаемые вузами программы подготовки во многом были обусловлены имеющимся на тот момент спросом. Учитывая данные обстоятельства, по замечанию экспертов НИУ ВШЭ, "Минобрнауки России в 2020 году начал активно корректировать контрольные цифры приема в соответствии с наблюдаемыми тенденциями спроса семей и работодателей. По ряду направлений контрольные цифры изменились на 20%! Это, однако, привело к балансированию спроса и предложения далеко не по всем группам направлений высшего профессионального образования" [10].

По замечанию министерства, в сложившихся условиях трендом для развития должно стать увеличение количества бюджетных мест в субъектах РФ с учетом потребностей экономики и демографии конкретной территории. На 2022/2023 учебный год для регионов определено 73,3% бюджетных мест от общего объема контрольных цифр. "Приоритетными для государства направлениями подготовки в 2022/2023 году станут инженерно-технические (251033 мест), педагогические (75788 мест), медицинские (53450 мест) и сельскохозяйственные (41095 мест) специальности. Эти специальности пользуются наибольшим спросом в регионах" [9], – сообщил В. Фальков.

При сохранении значительной доли платного образования, продолжает наблюдаться общая тенденция к росту его стоимости (табл. 5).

Динамика увеличения стоимости обучения в региональных вузах во многом определяется платежеспособностью семей потенциальных абитуриентов. В этой связи руководство учебного заведения, обладая определенным пространством для маневра, может предложить более выгодные условия платного обучения, тем самым обеспечив себе стабильный набор и скорректировав потоки образовательной миграции.

Подобная стратегия мало интересуется элитные высшие учебные заведения. Обладая сильным брендом они практически не испытывают проблем с набором абитуриентов, при том что стоимость их услуг на региональных образовательных рынках существенно выше чем у местных вузов (табл. 6). Это делает подобное высокоселективное образование доступным лишь для ограниченного круга состоятельных семей.

Сложившаяся в России система массового охвата высшим образованием развивалась в логике вертикальной стратификации высших учебных заведений. Во многом она подразумевала разделение на высокоселективные, пользующиеся наибольшим спросом университеты и вузы массового спроса.

Табл. 5. Средние потребительские цены на высшее образование за семестр (на конец года; рубли).
Table 5. Average consumer prices for higher education per six-month period (end of year; rubles).

Год	Обучение в государственных и муниципальных образовательных организациях высшего образования (руб.)	Обучение в негосударственных образовательных организациях высшего образования (руб.)
2000	7033,69	8310,66
2005	16026,90	15153,15
2010	25520,38	22983,61
2018	68260,10	51334,99
2019	74698,98	57867,67
2020	73170,35	53247,17

Составлено автором на основе: [11, с. 36].

Compiled by the author based on: [11, с. 36].

По замечанию аналитиков НИУ ВШЭ, "элитные университеты выполняют роль легитимации занятия наиболее выгодных мест в социальной иерархии, в то время как расширение мест в массовом сегменте отвечает возрастающему спросу на возможности социальной мобильности в целом. Расширение массового сегмента было подстегнуто возрастающим спросом на высшее образование со стороны населения, формирование элитного сегмента было, в том числе, результатом государственной политики целенаправленной поддержки лидеров" [14, с. 43].

Возможности для поступления в престижные высшие учебные заведения для молодежи из различных регионов достаточно дифференцированы. Это отчасти можно связать с уровнем среднего образования в субъектах РФ, в рамках которого региональные системы не способны обеспечить равные возможности для своих выпускников в сравнении с выпускниками столичных школ. Подтверждением тому служит рейтинг российских регионов по качеству школьного образования, составленный Рособнадзором по итогам мониторинга за 2019 г. "Лучшие результаты в рейтинге по качеству образования продемонстрировали Санкт-Петербург (сводный показатель 92,1) и Москва (92). В пятерку лидеров с небольшим отрывом друг от друга также вошли Ленинградская область (77,1), Калининградская область (76,5) и Ярославская область (76,2). Замыкают рейтинг регионы Северо-Кавказского федерального округа" [15].

При этом, как отмечает Е. Аврамова, "уровень подготовки – далеко не единственный и даже не главный ресурс, открывающий двери элитных и действительно престижных вузов. Доступ к качественному и перспективному, с точки зрения социального продвижения, образованию в значительной степени определяется не только способностями, проявленными молодыми людьми в конкурентной борьбе, но еще и накопленными родительским поколением ресурсами в виде неформальных связей и денег" [1, с. 178].

Таким образом, мы можем согласиться с мнением аналитиков НИУ ВШЭ, которые отмечали, что "региональная дифференциация усиливается структурной консолидацией сети вузов, а структурная консолидация при сохранении высокого уровня охвата увеличивает риски возникновения социальной напряженности. Сохраняются и могут усиливаться ключевые факторы неравенства, которые мультиплицируются при текущей политике сокращения количества провайдеров. Сложившейся рынок образовательных программ и его структура обуславливают ситуацию, которая в большей степени дискриминирует детей из необеспеченных семей" [14, с. 53–54].

Ограниченный доступ к высокоселективным учебным заведениям обуславливает выбор в пользу вузов массового спроса, которые не всегда способны обеспечить должного уровня подготовки для профессиональной и соци-

Табл. 6. Соотношение медианной зарплаты (апрель 2021 г.) к стоимости обучения в высших учебных заведениях (2022 г.) в регионах Российской Федерации
Table 6. Ratio between median wage (April 2021) and cost of education in higher education institutions (2022) in the regions of the Russian Federation

Субъект Российской Федерации	Медианная зарплата, руб. в мес.	Название вуза	Средняя стоимость обучения за год, в руб.
г. Севастополь	35924	Севастопольский государственный университет	127921
		Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе	294500
Пермский край	36388	Пермская государственная фармацевтическая академия	82150
		Пермский национальный исследовательский политехнический университет	152707
		Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Пермь	217500

Источник: Составлено автором на основе: [6; 18].

Source: Compiled by the author based on: [6; 18].

альной мобильности. Понимание это получило отражение в рамках опроса, проведенного в Иркутской области (2014 г. – n = 1200, в возрасте от 18 до 35 лет, 60% женщин и 40% мужчин, 2019 г. – n = 1272 человека). "Большая часть молодежи и даже их родители предполагают, что они не будут работать по той специальности, по которой получают образование (44%). Образование необходимо "для галочки", а не для реальных навыков, которые пригодятся на рабочем месте. ...<...>... Потеря работы приводит к тому, что молодые люди идут повторно учиться. Подтверждается идея нелинейности жизненного пути. И если в 2014 году таких было 26%, то в 2019 году – 62%" [17, с. 256].

Складывается ситуация, при которой, с одной стороны, молодежь терпит финансовые, эмоциональные, временные издержки, стремясь посредством переобучения подстроится под меняющиеся социально-экономические условия. С другой – власть тратит деньги на подготовку специалистов, которые не идут работать по профилю.

Заключение

Таким образом, сложившаяся в России дифференциация высших учебных заведений коррелирует с положением каждого конкретного региона, которое обусловлено его социально-экономическим состоянием. Эта ситуация во многом определяет векторы молодежной образовательной и трудовой миграции, которая, в случае депрессивных регионов, может приобретать невозвратный характер. Власть понимает, что в современных экономических реалиях инвестиции в учреждения высшего образования могут стать драйвером для развития региона, обеспечив его кадровый потенциал. Этим объясняется планомерный рост ассигнований на высшее образование и увеличение количества бюджетных мест, которое обусловлено потребностями региона. Действия власти призваны также повлиять на индивидуальные образовательные стратегии, предполагающие создание "дорожных карт", наиболее актуальных для детей из семей с низким достатком, проживающим в регионах. При этом сложившаяся в современной России система высшего образования, включающая в себя селективные и массовые высшие учебные заведения, продолжает поддерживать социальное расслоение, существующее в обществе. Дети из обеспеченных семей обладают большей вариативностью, включающей в себя миграционные стратегии и/или поступления в высокоселективные учебные заведения, способные обеспечить профессиональную и социальную мобильность. Дети из семей с низким ресурсным потенциалом во многом лишены

такой возможности и должны довольствоваться региональным, массовым высшим образованием, которое с меньшей вероятностью обеспечит ожидаемый доход и социальный статус.

Литература

1. Аврамова Е.М. Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики // Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С.В. Шишкин. Независимый институт социальной политики. М., 2004. С. 145–179.
2. Бондаренко А., Волкова М., Вылегжанина У., Камаева А., Сибина С. Почему после учебы молодежь не спешит в свои регионы // Российская газета. 2019. 4 декабря. URL: <https://rg.ru/2019/12/04/reg-pfo/pochemu-posle-ucheby-molodezh-ne-speshit-v-svoi-regiony.html> (дата обращения: 12.02.2022).
3. Бюраева Ю.Г., Пискунов Е.Ю. Миграционные установки студенческой молодежи Дальневосточного региона (на материалах Республики Бурятия) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 98–106.
4. Галанина А. Выпускникам рекомендовали столицы // Известия. 2018. 21 мая. URL: <https://iz.ru/744525/angelina-galanina/vypusknikam-rekomendovali-stolitcy> (дата обращения: 10.02.2020).
5. Герасимова Е. В региональных вузах обнаружился дефицит ректоров // Независимая газета. 2022. 16 февраля. URL: https://www.ng.ru/education/2022-02-16/8_8373_deficit.html (дата обращения: 12.03.2022).
6. Данилов Д. Медианная зарплата в России 2021: размеры по регионам, отраслям и годам // Рейтинги & Новости. 2021. 25 ноября. URL: <https://top-rf.ru/investitsii/513-zarplata.html> (дата обращения: 10.03.2022).
7. Канаева Л.В. К проблеме регуляции образовательной миграции молодежи // Институты развития демографической системы общества. V Уральский демографический форум: сборник материалов. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. С. 480–485.
8. Клячко Т.Л., Мау В.А. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 46–64.
9. Минобрнауки России объявило результаты распределения бюджетных мест на 2022/2023 год // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 2021. 29 апреля. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=33254 (дата обращения: 11.03.2022).
10. Мониторинг качества приема в вузы. Основные итоги – 2020 // Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики". URL: https://ege.hse.ru/stata_2020 (дата обращения: 11.03.2022).
11. Образование в цифрах: 2021: краткий статистический сборник / Л.М. Гохберг, О.К. Озерова, Е.В. Саутина и др.; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики". М.: НИУ ВШЭ, 2021. 132 с.
12. "От Волги до Енисея...": образовательная миграция молодежи в России / Н.К. Габдрахманов, Н.Ю. Никифорова, О.В. Лешуков; Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 48 с.
13. Петрук Г.В., Ким А.Г. Миграционные настроения молодежи как индикатор социально-экономического положения Дальневосточного региона России // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 300–303.
14. Региональная дифференциация доступности высшего образования в России / С.С. Малиновский, Е.Ю. Шибанова; Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 68 с.
15. Рособrnadzor оценил качество образования в регионах России // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. 2021. 11 марта. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/news/rosobrnadzor-ocenil-kachestvo-obrazovaniya-v-regionah-rossii/> (дата обращения: 15.02.2022).
16. Сведения об образовательных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, в разрезе субъектов Российской Федерации // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 2020. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-ob-obrazovatelnykh-organizatsiyakh-osushchestvlyayushchikh-obrazovatelnyu-deyatelnost-po-> (дата обращения: 10.02.2022).
17. Скуденков В.А. Роль экономических санкций против России в жизненных сценариях молодых людей // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы V междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 23–27 марта 2020 г.): в 2-х частях. Ч. 1. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2020. С. 254–257.
18. Средняя стоимость обучения в вузах России 2022 // Табитуриент: Типичный абитуриент. URL: <https://tabiturient.ru/vuzcost/> (дата обращения: 10.03.2022).

References

1. Avraamova E.M. Accessibility of higher education and prospects for positive social dynamics // *Accessibility of higher education in Russia* / Ed. by S.V. Shishkin. Independent Institute of Social Policy. M., 2004. P. 145–179. (In Russ.).
2. Bondarenko A., Volkova M., Vylegzhanina U., Kamaeva A., Sibina S. Why young people do not hurry to their regions after graduation // *Rossiyskaya Gazeta*. 2019. December 4. URL: <https://rg.ru/2019/12/04/reg-pfo/pochemu-posle-ucheby-molodezh-ne-speshit-v-svoi-regiony.html> (accessed 12.02.2022). (In Russ.).
3. Byuraeva Yu.G., Piskunov E.Yu. The migrational intentions of student youth of the far eastern region (On the materials of the Republic of Buryatia) // *Tomsk State University Journal*. 2020. No. 459. P. 98–106. (In Russ.).
4. Galanina A. School leavers were recommended to study in the capital // *Izvestia*. 2018. May 21. URL: <https://iz.ru/744525/angelina-galanina/vypusnikam-rekomendovali-stolitsy> (accessed 10.02.2020). (In Russ.).
5. Gerasimova E. There was a lack of rector's at regional universities // *Nezavisimaya Gazeta*. 2022. February 16. URL: https://www.ng.ru/education/2022-02-16/8_8373_deficit.html (accessed 12.03.2022). (In Russ.).
6. Danilov D. Median wage in Russia 2021: size per region, sector and year // *Ratings & News*. 2021. November 25. URL: <https://top-rf.ru/investitsii/513-zarplata.html> (accessed 10.03.2022). (In Russ.).
7. Kanaeva L.V. About the problem of regulation of educational youth migration // *Institutes of development of the demographic system of society*. V Ural Demographic Forum: collection of materials. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2014. P. 480–485. (In Russ.).
8. Klyachko T.L., Mau V.A. Tendencies in the development of higher professional education in Russia // *Educational Studies Moscow*. 2007. No. 3. P. 46–64. (In Russ.).
9. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation announced the results of the allocation of budget places for 2022/2023 // *Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation*. 2021. April 29. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=33254 (accessed 11.03.2022). (In Russ.).
10. Monitoring the quality of university admissions. Key Results – 2020 // *National Research University Higher School of Economics*. URL: https://ege.hse.ru/stata_2020 (accessed 11.03.2022). (In Russ.).
11. *Education in Figures: Pocket Data Book* / L. Gokhberg, O. Ozerova, E. Sautina et al.; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE, 2021. 132 p. (In Russ.).
12. "From Volga to Yenisei...": educational migration of young people in Russia / Gabdrakhmanov, N.K., Nikiforova, N.Yu., Leshukov, O.V.; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE, 2019. 49 p. (In Russ.).
13. Petruk G.V., Kim A.G. Youth migration moods as indicator of socio-economic situation of Russia's far Eastern region // *Azimuth of scientific research: economics and administration*. 2019. Vol. 8. No. 4 (29). P. 300–303.
14. Regional differentiation of access to higher education in Russia / Malinovskiy S.S., Shibanova E.Yu.; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE, 2020. 68 p. (In Russ.).
15. Federal Service for Supervision in Education and Science (Rosobrnadzor) assessed the quality of education in the Russian regions // *Federal Service for Supervision in Education and Science*. 2021. March 11. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/news/rosobrnadzor-oczenil-kachestvo-obrazovaniya-v-regionah-rossii/> (accessed 15.02.2022). (In Russ.).
16. Information on educational organizations involved in educational activities on educational programs of higher education, in the context of the regions of the Russian Federation // *Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation*. 2020. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-ob-obrazovatelnykh-organizatsiyakh-osushchestvlyayushchikh-obrazovatelnyuyu-deyatelnost-po> – (accessed 10.02.2022). (In Russ.).
17. Skudenkov V.A. The role of economic sanctions against Russia in the life scenarios of young people // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions: materials of the V int. scientific-practical internet conf. (Vologda, March 23–27, 2020)*: in 2 parts. Part 1. Vologda: FSBS VolSC RAS, 2020. P. 254–257. (In Russ.).
18. The average cost to study in Russian universities 2022 // *Tabiturient: A typical enrollee*. URL: <https://tabiturient.ru/vuzcost/> (accessed 10.03.2022). (In Russ.).

Информация об авторе

Сергей Михайлович Захаров, канд. полит. наук, преподаватель кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина, Елец, Россия, e-mail: zakharov1201@rambler.ru

Information about the author

Sergey M. Zakharov, Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, e-mail: zakharov1201@rambler.ru

Поступила в редакцию 18.01.2023

Одобрена после рецензирования 03.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 18.01.2023

Approved 03.05.2023

Accepted 18.05.2023

Научная статья
УДК 327.8
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/138-146>

Современное развитие Приморского края как транзитного логистического региона в условиях внешних санкций: информационно-имиджевый аспект

Пётр Юрьевич Самойленко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, petersam@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы современного развития Приморского края как транзитного логистического и приграничного региона в условиях внешних санкций. Автор описывает и анализирует возрастающее значение морских портов и транспортного комплекса Приморского края как части мировых транзитных транспортных коридоров на евроазиатском направлении. Отмечается большой рост грузообработки в портах Приморья в период 2021–2022 гг., рассматривается номенклатура типичных экспортных, импортных и транзитных грузов. Анализируется влияние этих процессов не только на экономику региона, но и на его имидж, на информационное восприятие и информационный образ края в Азиатско-тихоокеанском регионе. Существенное внимание уделено перспективам дальнейшего увеличения транзитного транспортного грузопотока через основные порты региона в ближайшей перспективе, влияние этих процессов на развитие региона в целом и его информационное и имиджевое восприятие.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, Приморский край, Свободный порт Владивосток, транспортная логистика, морские порты, регион, международное экономическое сотрудничество, внешние вызовы, санкции*

Для цитирования: Самойленко П. Ю. Современное развитие Приморского края как транзитного логистического региона в условиях внешних санкций: информационно-имиджевый аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 138–146. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/138-146>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/138-146>

Modern development of Primorsky Krai as a transit logistics region under external sanctions: information and image aspect

Petr Yu. Samoilenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, petersam@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of the modern development of Primorsky Krai as a transit logistics and border region in the context of external sanctions. The author describes and analyzes the growing importance of seaports and the transport complex of Primorsky Krai as part of the world's transit transport corridors in the Eurasian direction. There is a large increase in cargo handling in the ports of Primorye in the period 2021–2022, the range of typical export, import and transit cargo is being considered. The influence of these processes is analyzed not only on the economy of the region, but also on its image, on the information perception and information image of the region in the Asia-Pacific region. Considerable attention is paid to the prospects for a further increase in transit transport traffic through the main ports of the region in the near future, the impact of these processes on the development of the region as a whole and its informational and image perception.

Key words: *Russian Far East, Primorsky Krai, Free Port of Vladivostok, transport logistics, seaports, region, international economic cooperation, external challenges, sanctions*

For citation: Samoilenko P. Yu. Modern development of Primorsky Krai as a transit logistics region under external sanctions: information and image aspect // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 138–146. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/138-146>

Приморский край в масштабах не только российского Дальнего Востока, но и страны традиционно воспринимался как приграничный регион, связаный как в целом с транспортной логистикой, так и с транзитными грузопотоками. В разные исторические периоды доминировали либо задачи, связанные с внешнеэкономической деятельностью, либо с обслуживанием национальных интересов на Дальнем Востоке, прежде всего с осуществлением так называемого "северного завоза", то есть обеспечения грузами северо-восточных регионов страны [2].

Исторически как приграничный регион Приморье всегда было связано с транспортной логистикой. Наиболее активное развитие морских портов региона приходится на 60-е–80-е гг. XX в., когда активно развиваются такие крупные незамерзающие порты региона, как Владивосток, Находка, Восточный. Вместе с тем основная масса грузов вплоть до недавнего времени перемещалась в рамках национальной внешнеэкономической деятельности, то есть это был либо экспорт из страны, либо импорт в нее. Лишь несуществен-

ная доля контейнерных грузов следовала через регион международным транзитом на Евроазиатском направлении. Во многом порты Приморья раньше играли важную роль и во внутристрановых транспортных перевозках, прежде всего обеспечивали так называемый "Северный завоз", то есть снабжение северо-восточных регионов страны, таких как Магадан, Камчатка и Чукотка. Поэтому ранее информационный образ региона был в большей степени связан с международной транспортной логистикой в рамках национальной внешней торговли, сегодня же он меняется в направлении усиления роли края в международном "сквозном" транзите грузов на евроазиатских транспортных путях.

В настоящее время регион оказался в достаточно уникальной ситуации, когда в течение небольшого временного периода из-за внешних факторов его роль как транзитного приграничного региона начала очень быстро увеличиваться, а имиджевая составляющая, связанная с транспортными перевозками, соответственно, расти [12].

Сегодня можно говорить о том, что не просто увеличивается грузооборот крупнейших морских портов региона, но и создаются условия для активного развития транспортного комплекса региона в целом. В такой ситуации формируются предпосылки и для изменения ключевых черт информационного образа региона и его столицы – Свободного порта Владивосток [19, p. 7].

Необходимо отметить, что в течение последних восьми лет произошли определенные изменения, которые ориентированы на развитие региона и привлечение сюда иностранных инвестиций. Речь, прежде всего, о проведении во Владивостоке ежегодного Восточного экономического форума, введение в действие уникальных экономических режимов Свободного порта Владивосток, Территорий опережающего развития, программы Дальневосточный гектар, создании на острове Русском специального административного района (САР) – налоговой "гавани" для бизнеса. Все эти меры ориентированы, прежде всего, на развитие экономики региона и его активную интеграцию в хозяйственно-экономические процессы в АТР. При этом, несмотря на то что сегодня вопрос о влиянии этих мер на комплексное развитие региона остается дискуссионным, тем не менее очевидно, что государство предпринимает целенаправленные шаги в направлении его долговременного развития как транзитной приграничной территории.

Любые изменения в структуре экономики региона, прежде всего такие, как ожидаемые в качестве результатов реализации политики "Восточного вектора" развитие промышленности и сельского хозяйства, с обязательным присутствием экспортной составляющей, потребуют и адекватного транспортного обеспечения. Помимо потенциала внутреннего развития Приморья большое значение имеет и транзитная составляющая, которая стала отчетливо проявляться в период 2021 и 2022 годов во многом под влиянием внешних факторов.

В последние два года явным признаком, с одной стороны, важности и системного характера всей транспортно-логистической инфраструктуры Приморского края, а с другой стороны, наличия в ней проблем, стал так называемый "контейнергейт" [5]. Таким термином называли проблемы с перемещением возрастающих объемов грузов в портах Приморского края и существенное затаваривание портовых складских мощностей. Случилось это во второй половине 2021 года, когда из-за удорожания фрахта, то есть стоимости морских перевозок на трансконтинентальном направлении между ведущими экономикой Азиатско-тихоокеанского региона и европейскими странами стала востребована доставка грузов по так называемому "евроазиатскому транспортному коридору", то есть по российским железным дорогам и через порты Дальнего Востока, прежде всего порты южного Приморья [16]. Это проявившееся конкурентное преимущество региона довольно быстро привело к тому, что в крупнейших портах Приморского края возникли "пробки", то есть затаваривание грузами, прежде всего контейнерными, и многократное уменьшение скорости их обработки соответственно. Данная ситуация показала уязвимые места в системе транспортной инфраструктуры региона, в рамках Приморского края это, в первую очередь, касается транспортных коммуникаций на уровне железной дороги в местах "стыка" с морскими портами.

Применительно к теме данной статьи это свидетельствует о том, что необходимо предпринимать системные усилия по "расшивке" таких узких мест в логистической системе региона, прежде всего увеличивая пропускную способность как железных дорог, так и возможности грузообработки в крупнейших портах Приморья, поскольку если грузопоток будет увеличиваться и дальше, а статистика показывает именно такое развитие событий за последний год, то неизбежно эти проблемы будут повторяться, а в системе будут наблюдаться постоянные проблемы [6]. Очевидно, что необходимо предпринимать усилия во всех звеньях логистической цепи в пределах региона для того, чтобы данная проблема была решена или как минимум наметились положительные изменения в вопросах грузообработки [18, р. 20]. Она имеет существенное значение ещё и потому, что вызывает большое количество негативных откликов в средствах массовой информации и в медиасреде в целом, в также блогосфере, что, соответственно, негативно сказывается на имидже региона [13]. Именно поэтому властям необходимо предпринимать системные усилия для решения этой проблемы, по меньшей мере в перспективе нескольких ближайших лет [11].

Массовые антиросийские санкции, введённые коллективным западом в 2022 году, привели к изменению схем доставки грузов в пределах России, а также международных грузопотоков, в которых задействован потенциал страны, в том числе и на Дальнем Востоке. То есть они, по сути, еще больше усилили тренд на резкий рост востребованности логистической системы региона, которую показали описанные выше события 2021 года. Это сказалось на изменении грузопотоков, которые начали меняться с западного на восточное направление. По статистике 2022 года, существенно упал оборот крупнейших портов на северо-западе и на юго-западе нашей страны, но при этом начал увеличиваться объём грузообработки в портах восточного побережья страны, в первую очередь в Приморском крае. Антиросийские санкции имеют долгосрочную цель, поэтому можно прогнозировать, что в такой парадигме экономика региона будет существовать достаточно долгое время. Соответственно, с высокой долей вероятности можно предполагать, что тренд на усиление востребованности логистического комплекса Приморского края будет только усиливаться в перспективе ближайших лет. При этом неэкономические факторы, такие как санкции, пандемия, или иные угрозы и вызовы, будут только усиливать общие экономические тренды. Поэтому региону необходимо предпринимать действия по увеличению пропускной способности транспортных коридоров на своей территории и росту грузооборота морских портов, поскольку именно в этой части логистической инфраструктуры происходит наибольшая по объёмам обработка грузов.

Логистический комплекс региона с его морскими незамерзающими портами становится явным драйвером развития территории, в том числе способствует активизации во многих сопредельных отраслях. Становится критически важным развитие не только самих портов и железных дорог, но и сопутствующих коммуникаций, а также так называемого "хинтерленда", то есть окружающего пространства в непосредственной близости от таких объектов. Речь идёт, прежде всего, об автомобильных дорогах, погрузочных площадках, объектах энергетической инфраструктуры, иных необходимых коммуникациях, от состояния и наличия которых зависит объём и скорость перемещения грузов, то есть в конечном итоге развитие экономики всего региона в существующих условиях. Таким образом, сегодня можно говорить о том, что именно транзитная логистика приобретает ключевое значение для экономики края.

Уже сегодня развитие морских портов региона и актуализация связанных с этим процессом проблем привели к тому, что возникли запросы на существенную модернизацию всей транспортной инфраструктуры, и отчасти изменения городской архитектурной среды в тех приморских городах, где расположены крупные морские торговые терминалы. Явным примером здесь является Владивосток, для которого в течение последних лет активно обсуждался проект Владивостокской кольцевой автомобильной дороги (ВКАД), которая должна связать материковую часть города с островными территориями на юге. Данный проект во многом призван решить существующие транспортные проблемы, вызванные расположением в центре города морского торгового порта, дать новые возможности для вывоза грузов с территории порта

автомобильным транспортом по альтернативным путям. С достаточной долей вероятности можно предполагать, что при расширении морской прибрежной инфраструктуры подобные проекты появятся и в других крупных портовых городах региона, таких как, к примеру, Находка [14].

В целом, исходя из официально обнародованных данных, прирост производственных мощностей всех российских морских портов по итогам 2022 года составил 36,64 млн тонн. Отмечается восстановление объемов перевалки грузов в морских портах страны на допандемийном уровне 2019 года – порядка 840 млн тонн. Грузооборот морских портов России за 2021 год составил 835,2 млн тонн, увеличившись на 1,7% в сравнении с итоговым показателем 2020 года. Прирост производственных мощностей морских портов РФ по итогам 2022 года составил 36,64 млн тонн, что стало возможным благодаря успешной реализации, в числе прочих, проекта строительства специализированного угольного терминала "Порт Вера" в районе мыса Открытый (Приморский край) мощностью 4,55 млн тонн [1].

По данным статистики за 2022 год, морские порты Приморского края увеличили объёмы перевалки контейнеров, сохранив за собой лидерство среди контейнерных терминалов России. Так, по итогам 2022 года Владивостокский морской торговый порт (ВМТП) третий год подряд занимает первую строку в рейтинге российских портов по контейнерообороту – с показателем 768 тысяч TEU (эквивалент 20-футового контейнера), что на 1,4% больше, чем в 2021 году. Общий грузооборот ВМТП в 2022 году вырос на 3,7%, и составил 13,4 млн тонн. Данные показатели значимы для региона, но в масштабах АТР пока не являются яркими и явно конкурентными по отношению к крупнейшим логистическим морским хамам Тихоокеанской пацифики – для примера, китайский порт Тяньцзинь в 2022 году обработал свыше 21 млн. TEU. На втором месте среди контейнерных терминалов России в 2022 году находится ООО "Восточная стивидорная компания" в порту Восточный в Находкинском городском округе с результатом 624 тыс. TEU. "Владивостокский морской рыбный порт" (стивидорная компания в порту "Владивосток") в 2022 году перевалил 5,033 млн тонн грузов, что является лучшим результатом в истории данного стивидора. В том числе перевалено 290 тысяч TEU (рост на 9% к 2021 году) [9]. Открываются новые международные контейнерные линии, в частности, между портами Приморья, Китая и Вьетнама, что также способствует росту перевалки контейнерных грузов в портах региона [17].

Эксперты по международной логистике отмечают, что предпосылок к падению спроса на услуги ввоза и вывоза через порты Приморского края нет. По состоянию на январь текущего года морские терминалы региона были загружены на 97% от проектной мощности, отметил глава Минтранса РФ Виталий Савельев. На этом фоне Минтранс предложил продлить до конца 2023 года решение по трем дополнительным контейнерным поездкам в направлении портов Дальнего Востока. Основные морские порты Дальнего Востока, имеющие контейнерные терминалы, – это порт Владивосток и порт Восточный. Также задействованы 17 тыловых контейнерных терминалов. Объём транзита контейнеров через регион в 2023 году планируется поднять более чем на 60% к объёму 2022 года. Фактически речь идёт о компенсации объёмов перевалки, ранее осуществляемой на северо-западе страны. Помимо контейнерных грузов, активно будут сохраняться и большие объёмы вывоза угля из Кузбасса, Хакасии, Якутии, Тувы и Бурятии, за счет дополнительных мощностей Восточного полигона. Минтранс совместно с РЖД и бизнес-сообществом в настоящее время прорабатывает дальнейшие варианты разрешения ситуации с учетом развития перевозок контейнеров в полувагонах, проводимой реконструкции Восточного полигона и увеличения объёмов грузопотока через погранпереходы. В 2021 году экспорт угля из РФ составил 223 млн тонн (+5,7% к 2020 году) при общей добыче 438,4 млн тонн. При этом экспорт угля в Европу был зафиксирован на уровне 50,4 млн тонн (+10,3%). Столько же российскими угольщиками было отгружено в 2021 году в Китай (53 млн тонн, +38%) [10].

Также следует учитывать, что при соблюдении ряда условий, в том числе модернизации Транссиба, порты региона смогут вызвать заметное увеличение китайского транзита на юге Приморья, отмечает большинство профильных аналитиков [8]. Пока сложно предсказать гарантированный рост

оборота контейнеров через морские порты Дальнего Востока в ближайшей перспективе. Но в имидже региона явно сохранится роль международных транспортных коридоров (МТК) "Приморье-1" и "Приморье-2", связывающих, соответственно, северо-восточные провинции Хейлунцзян и Цзилинь Китая с портами Приморского края. Они призваны обеспечить в основном транзитный грузопоток между Азией и Европой через территорию России [7]. Поскольку контейнеры и другие грузы прибывают в приморские порты по данным коридорам по железной дороге, необходимо улучшить состояние транспортной инфраструктуры (автомобильных дорог, портовых мощностей, пунктов пропуска на государственной границе) с российской стороны.

Формирование экспортного контейнерного грузопотока для портов Дальнего Востока сегодня возможно в том числе за счет товаров, чье производство будет сконцентрировано в рамках режима СПВ. Пока сохраняются такие негативные факторы, как неудавшиеся проекты по созданию особых экономических зон на Дальнем Востоке, отсутствие общей стабильности в тарифных и институциональных условиях, наличие традиционных маршрутов перевозок, наличие бюрократических сложностей (долгие процедуры оформления документов в СПВ, сроки прохождения обязательных этапов регистрации и т.д.). Есть и решения, к примеру, проблема обработки транзитных грузов решается с помощью внедрения системы электронного декларирования, но крайне медленно. До сих пор не снижены тарифы на перевозки транзитных контейнеров, отсутствуют распределительные центры, работа морского и железнодорожного транспорта практически не согласована. В целом можно говорить о том, что необходимо более плотное взаимодействие всех участников логистических цепочек [4].

Есть перспективы развития для МТК "Приморье-2", который соединяет китайскую провинцию Цзилинь с портами Славянка, Зарубино и Посыет на юге Приморского края. Порты расположены на стыке границ трех государств: России, КНДР и КНР, – имеют автомобильные и железнодорожные подъездные пути, выходящие на магистральные дороги России, и переваливают широкую номенклатуру грузов. Отсюда грузопоток распределяется в регионы Китая, а также Японию, КНДР, Южную Корею и США. По экспертным оценкам, с помощью порта Зарубино, входящего в зону действия СПВ, можно довести объем китайских и прочих грузов через Транссиб в Европу до 400-500 тысяч TEU в год, что будет выше соответствующего уровня во времена Советского Союза. Эксперты также допускают, что транспортные коридоры "Приморье-1" и "Приморье-2" могут подействовать улучшению ситуации с контейнерным оборотом через дальневосточные порты: "Приморье-1" позволяет сократить маршрут доставки грузов на 800 км, давая тем самым перевозчикам выигрыш во времени. Благодаря ему будет удобно доставлять контейнерные грузы из Китая в Россию, Японию, Южную Корею и США [15]. То же самое можно сказать и про МТК "Приморье-2". Что касается свободного порта "Владивосток", то, безусловно, он может повлиять на динамику и структуру логистических потоков, также надо учесть, что он еще и призван содействовать созданию различных производств на Дальнем Востоке [4].

Таким образом, на сегодняшний день основными сухими грузами, транзитом следующие через территорию Приморского края, являются контейнеры (преимущественно в направлении импорта) и уголь (на экспортном направлении). Помимо внешней конъюнктуры, влияющей на рост грузового транзита, сохраняются и возможности сохранения больших объемов экспорта угля через порты Приморского края. Согласно внешнеэкономическим прогнозам, в ближайшие годы уголь будет оставаться одним из ключевых грузов в структуре оборота портов Дальнего Востока. Это обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, расположением за Уралом крупных центров по добыче угля, во-вторых, доминированием в структуре экспорта угля азиатских государств, и прежде всего Китая и Японии, чья энергетика и промышленность сильно зависят от поставок извне. При сохранении существующих темпов развития логистики Дальний Восток через 10 лет достигнет трети оборота китайских портов. Для достижения этой цели необходимо применять системный подход, действовать в контексте общей концепции программы развития Дальнего Востока [4].

Говоря о трансформации информационного образа региона как территории, все больше связанной с транзитной логистикой, следует отметить и арктические проекты. Будущее России на рынке контейнерных перевозок также связывается с полярными широтами. Дальний Восток может стать мощной составляющей Северного морского пути (СМП) [3, с. 27]. Эти проекты только начинают развиваться, но также имеют для Приморского края огромное значение, в том числе и имиджевое, поскольку именно морские порты региона станут важнейшим транзитным хабом на караванных путях через Северный ледовитый океан по Северному морскому пути. Именно здесь будут располагаться базы снабжения, производиться бункеровка (заправка) судов и их снабжение, осуществляться работа с грузами, которые будут идти по данному трансконтинентальному направлению, при необходимости перевалки в портах региона – к примеру, дозагрузки торговых судов. Реализация арктических проектов и их влияние на развитие региона является делом ближайшего будущего, но уже сегодня можно констатировать, что значение этого фактора будет расти. А в горизонте ближайших 5-10 лет влияние арктической проблематики на развитие региона станет ещё больше. Следует отметить, что в данном отношении уже предпринимаются определённые действия, в частности, на территории морского порта Владивосток заявлены к строительству два больших грузовых терминала, заказчиком проекта он заявлен именно как ориентированный на обработку грузов для Севморпути.

Для развития арктической логистики на уровне Минвостокразвития и Арктики предлагается создать в короткий срок новый ледокольный флот и корабли ледового класса, обеспечить регулярные проводки караванов судов по Северному ледовитому океану (это возможно, если, например, организовать встречные проходы судов: сто судов в одну и сто в другую – дадут возможность увеличить сроки навигации на несколько месяцев). Преимущество России, особенно на Дальнем Востоке, – в глубоководных бухтах и глубоководных портах. Оно позволяет строить крупнотоннажные суда ледового класса. Кроме этого, Россия может предложить широкое использование композитных материалов для судостроения: создаваемое "Роснефтью" нефтехимическое производство вблизи порта Находка сможет обеспечить полимерами и другой продукцией предприятия Дальнего Востока. Развитие логистики XXI века на Дальнем Востоке должно стать национальным приоритетом [4].

Образ региона как территории, интегрированной в мировую экономику и международные процессы в АТР, в настоящее время стремительно меняется. Если раньше регион в основном был связан с морским экспортом и импортом преимущественно в рамках внешней торговли страны, то теперь существенно возрастает его роль и информационное восприятие как транзитного региона, как территории, являющейся международным транспортным хабом, в рамках которого именно морские порты играют наиболее важную и заметную роль, а вся логистическая система является частью мировых логистических коридоров на направлении "Европа-Тихоокеанская Азия". Таким образом, сегодня Приморский край находится в условиях, когда на длительную перспективу возникли предпосылки закрепления за ним образа транзитного региона, представляющего важное звено в мировой логистике.

К числу ключевых черт данного образа относятся следующие:

- существенная роль морских портов и иных крупных логистических объектов в экономике и жизни региона;
- большое влияние логистических объектов на образ крупных городов региона, их архитектуру и застройку;
- увеличивающаяся роль транзитной составляющей в образе региона в целом;
- очевидное и постоянно усиливающееся влияние транспортных объектов на пространственное развитие территории региона, прежде всего – крупных портовых городов и прилегающих к ним районов;
- постоянное обсуждение данной проблематики в СМИ и блогосфере региона;
- большая роль транспортных сооружений и комплексов в визуальном восприятии территории, к примеру, в рамках так называемого "морского фасада" крупных приморских городов-портов;

- неразрывная связь транзитных транспортных коммуникаций региона с урбанистическими проблемами, условиями жизни населения, современной городской средой.

Говоря о проблемах и вызовах, которые нуждаются в решении в стратегическом плане с точки зрения развития региона и его информационного образа, необходимо отметить прежде всего такие, как:

- необходимость увеличения пропускной способности железных дорог "на стыке" с крупнейшими логистическими комплексами региона, прежде всего морскими портами;

- необходимость модернизации портовых сооружений с целью как увеличения объемов грузообработки в целом, так и скорости погрузочных и складских операций в частности;

- существующий тренд на дальнейшее изменение специализации морских портов, прежде всего в сторону увеличения количества специализированных терминалов, перерабатывающих контейнерные грузы;

- важность проработки влияния морских портов и других крупных логистических сооружений на современную городскую среду, прежде всего в пределах таких крупных в региональном масштабе агломераций, как Владивосток;

- большое количество негативных публикаций в медиа, посвященных транспортной транзитной логистике. Основными темами являются экологическое загрязнение (в основном проблема так называемой "угольной пыли"), существенные задержки обработки грузов в морских портах и на железнодорожных станциях региона, проблемы затянувшейся реконструкции наземных пограничных пунктов пропуска на российско-китайской границе в пределах региона, имеющийся ряд громко заявленных, но так и не реализованных проектов строительства морских портов и ряд других;

- необходимость включения существующих логистических сооружений в процессы развития сопредельных секторов в экономике региона, таких как внутренняя логистика, торговля и снабжение;

- важность развития местных экспортно-ориентированных производств в рамках политики "Восточного вектора", ТОР и СПВ, и включение их продукции в существующие международные грузопотоки на территории региона, что также станет частью бренда края.

Успешность изменения имиджа региона будет зависеть как от внешних, так и от внутренних факторов. При этом непосредственно совершенствование самой логистической системы региона должно дополняться спланированными шагами по формированию позитивного образа территории, отражения в нем транспортной составляющей как одного из ключевых элементов в экономике, развитии края, урбанистике и социальных процессах.

Литература

1. Грузооборот морских портов РФ в 2022 году незначительно увеличился – Росморречфлот // PortNews. 04.01.2023. URL: <https://portnews.ru/news/341013/> (дата обращения: 24.01.2023).
2. Закон о северном завозе планируют рассмотреть уже весной 2023 года // РИА PrimaMedia. 23.01.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1439028/?from=37>. (дата обращения: 26.01.2023).
3. Заостровских Е.А. Дальневосточные морские порты в контексте транзита по северному морскому пути // Регионалистика. 2020, № 5. С. 24–38.
4. И десятилетия мало. EastRussia оценивает шансы Дальнего Востока на контейнерооборот уровня крупного китайского порта. // EastRussia. 12.06.2022. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/i-desyatiletija-malo/>. (дата обращения: 14.12.2022 г.).
5. Идём на восток: как дальневосточные порты справляются с ростом грузооборота // Золотой Пор. 27.12.2022. URL: <https://zr.media/news/2022-12-27/idiom-na-vostok-kak-dalnevostochnye-porty-spravlyayutsya-s-rostom-gruzooborota-2625698>. (дата обращения: 15.01.2022 г.).
6. Как Приморью заработать на транзите. Транзитный потенциал Дальнего Востока огромен, но чтобы его реализовать, надо инвестировать сотни миллиардов рублей. // Ведомости. 03.09.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/03/810388-primoryu-zarabotat>. (дата обращения: 30.11.2022 г.).
7. Китайцы не заметили рекордного товарооборота с Россией // РИА "DEITA". 14.01.2023. URL: <https://deita.ru/article/530276> © DEITA.RU. (дата обращения: 20.01.2023 г.).
8. Поворот на восток в действии: порты Приморья наращивают грузооборот // РИА "DEITA". 19.01.2023. URL: <https://deita.ru/article/530535> © DEITA.RU. (дата обращения: 25.01.2023 г.).

9. Порты Приморья заняли два первых места по России по перевалке контейнеров // РИА PrimaMedia. 19.01.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1436452/?from=7>. (дата обращения: 21.01.2023 г.).
10. Порты Приморского и Хабаровского краев загружены на 97% от проектной мощности // РИА PrimaMedia. 12.01.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1432027/?from=7>. (дата обращения: 21.01.2023 г.).
11. Призрачные порты Приморья: Владивосток никак не станет Северным Сингапуром, но это не точно // РИА "DEITA". 13.01.2023. URL: <https://deita.ru/article/530214>. (дата обращения: 18.01.2023 г.).
12. Приморье – новый вектор логистического развития // ИА РЖДПартнер.РУ 27.09.2022. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/interview/primore-novyy-vektor-logisticheskogo-razvitiya/>. (дата обращения: 17.01.2023 г.).
13. Прокуратура разбирается с угольной пылью во Владивостоке // РИА "DEITA". 24.01.2023. URL: <https://deita.ru/article/530757> © DEITA.RU. (дата обращения: 11.01.2023 г.).
14. Судьба портов Находки. Те, кто не хочет модернизации, будут национализированы? // РИА PrimaMedia. 04.01.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1428678/?from=7>. (дата обращения: 10.01.2023 г.).
15. Транзит контейнеров через Приморье непрерывно растет. // Приморская газета. 19.10.2021. URL: <http://primgazeta.ru/news/tranzit-kontejnerov-cherez-primor-e-nepreryvno-rastet-19-10-2021-02-19-21>. (дата обращения: 09.12.2022 г.).
16. Экспортные грузы стремятся к портам Приморского края // Морские Вести России. 05.11.2022. URL: <http://www.morvesti.ru/exclusive/99235/>. (дата обращения: 09.12.2022 г.).
17. FESCO запустила регулярную морскую линию из России во Вьетнам // PortNews. 12.09.2022. URL: <https://portnews.ru/news/329571/>. (дата обращения: 09.01.2023 г.).
18. Gavrilov A.N. Development of forecasting of cargo turnover in Russian seaports // Asia-Pacific journal of marine science and education. 2021. Vol. 2, P. 16–24.
19. Samoylenko P. Yu. Image of Vladivostok as seaport city and problems of Russian international cooperation in Asia-Pacific region // Asia-pacific journal of marine science and education. 2018. Vol 8. No 2. P. 5–9.

References

1. Cargo turnover of Russian seaports slightly increased in 2022 – Rosmorrechflot // PortNews. 01.04.2023. URL: <https://portnews.ru/news/341013/> (accessed 01.24.2023). (In Russ.).
2. The law on northern delivery is planned to be considered in the spring of 2023 // RIA PrimaMedia. 01.23.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1439028/?from=37> (accessed 26.01.2023). (In Russ.).
3. Zaostrovskikh E.A. Far Eastern seaports in the context of transit along the northern sea route // Regionalistics. 2020, No. 5. P. 24–38. (In Russ.).
4. And a decade is not enough. EastRussia assesses the chances of the Far East for container handling at the level of a large Chinese port. // EastRussia. 06.12.2022. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/i-desyatiletiya-malo/> (accessed 12.14.2022). (In Russ.).
5. Going East: How the Far Eastern Ports Cope with the Growth of Cargo Turnover // Golden Horn. 12.27.2022. URL: <https://zr.media/news/2022-12-27/idyom-na-vostok-kak-dalnevostochnye-porty-spravlyayutsya-s-rostom-gruzooborota-2625698>. (accessed 01.15.2022). (In Russ.).
6. How Primorye can make money on transit. The transit potential of the Far East is huge, but in order to realize it, hundreds of billions of rubles must be invested. // Vedomosti. 09.03.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/09/03/810388-primoryu-zarabotat>. (accessed 11.30.2022). (In Russ.).
7. The Chinese did not notice the record trade turnover with Russia // RIA "DEITA". 01.14.2023. URL: <https://deita.ru/article/530276/> (accessed 20.01.2023). (In Russ.).
8. Turn to the East in action: the ports of Primorye are increasing their cargo turnover // RIA "DEITA". 01.19.2023. URL: <https://deita.ru/article/530535/>. (accessed 25.01.2023). (In Russ.).
9. The ports of Primorye took the first two places in Russia for transshipment of containers // RIA PrimaMedia. 01.19.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1436452/?from=7>. (accessed 21.01.2023). (In Russ.).
10. Ports of Primorsky and Khabarovsk Territories are loaded at 97% of their design capacity // RIA PrimaMedia. 01.12.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1432027/?from=7>. (accessed 21.01.2023). (In Russ.).
11. Phantom ports of Primorye: Vladivostok will never become Northern Singapore, but this is not certain // RIA "DEITA". 01.13.2023. URL: <https://deita.ru/article/530214>. (accessed 01.18.2023). (In Russ.).
12. Primorye – a new vector of logistics development // ИА RZHDPartner.RU 27.09.2022. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/interview/primore-novyy-vektor-logisticheskogo-razvitiya/>. (accessed 01.17.2023). (In Russ.).

13. The prosecutor's office deals with coal dust in Vladivostok // RIA "DEITA". 01.24.2023. URL: <https://deita.ru/article/530757/>. (accessed 01.11.2023). (In Russ.).
14. The fate of the ports of Nakhodka. Those who do not want modernization will be nationalized? // RIA PrimaMedia. 01.04.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1428678/?from=7>. (accessed 01.10.2023). (In Russ.).
15. The transit of containers through Primorye is constantly growing. // Seaside newspaper. 10.19.2021. URL: <http://primgazeta.ru/news/transit-kontejnerov-cherez-primor-e-nepreryvno-rastet-19-10-2021-02-19-21> (accessed 09.12.2022). (In Russ.).
16. Export cargo tends to the ports of Primorsky Krai // Morskije Vesti Rossii. 11.05.2022. URL: <http://www.morvesti.ru/exclusive/99235/>. (accessed 09.12.2022). (In Russ.).
17. FESCO launched a regular sea line from Russia to Vietnam // PortNews. 09.12.2022. URL: <https://portnews.ru/news/329571/>. (accessed 01.09.2023). (In Russ.).
18. Gavrilov A.N. Development of forecasting of cargo turnover in Russian seaports // Asia-Pacific journal of marine science and education. 2021. Vol. 2, P. 16–24.
19. Samoylenko P. Yu. Image of Vladivostok as seaport city and problems of Russian international cooperation in Asia-Pacific region // Asia-pacific journal of marine science and education. 2018. Vol 8. No 2. P. 5–9.

Информация об авторе

Пётр Юрьевич Самойленко, канд. полит. наук, доцент департамента коммуникаций и медиа Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: petersam@mail.ru

Information about the author

Petr Yu. Samoylenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Communications and Media, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: petersam@mail.ru

Поступила в редакцию 04.02.2023

Одобрена после рецензирования 06.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 04.02.2023

Approved 06.05.2023

Accepted 18.05.2023

Межрегиональное российско-китайское сотрудничество: экспертный взгляд из регионов и городов России

Светлана Борисовна Макеева
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Москва, Россия, msbmag9581@yandex.ru

Аннотация. Анализ современных тенденций российско-китайского межрегионального "побратимского" сотрудничества на основе изучения мнения 123 экспертов из административных органов 77 российских городов-побратимов и регионов-побратимов, имеющих опыт взаимодействия с городами и регионами Китая на протяжении более 5 лет показывает, что прочной основой "побратимских" связей РФ и КНР является гуманитарное сотрудничество. Определенные ожидания и дальнейшие перспективы эксперты связывают с торгово-экономическим сотрудничеством, которое удалось развивать на взаимовыгодных условиях с Китаем далеко не всем российским городам и регионам. Это в определенной степени зависит не от приграничного положения российских регионов, а от общего уровня социально-экономического развития, инвестиционной привлекательности и активности административных органов власти, бизнес-кругов в российских регионах и городах.

Ключевые слова: *российско-китайские отношения; межрегиональное сотрудничество; города-побратимы; регионы-побратимы; социологическое исследование; экспертный опрос; межмуниципальное взаимодействие; система "побратимского" сотрудничества*

Благодарности: выражаем особую признательность администрациям российских городов-побратимов¹ и регионов-побратимов² в содействии, организации и активном участии в социологическом исследовании, проведенном с марта 2021 по декабрь 2022 гг.

Для цитирования: Макеева С. Б. Межрегиональное российско-китайское сотрудничество: экспертный взгляд из регионов и городов России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 147–156. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/147-156>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/147-156>

Interregional Russian-Chinese cooperation: an expert view from the regions and cities of Russia

Svetlana B. Makeeva
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, msbmag9581@yandex.ru

Abstract. An analysis of current trends in Russian-Chinese interregional "sister" cooperation based on a study of the opinions of 123 experts from the administrative bodies of 77 Russian sister cities and sister regions who have experience of interaction with cities and regions of China for more than 5 years shows that a solid foundation of "sister cities" relations between Russia and China is humanitarian cooperation. Experts associate certain expectations and future prospects with trade and economic cooperation, which far from all Russian cities and regions managed to develop on mutually beneficial terms with China. To a certain extent, this does not depend on the border position of Russian regions, but on the general level of socio-economic development, investment attractiveness and activity of administrative authorities, business circles in Russian regions and cities. In their responses, the experts assign a significant place to listing numerous difficulties and problems on the path of mutually beneficial Russian-Chinese interregional cooperation.

Gratitude: we express special gratitude to the administrations of Russian twin cities and twin regions in the assistance, organization and active participation in a sociological study conducted from March 2021 to December 2022.

Key words: *Russian-Chinese relations; interregional cooperation; "sister cities"; "sister regions"; sociological research; expert survey; inter-municipal interaction; "twinning" system*

For citation: Makeeva S. B. Interregional Russian-Chinese cooperation: an expert view from the regions and cities of Russia // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 147–156. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/147-156>

¹ Российские города-побратимы китайских городов: Ангарск, Артём, Астрахань, Балашиха, Бердск, Биробиджан, Благовещенск, Братск, Великий Новгород, Владимир, Волжский, Вязьма, Дубна, Жуковский, Звенигород, Ижевск, Искитим, Калининград, Кемерово, Кинель, Комсомольск-на-Амуре, Краснодар, Краснояменск, Красноярск, Липецк, Магадан, Магнитогорск, Махачкала, Москва, Мурманск, Находка, Новоалтайск, Омск, Пенза, Подольск, Рубцовск, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Серпухов, Сочи, Ставрополь, Суздаль, Сургут, Сызрань, Сыктывкар, Тверь, Тольятти, Улан-Удэ, Ульяновск, Уссурийск, Уфа, Череповец, Элиста, Энгельс, Якутск.

² Российские регионы-побратимы китайских регионов: Алтайский край, Амурская область, Воронежская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Иркутская область, Калужская область, Ленинградская область, Московская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Приморский край, Республика Тыва, Самарская область, Саратовская область, Сахалинская область, Свердловская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Ярославская область.

Значительную роль в развитии сотрудничества между городами и регионами РФ и КНР в период с 1990-х гг. По настоящее время играет система взаимодействия между "породнёнными" регионами (友好区域) и "городами-побратимами" (友好城市). Это особое направление межрегиональных и межмуниципальных российско-китайских отношений. Система "побратимского" сотрудничества закрепляла за каждым крупным городом, областью, краем, а также приграничным городом в России – город-побратим или регион-побратим в КНР. Изначально межрегиональное "побратимское" взаимодействие было ориентировано на гуманитарное сотрудничество, но в дальнейшем направления и формы связей касались и торгово-экономических аспектов. Всего в период с 1988 по 2021 годы между Россией и Китаем было образовано 122 пары городов-побратимов и регионов-побратимов. Изучение российско-китайского межрегионального сотрудничества представляет собой одно из актуальных научных направлений в условиях ежегодного наращивания стратегического партнерства с КНР. При большом количестве публикаций, посвящённых межгосударственному российско-китайскому сотрудничеству, практически отсутствуют работы, в которых использованы результаты социологических исследований, позволяющих провести комплексный анализ межрегионального российско-китайского сотрудничества в различных сферах по линии побратимства российских и китайских городов и регионов. В работах отечественных исследователей С.А. Иванова [4], Д.А. Изотова [5], А.Н. Новопашиной [9] представлены различные аспекты взаимодействия российских городов и регионов. Стоит отметить, что российские авторы в основном уделяют внимание роли Дальневосточного федерального округа в развитии российско-китайского межрегионального сотрудничества. Так, в работах А.Б. Андреева [1], С.Н. Грибовой [2], О.В. Дубровиной [3] представлены особенности взаимодействия Дальнего Востока России в сфере экономики, гуманитарного сотрудничества. Особое место отечественные исследователи отводят роли приграничных российских городов в развитии межмуниципального взаимодействия с Китаем. Заслуживает особого внимания вклад отечественного китаевода В.Л. Ларина в использовании социологических методов при изучении динамики российско-китайского взаимодействия [6; 7; 8]. Рассматривая китайские исследования, необходимо отметить, что в основном межрегиональное китайско-российское сотрудничество с 1990-х гг. анализируется в рамках изучения региональной экономической политики России (Гэ Синьжун [10], Тянь Чуньшэн [13]). Особое внимание китайские ученые уделяют анализу китайско-российского сотрудничества между Северо-Восточным регионом КНР и Дальним Востоком России (Хэ Жэнься [11]). Одной из самых актуальных тем в рамках изучения китайско-российского межрегионального сотрудничества является исследование эффективности взаимодействия Китая с Россией в области энергетических ресурсов (Се Вэньсинь [12], Янь Вэй [14], Чжэн Юй, Пан Чанвэй [15], Чжу Сяньпин [16]). Целью данной статьи является комплексная оценка современного состояния, проблем и перспектив развития российско-китайского межрегионального сотрудничества на основе результатов социологического исследования в форме экспертного опроса 123 специалистов из 77 российских городов-побратимов и регионов-побратимов, имеющих опыт сотрудничества с КНР более пяти лет.

Методы и материалы. В ходе проведения комплексной оценки современного состояния российско-китайского межрегионального сотрудничества нами было организовано с марта 2021 по декабрь 2022 гг. социологическое исследование, которое проводилось методом экспертного опроса в форме личного интервью, в рамках посещения российских городов-побратимов и регионов-побратимов, а также интервью по телефону, скайп-связи и через письменные ответы экспертов. Объектами экспертного опроса выступали сотрудники администраций российских городов-побратимов; заместители губернаторов; главы городских округов; главы муниципальных образований; начальники территориального управления; руководители управления обеспечения деятельности глав администрации; руководители агентств международных связей, комитетов по внешнеэкономическим связям и конгрессной деятельности, комитетов по туризму и зарубежным связям; начальники отделов международных связей, комитетов экономической политики и развития; начальники управления международного управления и внешнеэкономических

связей; руководители отделов зарубежных связей и протоколов управления; начальники отделов международных, межрегиональных и внешнеэкономических связей; руководители агентств международного сотрудничества областей, краев РФ. Количество респондентов экспертного опроса составило 123 специалиста, ответственных за развитие сотрудничества с КНР на уровне российских городов-побратимов и регионов-побратимов. Опрос проходил на базе Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Москва), а также в 77 городах-побратимах и регионах-побратимах России. Критерием выборки стал опыт поддержания межрегиональных связей с КНР по линии побратимства более пяти лет. Разработанная анкета включала 7 вопросов, позволяющих оценить нынешнее состояние, проблемы, возможности и перспективы развития межрегионального российско-китайского сотрудничества. Предметом исследования экспертного опроса являлся процесс организации и реализации разнообразных форм межрегионального сотрудничества в различных сферах с КНР на уровне российских городов-побратимов и регионов-побратимов.

Экспертная оценка современного состояния межрегионального российско-китайского-сотрудничества. Большинство опрошенных нами экспертов указало, что межрегиональное и межмуниципальное российско-китайское сотрудничество развивается достаточно активно. Из 123 опрошенных экспертов, практически все в своих ответах представили накопленный опыт по развитию сотрудничества с КНР, выразив готовность к продолжению взаимодействия с регионами и городами Китая. Эксперты утверждают, что система "побратимского" сотрудничества с КНР представляет собой надежный механизм межрегионального взаимодействия. Как отмечает Н.Г. Родина, ведущий советник отдела регионального маркетинга и внешнеэкономической деятельности департамента экономического развития Воронежской области, "побратимские отношения, как один из инструментов народной дипломатии, поощряют прямые контакты жителей и/или общественных организаций регионов-побратимов, способствуют улучшению взаимоотношений, взаимовыгодного сотрудничества, лучшему пониманию культуры, традиций и особенностей жизни граждан разных стран, что, безусловно, важно в текущей геополитической обстановке". Выделяя ключевые направления российско-китайского "побратимского" сотрудничества, эксперты В.С. Резниченко (первый заместитель главы администрации города Комсомольск-на-Амуре), В.А. Василевская (директор Департамента внешнеэкономических, межрегиональных связей и международного сотрудничества Министерства экономического развития Сахалинской области), Е.С. Скрыбина (сотрудник Администрации городского округа – город Волжский Волгоградской области), Ю.М. Казетов (заместитель мэра города Магадан), Н.А. Христ (руководитель Департамента международных и межрегиональных связей администрации города Тольятти), Е.А. Делиу (начальник управления экономического развития администрации Уссурийского городского округа), О.Н. Васильева (председатель комитета по туризму и зарубежным связям Администрации города Великий Новгород), М.Ю. Оголёва (начальник управления международных, внешнеэкономических, межрегиональных связей и бюджетного планирования комитета экономической политики и развития Волгоградской области), Е.Ю. Галятина (главный специалист отдела инвестиций и предпринимательства управления экономики и инвестиций администрации города Магнитогорск) определяют, что межрегиональное сотрудничество городов и регионов с КНР зачастую осуществляется по образовательным, культурным и туристическим направлениям.

Система российско-китайского межрегионального "побратимского" сотрудничества в российских городах и регионах касается реализации различных проектов, при этом в каждом регионе или городе наблюдаются свои специфические особенности взаимодействия с КНР. Эксперт О.Ю. Гусева (Директор Департамента внешних связей правительства Нижегородской области) утверждает, что взаимодействие с Китаем является одним из наиболее активных направлений международного межрегионального сотрудничества Нижегородской области, основные контакты с которым происходят на площадке Совместной рабочей группы по сотрудничеству в торгово-экономической и гуманитарной областях регионов Приволжского федерального округа и

Верхнего и Среднего течения реки Янцзы. Оценивая состояние российско-китайского межрегионального сотрудничества, эксперт И.А. Петрова (консультант отдела международных отношений и протокола управления организационной работы администрации города Благовещенск) отмечает, что "города Благовещенск и Хэйхэ – это города-побратимы. С каждым годом растет количество традиционных мероприятий, в которых участвует все больше детей, школьников и жителей двух городов, появляются новые мероприятия в области спорта, культуры, экономики и т.д.". Эксперт П.Ю. Чугуев (начальник отдела инвестиции и инноваций Управления экономики города Жуковский Московской области) отмечает, что "город Жуковский и город Чжухай объединяет авиационная направленность городов и проведение авиасалонов. В большей степени взаимосвязь и визиты делегаций связаны с обменом опытом в сфере культуры и образования. При этом несмотря на теплые, дружественные отношения это не привело к росту экономических связей". А.В. Мажулина (ведущий специалист Отдела внешнеэкономической деятельности Министерства по внешним связям и делам народов Республики Саха (Якутия)) отмечает, что работа с китайскими регионами/городами-побратимами ведётся довольно активно. "Плотно идёт сотрудничество с провинцией Хэйлуунцзян по оказанию совместной поддержки во время пандемии COVID-19. Активно развивается установление побратимских связей между муниципальными районами Якутии и КНР. Но при этом после подписания соглашений/протоколов/меморандумов активная работа чаще всего ведется только первые два-три года. Из восемнадцати муниципальных районов на данный момент активную связь с КНР поддерживают всего семь-восемь районов".

Таким образом, экспертный опрос показал, что российские города и регионы проявляют заинтересованность в поддержании межрегионального сотрудничества, имеют значительный опыт в развитии взаимодействия с КНР в гуманитарной области. Все опрошенные эксперты рассматривают отношения между городами-побратимами, регионами-побратимами России и Китая как надёжную основу партнёрских связей на уровне регионов в сферах экономики, торговли, инвестиций, туризма, образования и культуры. Российские города и регионы имеют свои особенности и перспективы развития, поэтому механизм взаимодействия с КНР по линии "побратимского" сотрудничества позволяет использовать экономические возможности конкретного региона. Большинство экспертов отмечают, что межрегиональное "побратимское" сотрудничество может способствовать развитию экономического, инвестиционного и транспортно-логистического потенциала субъектов двух государств.

Экспертное восприятие проблем российско-китайского межрегионального взаимодействия. На протяжении длительного периода с 1988 г. по настоящее время в процессе формирования системы российско-китайского межрегионального "побратимского" сотрудничества у российских регионов и городов возникали различные трудности и проблемы во взаимодействии с КНР. К основным проблемам больше половины опрошенных экспертов (69 специалистов) относят географическую удалённость от КНР российских городов и регионов, расположенных в европейской части России, а также ограниченность транспортно-логистических связей с Китаем. Кроме того, эксперты выделяют в качестве проблемы на пути межрегионального российско-китайского сотрудничества отсутствие квалифицированных кадров со знанием иностранных языков. Эксперт Н.Г. Родина (ведущий советник отдела регионального маркетинга и внешнеэкономической деятельности департамента экономического развития Воронежской области) отмечает, что "в контексте взаимодействия Воронежской области и Гуанси-Чжуанского автономного района КНР определенные трудности создает географическая удалённость регионов-партнеров сама по себе, сложная транспортная логистика и связанные с ней финансовые аспекты, а также языковой вопрос (необходимость владения китайским языком или одним из европейских языков как рабочим языком переговоров ограничивает спектр и динамику сотрудничества), поэтому у приграничных регионов-побратимов больше шансов на успешное сотрудничество". Эксперт О.Н. Васильева (председатель комитета по туризму и зарубежным связям Администрации города Великий Новгород) к основным трудностям и проблемам в механизме взаимодействия между регионами-побратимами, городами-побратимами России и Китая относит языковой

барьер и культурные различия, проблемы внешнеторговых отношений двух стран, недостаточное развитие транспортно-логистической и таможенной инфраструктуры, сложности в установлении связей на уровне малого и среднего бизнеса. Среди основных трудностей в механизме взаимодействия между городами-побратимами России и Китая эксперт Н.А. Христ (руководитель Департамента международных и межрегиональных связей администрации города Тольятти) отмечает следующие: "высокие транспортные расходы при организации поездок делегаций и сложные логистические маршруты, которые связаны с тем, что большинство авиарейсов Китая и России выполняются через аэропорты Пекина и Москвы. Отсутствие прямого авиасообщения между регионами-побратимами, городами-побратимами России и Китая; повышенные профессиональные требования к сотрудникам, осуществляющим прием и сопровождение китайских делегаций в России, включая наличие опыта, знание языка, культурных и национальных особенностей Китая. Например, диалекты китайского языка, распространённые в разных провинциях КНР, усложняют работу переводчиков".

Большинство экспертов (42 опрошенных специалиста) утверждают, что различия в менталитете двух государств также выступают основной проблемой во взаимодействии с КНР. Эксперт Е.А. Делиу (начальник управления экономического развития администрации Уссурийского городского округа) отмечает, что "уровень взаимодействия между российским и китайским народами в рамках стратегического партнерства требует дальнейшего повышения. Различия в культурных кодах между русскими и китайцами и некоторый недостаток взаимного интереса оказывают сдерживающее воздействие на развитие сотрудничества во всех сферах. Важными направлениями работы представляются как постоянное и широкое информирование об особенностях менталитета в государстве-партнере, так и создание положительного образа России и Китая у китайцев и россиян соответственно. Для углубления взаимопонимания должен быть задействован весь спектр инструментов, в частности туристические обмены, взаимодействие в области СМИ, образования, телевидения, кинематографа, книгоиздания и др.". Эксперт И.В. Середок (глава города Кемерово) на примере взаимодействия Кемеровской области (Кузбасса) с КНР определяет варианты решения проблемы в различиях менталитета двух стран с помощью создания "межрегионального медиационного специальной площадки для информационного сопровождения комплекса вопросов, касающихся межрегионального сотрудничества и развития общественной дипломатии, развитие медиационных на базе научно-образовательных центров региона, проведение на региональном уровне обучающих семинаров, тренингов, мастер-классов для журналистов и редакторов изданий по различным направлениям, связанным с комплексом вопросов в сфере информационного сопровождения".

Комплекс проблем в развитии российско-китайского межрегионального сотрудничества связан с непреемственностью и финансовыми аспектами реализации взаимодействия двух сторон. Эксперт А.В. Мажулина (ведущий специалист Отдела внешнеэкономической деятельности Министерства по внешним связям и делам народов Республики Саха (Якутия)) к основным трудностям в межрегиональном сотрудничестве России и КНР относит "недостаточное финансирование, отсутствие совместной заинтересованности и глубокой вовлеченности с обеих сторон. Проблема заключается в непреемственности, так как после смены главы района, у нового руководителя при принятии должностных обязанностей международное сотрудничество откладывается на долгий срок". Эксперт П.Ю. Чугуев (начальник отдела инвестиции и инноваций Управления экономики города Жуковский, Московская область) заявляет, что "правительство КНР полностью оплачивает визиты делегаций как с нашей стороны в Китай, так и своих делегаций в города-побратимы. При этом у нас отсутствуют программы финансирования таких мероприятий как на муниципальном, так и региональном уровнях. Большую инициативу по заключению соглашений проявляют города КНР, но в связи с отсутствием программ по международному сотрудничеству муниципалитеты и бизнес не проявляют большой заинтересованности. Бизнес-структуры КНР с большой осторожностью относятся к размещению бизнеса на территории РФ, но реализуют бизнес-проекты российских организаций на своей территории, что не

выгодно муниципалитетам". Как утверждает эксперт А.Ю. Чирва (главный специалист отдела международного сотрудничества Департамента Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по внешним связям и протоколу), "несмотря на перечень имеющихся городов-побратимов, сотрудничество с Синьцзяном на муниципальном уровне в последние годы по ряду объективных причин не осуществляется, соглашения остаются фактически неактивными. Ограниченность муниципальных бюджетов, а также социальная направленность их административной деятельности не позволяют органам местного самоуправления проводить активную работу по развитию внешних связей. Отсутствие квалифицированных кадров со знанием иностранных языков, а также механизма поддержки развития международного сотрудничества в структуре муниципалитета приводит к невозможности поддержания связей как с городами Китая, так и других стран". Эксперт О.М. Буртакова (главный специалист отдела потребительского рынка, международных связей и поддержки предпринимателей, управления экономики мэрии города муниципального образования "Город Биробиджан") к основным проблемам в поддержании сотрудничества с КНР относит "дисбаланс в финансировании, повышенный интерес Китая в реализации проектов, ориентированных на добычу сырья на территории Еврейской автономной области".

Несовершенство механизма поддержания российско-китайского межрегионального сотрудничества, по мнению большинства экспертов, выступает также основной проблемой во взаимодействии российских и китайских регионов. Трудности во взаимодействии между Нижегородской областью и регионами Китая, как отмечает эксперт О.Ю. Гусева (Директор департамента внешних связей Правительства Нижегородской области), заключаются в том, что не все области сотрудничества развиты одинаково. "Некоторые из них, например, сотрудничество в сфере инвестиций, инновационных технологий, здравоохранения, транспорта и инфраструктуры, нуждаются в дальнейшем количественном и качественном росте и интенсификации. Инвестиционное сотрудничество Нижегородской области и Китая развито в меньшей степени, чем торговля, что не в полной мере отвечает уровню сложившихся двусторонних торговых отношений". Эксперт Д.А. Дашиев (начальник Управления внешних связей Администрации г. Улан-Удэ) выделяет некоторые трудности в законодательной сфере по вопросам инвестиций в ходе осуществления межрегионального российско-китайского сотрудничества. К основным трудностям и проблемам в механизме межрегионального побратимского взаимодействия эксперт Ю.М. Казетов (заместитель мэра города Магадан) относит отсутствие необходимой законодательной базы, регулирующей деятельность, порядок для взаимодействия между "городами-побратимами". По мнению А.Ю. Чирва (главный специалист отдела международного сотрудничества Департамента Администрации Губернатора и Правительства Алтайского края по внешним связям и протоколу), "последние несколько лет, несмотря на предпринимаемые Правительством края попытки активизации сотрудничества, наблюдается снижение заинтересованности со стороны руководства китайского региона в сотрудничестве с Алтайским краем. Запросы Правительства края регулярно остаются без ответа, официальные приглашения перенаправляются в уездные администрации".

Каждый из участников экспертного опроса, к одной из самых сложных современных проблем, ограничивающих российско-китайское межрегиональное сотрудничество, относит эпидемиологическую ситуацию, связанную с распространением COVID-19. Эксперты О.М. Буртакова (главный специалист отдела потребительского рынка, международных связей и поддержки предпринимателей, управления экономики мэрии города муниципального образования "Город Биробиджан"), Е.Ю. Галятина (главный специалист отдела инвестиций и предпринимательства управления экономики и инвестиций администрации города Магнитогорск), Р.И. Габдулбасырова (главный специалист Отдела внешних экономических связей Администрации городского округа город Уфа Республики Башкортостан) утверждают, что на сегодняшний день основная проблема взаимодействия между городами России и Китая связана с распространением коронавирусной инфекции, в связи с которой введены ограничения на проведение совместных мероприятий. Эксперт С.А. Федотов (заместитель министра, начальник управления финансовой политики

Министерства экономического развития и промышленности Калужской области) отмечает, что "на сегодняшний день уверены, что после снятия всех коронавирусных ограничений субъекты и города России и Китая продолжат расширять сферы сотрудничества, искать новые механизмы взаимодействия и всеми силами налаживать прямые и эффективные связи друг с другом". Эксперт О.Н. Васильева (председатель комитета по туризму и зарубежным связям Администрации города Великий Новгород) отмечает, что пандемия COVID-19 оказала негативное воздействие на развитие межмуниципального и межрегионального сотрудничества, т.к. в 2020–2021 годах не состоялись и были перенесены запланированные обмены официальными делегациями, молодежными, школьными и туристическими группами, художественными коллективами. Тем не менее в настоящее время обе стороны проявляют готовность возобновить обмены и приступить к реализации отложенных проектов в 2022 году. Эксперт А.В. Луговский (заместитель начальника управления, начальник отдела зарубежных связей и протокола управления контроля и протокола администрации муниципального образования город Краснодар) отмечает, что по линии взаимодействия Краснодара с городом-побратимом Харбин наблюдается сокращение количества двусторонних проектов в связи с закрытием границ и нестабильной эпидемиологической обстановкой в мире. С двух сторон имеется заинтересованность в реализации новых онлайн-проектов, готовность к дальнейшему сотрудничеству.

С одной стороны, эксперты из российских регионов выделяют от двух до целого комплекса проблем на пути развития российско-китайского межрегионального сотрудничества, а с другой стороны, многие специалисты считают, что все трудности разрешимы и проблем в основном не возникает. Так, например, эксперт В.С. Резниченко (первый заместитель главы администрации города Комсомольск-на-Амуре) выделяет комплекс проблем, стоящих перед городами-побратимами и регионами-побратимами России и Китая на пути поддержания сотрудничества: "недостаточное освещение в медиа-пространстве инвестиционной привлекательности для зарубежных инвесторов; недостаточное информирование жителей российских и зарубежных городов о туристическом потенциале; недостаточное имиджевое позиционирование городов-регионов за рубежом, в том числе на международных конференциях, выставках, форумах при участии как городов, так и правительств областей и краёв; недостаток эффективных инвестиционных проектов у предприятий и организаций городов для коммерческого инвестирования; узкий круг форм сотрудничества с городами-побратимами; недостаточное использование предприятиями и организациями городов механизма выставочно-ярмарочной деятельности для продвижения своей продукции на внешний рынок". Кроме того, большинство экспертов, выделяя проблемы межрегионального российско-китайского сотрудничества, отмечают, что значительная часть трудностей разрешается в рабочем порядке. Эксперт Е.Б. Молин (Председатель комитета по международному сотрудничеству мэрии города Новосибирск) считает, что поскольку взаимодействие в рамках "побратимских" отношений является добровольным и взаимовыгодным, все возникающие вопросы решаются сторонами в рабочем порядке. Эксперт А.А. Абубакаров (заместитель председателя Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, начальник Управления внешнеэкономического сотрудничества) утверждает, на этапе подготовки соглашения стороны определяют те отрасли, сотрудничество в которых будет взаимовыгодным и интересным друг другу, поэтому трудностей не возникает". По мнению экспертов И.А. Петрова (консультант отдела международных отношений и протокола управления организационной работы администрации города Благовещенск), Е.С. Скрыбиной (сотрудник Администрации городского округа – город Волжский Волгоградской области), проблем и трудностей не возникает в процессе поддержания межрегионального сотрудничества по линии побратимства с КНР.

Таким образом, анализ результатов экспертного опроса по определению проблем в российско-китайском межрегиональном "побратимском" сотрудничестве позволяет выделить целый комплекс трудностей, решение которых может значительно повысить эффективность межрегионального взаимодействия. Дальнейшая разработка рекомендаций на основе данных экспертного опроса позволит сформировать "дорожную карту" в совершенствовании меха-

низма российско-китайского межрегионального побратимского сотрудничества.

Результаты. Характеризуя исследуемые российские города-побратимы и регионы-побратимы, поддерживающие сотрудничество с китайскими городами и регионами соответственно, стоит отметить, что особую активность в развитии межрегионального и межмуниципального сотрудничества с КНР проявляют города и регионы европейской части России. Из 122 российско-китайских побратимских пар, только 15 российских приграничных с КНР городов поддерживают сотрудничество с китайскими городами и регионами. Необходимо выделить ведущую роль руководств Хабаровского края, Самарской области, Нижегородской области, города Читы, города Биробиджана, развивающих российско-китайское сотрудничество с 2 и более китайскими городами и регионами.

Сравнительный анализ степени вовлеченности российских городов и регионов европейской части России и приграничной территории с КНР, показывает, что в современной ситуации все российские города и регионы заинтересованы в поддержании побратимского движения по образовательным, культурным и туристическим направлениям. Особую роль российские города и регионы придают масштабному расширению экономических связей с КНР. Руководства российских городов и регионов выделяют общий перечень проблем от разного восприятия менталитета двух стран до несовершенства нормативно-правовой базы некоторых направлений сотрудничества, решение которых возможно после создания крупного российско-китайского межрегионального медиацентра. Эффективная работа Центра позволит освещать в медиа-пространстве инвестиционную привлекательность регионов и городов, полноценно информировать жителей российских и китайских городов о региональном потенциале; формировать положительную имиджевую позиционность российских городов/регионов в КНР; расширять список инвестиционных проектов у предприятий и организаций городов для коммерческого инвестирования; развивать новые формы сотрудничества с городами-побратимами КНР; эффективно использовать предприятиями и организациями городов механизма выставочно-ярмарочной деятельности для продвижения своей продукции на китайский рынок.

Анализ современных тенденций российско-китайского межрегионального "побратимского" сотрудничества на основе изучения мнения 123 экспертов административных органов 77 российских городов-побратимов и регионов-побратимов, имеющих опыт взаимодействия с городами и регионами Китая на протяжении более 5 лет, показывает, что прочной основой "побратимских" связей РФ и КНР является гуманитарное сотрудничество. Большие надежды российские регионы возлагают на такие крупные российско-китайские межрегиональные проекты, как Международный координационный совет "Наш общий дом – Алтай", Совместная российско-китайская рабочая группа по сотрудничеству в торгово-экономической и гуманитарной областях регионов Приволжского федерального округа и Верхнего и Среднего течения реки Янцзы (формат "Волга-Янцзы"). Определенные ожидания и дальнейшие перспективы эксперты связывают с торгово-экономическим сотрудничеством, которое удаётся развивать на взаимовыгодных условиях с Китаем далеко не всем российским городам и регионам. Что в определенной степени зависит не от приграничного положения российских регионов, а от общего уровня социально-экономического развития, инвестиционной привлекательности и активности административных органов власти, бизнес-кругов в российских регионах и городах. При этом большинство экспертов определяют большие перспективы в сотрудничестве с Китаем и утверждают, что множество проблем можно решить в рабочем порядке. Кроме того, эксперты взаимозаменяют термины город-побратим и город-партнер, регион-побратим и регион-партнер, что свидетельствует о том, что постепенно межрегиональное "побратимское" сотрудничество как механизм народной дипломатии начнет выполнять более широкие функции.

По нашему мнению, использование результатов социологического исследования, проведенного в 2021–2022 гг., позволяет комплексно проанализировать современное состояние, проблемы, перспективы и возможности российско-китайского межрегионального взаимодействия 122 пар городов-по-

братимов и регионов-побратимов. На основе результатов данного экспертного опроса представляется возможным формирование "дорожной карты" преобразований, составляющих программы "побратимского" сотрудничества каждого города и региона РФ, стремящихся к качественному и количественному наращиванию темпов стратегического партнерства с КНР. В современных геополитических условиях взаимоувязанного соразвития с КНР ведущее значение отводится различным механизмам межрегионального сотрудничества, включая побратимское движение. Использование накопленного исторического опыта российско-китайского взаимодействия и решение возникающих проблем побратимского сотрудничества через создание крупного российско-китайского межрегионального медиацентра позволит вывести на новый уровень связи городов / регионов-побратимов России и Китая.

Литература

1. Андреев А.Б. Геополитический аспект развития трансграничной территории России и Китая (на примере Байкальского региона и Автономного района Внутренняя Монголия) // Вестник Читинского государственного университета. № 3. 2012. С. 3-12.
2. Грибова С.Н. Приграничное сотрудничество как конкурентный ресурс региона // Известия Уральского государственного экономического университета. 2008. № 3 (22). С. 94-99.
3. Дубровина О.В., Плотников В.С. Модель международного сотрудничества Амурской области России с регионами Китая // Власть. 2019. № 5 (27). С. 93-100.
4. Иванов С.А. Программа сотрудничества восточных регионов России и северо-восточных регионов Китая: политическая значимость и экономическая эффективность // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 1. С. 54-65.
5. Изотов Д.А. Проблемы экономического взаимодействия сопредельных регионов России и Китая // Регионалистика. 2014. № 1 (1). С. 48-70.
6. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. № 2 (10). С. 5-33.
7. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей Тихоокеанской России: срезы последних лет // Россия и АТР. 2020. № 4 (110). С. 15-45.
8. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014-2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 1 (91). С. 5-29.
9. Новопашина А.Н. Прямые инвестиции из Китая в регионах России: субституты или комплименты внешней торговли? // Пространственная экономика. 2012. № 4. С. 67-86.
10. 葛新蓉 = Гэ Синьжун. 俄罗斯区域经济政策演变及其对中俄地区合作的影响研究 = Исследование влияния региональной экономической политики России на китайско-российское межрегиональное сотрудничество. 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2020. 304 页。
11. 胡仁霞 = Ху Жэнься. 中国东北与俄罗斯远东区域合作研究 = Исследование регионального экономического сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и Дальним Востоком России. 北京: 社会科学文献出版社, 2014. 212 页。
12. 谢文心 = Се Вэньсинь. 地缘视角下中国与俄罗斯及中亚各国的能源合作 = Энергетическое сотрудничество Китая, России и стран Центральной Азии с геополитической точки зрения. 北京: 新华出版社, 2013. 287 页。
13. 田春生 = Тянь Чуньшэн. 俄罗斯经济外交与中俄合作模式 = Российская экономическая дипломатия и модель китайско-российского сотрудничества. 北京: 中国社会科学出版社, 2015. 418 页。
14. 严伟 = Янь Вэй. 俄罗斯能源战略与中俄能源合作研究 = Исследование энергетической стратегии России и китайско-российского энергетического сотрудничества. 沈阳: 东北大学出版社, 2013. 146 页。
15. 郑羽, 庞昌伟 = Чжэн Юй, Пан Чанвэйю. 俄罗斯能源外交与中俄油气合作 = Российская энергетическая дипломатия и китайско-российское нефтегазовое сотрудничество. 北京: 世界知识出版社, 2003. 427 页。
16. 朱显平 陈舒 姜显平. 俄罗斯东部及能源开发与中国的互动合作 = Взаимодействие и сотрудничество Востока России и Китая в сфере разработки энергетических ресурсов. 长春: 长春出版社, 2009. 257 页。

References

1. Andreev A.B. Geopolitical aspect of the development of the cross-border territory of Russia and China (on the example of the Baikal region and the Autonomous region of Inner Mongolia // *Bulletin of the Chita State University*. 2012. No. 3. P. 3–12. (In Russ.).
2. Dubrovina O.V., Model of international cooperation of the Amur region of Russia with the regions of China // *Power*. 2019. No. 5 (27). P. 93–100. (In Russ.).
3. Gribova S.N. Cross-border cooperation as a competitive resource of the region // *Proceedings of the Ural State University of Economics*. 2008. No. 3 (22). P. 94–99. (In Russ.).
4. Ivanov S.A. Program of Cooperation between the Eastern Regions of Russia and the North-Eastern Regions of China: Political Significance and Economic Efficiency // *Customs policy of Russia in the Far East*. 2018. No. 1. P. 54–65. (In Russ.).
5. Izotov D.A. Problems of economic interaction between adjacent regions of Russia and China // *Regionalistics*. 2014. No. 1 (1). P. 48–70. (In Russ.).
6. Larin V.L., Larina L.L. China in the public opinion of the inhabitants of Pacific Russia (according to the results of a survey in 2017) // *Russia and the Pacific*. 2018. No. 2 (10). P. 5–33. (In Russ.).
7. Larin V.L., Larina L.L. Expert community of Pacific Russia on foreign policy, international relations and development of the Far East (according to the results of the survey in 2014–2015) // *Russia and the Pacific*. 2016. No. 1 (91). P. 5–29. (In Russ.).
8. Larin V.L., Larina L.L. Changing images of East Asia in the minds of the inhabitants of Pacific Russia: slices of recent years // *Russia and the Pacific*. 2020. No. 4 (110). P. 15–45. (In Russ.).
9. Novopashina A.N. Direct investments from China in the regions of Russia: substitutes or compliments of foreign trade? // *Spatial economics*. 2012. No. 4. P. 67–86. (In Russ.).
10. Ge Xinrong. Research on the evolution of Russia's regional economic policy and its impact on Sino-Russian regional cooperation. Harbin: Heilongjiang University Press, 2020. 304 p. (In Chin.).
11. Hu Renxia. Research on Regional Economic Cooperation between Northeast China and Russian Far East. Beijing: Social Sciences Literature Publishing House, 2014. 212 p. (In Chin.).
12. Xie Wenxin. Energy cooperation between China, Russia and Central Asian countries from a geopolitical perspective. Beijing: Xinhua Publishing House, 2013. 287 p. (In Chin.).
13. Tian Chunsheng. Russian economic diplomacy and Sino-Russian cooperation model. Beijing: China Social Sciences Press, 2015. 418 p. (In Chin.).
14. Yan Wei. Research on Russian energy strategy and Sino-Russian energy cooperation. Shenyang: Northeastern University Press, 2013. 146 p. (In Chin.).
15. Zheng Yu, Pang Changwei. Russian energy diplomacy and Sino-Russian oil and gas cooperation. Beijing: World Knowledge Publishing House, 2003. 427 p. (In Chin.).
16. Zhu Xianping. The interaction and cooperation between Eastern Russia and energy development and China. Changchun: Changchun Publishing House, 2009. 257 p. (In Chin.).

Информация об авторе

Светлана Борисовна Макеева, канд. ист. наук, доцент, заведующий отделом исторической и региональной демографии Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, e-mail: msbmag9581@yandex.ru

Information about the author

Svetlana B. Makeeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Historical and Regional Demography, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS, Moscow, Russia, e-mail: msbmag9581@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.02.2023

Одобрена после рецензирования 08.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 07.02.2023

Approved 08.05.2023

Accepted 18.05.2023

Научная статья
УДК 303.8
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/157-170>

Институционализация аналитических центров Вьетнама и их роль в публичной политике. Часть 1

Семен Алексеевич Войтов
Высшая школа экономики, Москва, Россия, cema2055@gmail.com
Евгений Викторович Журбей
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия;
Владивостокский государственный университет, Находка, Россия, zhurbey.ev@dvfu.ru

Аннотация. В данном исследовании авторы рассматривают процесс институционализации аналитических центров в публичной политике Вьетнама. Начиная с 1986 года аналитические центры играли важную роль во время "рыночного перехода" СРВ. Именно в тот период были сформированы организационные особенности вьетнамских фабрик мысли, которые наблюдаются до сих пор: низкая политическая самостоятельность, присутствие идеологического нарратива в исследованиях, ориентированность на государство как на основного потребителя экспертного знания и, как следствие, ресурсная зависимость от него. Отметим, что данные особенности были также обнаружены во время нашего анализа десяти современных вьетнамских аналитических центров.
Ключевые слова: *Вьетнам, аналитические центры, публичная политика, экспертное знание*
Для цитирования: Войтов С. А., Журбей Е. В. Институционализация аналитических центров Вьетнама и их роль в публичной политике. Часть 1 // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 157–170. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/157-170>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/157-170>

Institutionalization of think tanks in Vietnam and their role in public policy. Part 1

Semyon A. Voitov
Higher School of Economics, Moscow, Russia, cema2055@gmail.com
Evgeny V. Zhurbey
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia;
Vladivostok State University, Nakhodka, Russia, zhurbey.ev@dvfu.ru

Abstract. In this research the authors examine the process of institutionalization of think tanks in Vietnamese public policy. Since 1986, think tanks have played an important role during the market transformation of SRV. At that period the organizational features of the Vietnamese think tanks were formed. These features can also be seen today: low policy independence, the presence of an ideological narrative in research, a focus on the state as the main consumer of expert knowledge, and, as a result, resource dependence on it. It is important to note that these features were also found during our analysis of ten modern Vietnamese think tanks.
Key words: *Vietnam, think tanks, public policy, expert knowledge*
For citation: Voitov S. A., Zhurbey E. V. Institutionalization of think tanks in Vietnam and their role in public policy. Part 1 // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 157–170. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/157-170>

В последнее время аналитические центры все чаще рассматриваются как акторы, обеспечивающие интеллектуальную опору публичной политики той или иной страны. Вьетнам также не является исключением. В отличие от авторитарий, функционирование аналитических центров в демократиях отличается высоким влиянием на пространство публичной политики. Объясняется это тем, что они являются частью либерально-демократической политической системы, в которой институты плюрализма и делиберативной демократии хорошо развиты. Вследствие чего проблема данного исследования заключается в том, как на качественном и количественном уровне измерить эффективность аналитических центров в публичной политике авторитарного Вьетнама? Более того, насколько приемлемыми можно считать критерии эффективности, используемые при изучении демократических аналитических центров для Вьетнама? Можно ли вообще говорить о существовании универсальных показателей эффективности? Это именно те вопросы, на которые мы попытаемся дать ответы в своём исследовании. Данная проблема важна как с теоретической, так и с практической точек зрения. В свете возможностей разработки инструментов оценки влияния аналитических центров СРВ на

принимаемые государством решения и определения эффективных способов подобного влияния.

Объектом данного исследования является публичная политика Социалистической Республики Вьетнама. Предметом исследования являются аналитические центры СРВ, их место и роль в рамках публичной политики. Цель исследования – определить место и роль аналитических центров в публичной политике Социалистической Республики Вьетнам.

Теоретико-методологической основой данного исследования является системный подход и неинституционализм. Системность исследования обуславливается нашим пониманием публичной политики как самостоятельной подсистемы политической системы Вьетнама. Таким образом, аналитические центры и экспертные сообщества, воспринимаются уже как её структурные элементы публичной политики, так как вне данной подсистемы они значительно теряют часть своих функций. В таком случае подсистема публичной политики в некоторой степени наделяется функциями "чёрного ящика": именно там происходит выработка публичного решения на социально важную проблему. Подсистема публичной политики также имеет два канала связи с внешней средой: канал входа (через него внешняя среда осуществляет воздействие на публичную политику) и канал выхода (через него публичная политика воздействует на внешнюю среду с помощью публичного решения или политической программы). Неинституционализм, в свою очередь, с помощью формальных и неформальных институтов очерчивает границы публичной политики государства. Более того, акцент исследования не сконцентрирован исключительно на формальных, зачастую государственных, институтах; так, неинституционализм позволяет нам оценить роль и влияние других акторов публичной политики Вьетнама (в нашем случае – аналитических центров).

Сегодня существует множество подходов определения и изучения публичной политики: институциональный, системный, теория рационального выбора, теория элит, модель прерывистого равновесия и модель конкурирующих защищающих коалиций и т. д. [6, с. 28]. Однако необходимо понимать, что эти модели разрабатывались с опорой на западные либерально-демократические ценности, присущие развитым странам. В отличие от развитых государств с широкими институтами политического участия, развивающиеся страны (зачастую при этом авторитарные) не обладают высокой организованностью масс; плюрализмом мнений при мультикультурализме; де-централизованностью принятия политического решения и открытым доступом к политическому пространству [27, р. 45–46].

В нашем исследовании мы исходим из установки, что Вьетнам – это страна с авторитарным политическим режимом и низким уровнем гражданских свобод. Это подтверждает доклад "Freedom House" за 2020 год, в котором кейс Вьетнама изучался отдельно. Так "Freedom House" оценивает Вьетнам как несвободное государство (20 баллов из 100 возможных). Политический плюрализм и гражданское участие оценивается как крайне низкие (0 баллов и 4); роль оппозиции также оценивается как крайне низкая (0 баллов из 4), наличие политических прав у социальных, этнических, религиозных групп и т. д. оценивается как низкое (1 балл из 4). Однако при этом население страны высоко оценивает свои социальные (3 балла из 4) и экономические права (2 из 4) [17].

Таким образом, формирование публичной политики Вьетнама в основном формируется правящей элитой Коммунистической Партии Вьетнама (далее – "КПВ"). Вследствие чего мы ожидаем, что именно элита и её решения будут в значительной степени влиять на функционирование всех акторов, включая аналитические центры и экспертные сообщества.

В рамках подобной авторитарной политической системы довольно трудно операционализировать понятие публичной политики и выбрать наиболее подходящую модель исследования. Поэтому мы считаем необходимым дать собственное определение публичной политики. В структурном понимании публичной политики мы будем опираться на системный подход, что касается качественного аспекта нашего понятия, то его содержание будет определяться основными положениями теории элит.

Теория элит постулирует, что "публичная политика определяется не запросами и действиями людей или "масс", а скорее правящими элитами, чьи

предпочтения приводятся в исполнение государственными чиновниками и органами" [3, с. 22]. Обратим внимание на основные положения данной теории, представленные Т. Даем и Х. Зиглером. Отдельную роль в принятии политического решения они отводят власти имущему меньшинству общества, которые зачастую являются выходцами из высшего слоя общества. Концентрируя в руках властные механизмы, элита формирует публичную политику в соответствии со своими запросами и интересами. Таким образом, все этапы политико-управленческого цикла, начиная от формирования повестки дня и заканчивая оценкой реализуемой политики, имеют одностороннее провластное происхождение. При этом политическое участие масс крайне ограничено либо отсутствует полностью. Однако в ситуациях политического кризиса и низкого доверия масс элита допускают общественных акторов в процесс принятия политического решения [3, с. 22–23].

Публичная политика – это некое институционально регулируемое политическое пространство, в котором путём взаимодействия государственных и негосударственных акторов осуществляется процесс принятия публичного политического решения, касательно той или иной социально значимой проблемы. Мы не случайно вкладываем категорию пространства в наше определение. Пространство в данном случае является местом столкновения интересов акторов. Однако при этом это сложное и многоуровневое поле: одновременно в нем происходит неограниченное количество политических процессов на разных стадиях политико-управленческого цикла, начиная от формирования повестки дня и заканчивая реализацией принятого решения.

Однако многоуровневая структура публичной политики при этом не хаотична: её стабильность обеспечивается наличием формальных и неформальных институтов в обществе. Формальные институты представляются конституционными, законодательными и судебно-правовыми положениями. Именно они задают официальные правила игры в пространстве публичной политики [14, р. 1323]. Неформальные институты, в свою очередь, являются совокупностью укоренившихся в обществе норм и ограничений поведения. Вместе с этим они формируют восприятие актора формальных институтов, ограничивают его вариативность действий [14, р. 1324].

Таким образом институты играют важную роль в формировании границ пространства публичной политики. Однако важно отметить, что эти границы не статичны. Институциональный динамизм объясняет регулятивный характер пространства публичной политики: изменение одной категории норм неизбежно ведёт к изменению в другой. Более того, публичная политика, как пространство, стремится как к сужению, так и к расширению. При чем этот процесс, на наш взгляд, зачастую односторонен: именно политические элиты, обладая рычагами власти, могут либо расширять поле публичной политики, тем самым вовлекая больше акторов, либо же вообще сужать его. Расширение поля публичной политики ведёт к развитию демократических и делиберативных основ при принятии публичного решения. Сужение пространства публичной политики, в свою очередь, минимизирует количество акторов. Вследствие чего монополия на формирование публичной политики переходит в руки политических элит.

Считаем, что данное понимание публичной политики отличается своей универсальностью применения, так как оно предполагает внутривластную вариативность того или иного государства. Иными словами, понимание публичной политики как институционально-регулируемого пространства упрощает процесс исследования политических процессов как в демократическом государстве, так и в авторитарном.

Что касается субъектов публичной политики, то их количество напрямую зависит от политического режима страны. Чем либеральнее общество, тем более оно политически активно. Однако при этом мы не считаем, что в авторитарном обществе формирование публичной политики находится лишь в руках элит. В странах авторитарного режима всё чаще заметно формирование политического курса в рамках договорных отношений. Под договорным аспектом понимаются не только юридически закреплённые положения, но и неформальные договорённости между акторами, участвующих в политическом процессе [5, с. 603–604]. Иными словами, происходит качественный пересмотр взаимодействий государственных и негосударственных участников.

Таким качественным изменением можно считать появление и развитие аналитических центров как акторов публичной политики. Общепринятое понимание аналитического центра связано в основном с трудами западных исследователей-политологов. Так, исходя из классической англо-американской трактовки, аналитический центр рассматривается как независимая от государства и университета организация, занимающаяся политическими исследованиями на некоммерческой основе. Однако данное определение неприменимо в рамках нашего исследования. В условиях авторитарного режима Вьетнама существование подобных учреждений практически невозможно. Таким образом, обратимся к более широкому и универсальному определению.

Осознавая региональные особенности формирования публичной политики в разных странах Джеймс Макганн, определяет аналитический центр как "участвующую в публичной политике исследовательскую организацию, которая занимается политико-ориентированными исследованиями по вопросам внутренней и внешней политики, тем самым позволяя акторам принимать более взвешенные решения в рамках публичной политики" [22, р. 13]. Стоит отметить, что именно данное определение используется Джеймсом Макганном при составлении ежегодного рейтинга лучших аналитических центров мира "Global Go To Think Tank Index Report", который учитывает организационный и идеологический плюрализм [22]. Таким образом, в своём исследовании мы будем опираться именно на данное определение.

Значимость аналитических центров, заключается в их исключительной способности работать с информацией. Сегодня в эпоху информационного перенасыщения лицам, принимающим решения, всё трудней опираться на собственные силы [28, р. 8]. Вследствие чего не удивителен тот факт, что в дискурсе дисциплины публичной политики все чаще встречаются аналитические центры. При этом с развитием дисциплины многообразие и функциональное наполнение аналитических центров растёт с каждым годом.

Определив рамки изучения публичной политики и аналитических центров, пронаблюдаем, как именно два этих понятия соотносятся друг с другом. Иными словами, попытаемся объяснить, как аналитический центр становится элементом пространства публичной политики и как он в ней функционирует. Анализ будет осуществлён с опорой на сравнение опыта в демократических и авторитарных политических системах.

Напомним, что публичная политика нами рассматривается как динамичное институционально-регулируемое пространство, в котором каждый элемент имеет свою функцию. При этом поле публичной политики является местом столкновения интересов государственных, общественных, академических акторов и представителей бизнеса по огромному количеству проблем и реализуемых политик. Более того, многомерность пространства объясняется множеством процессов, одновременно происходящих на разных стадиях политико-управленческого цикла. Всё это способствует циркуляции огромного массива данных и информации между акторами. Однако информационное перенасыщение зачастую ведёт к провалу в коммуникации и, следовательно, к отсутствию консенсуса. Нередки случаи нехватки информации и экспертного мнения по определённой проблеме. Таким образом, аналитический центр, обладая интеллектуальными ресурсами, способен стать недостающим звеном в коммуникации между ЛПР и другими акторами публичной политики [29, р. 3–4].

Информация и экспертное мнение аналитических центров также чрезвычайно важны в формировании эффективного имиджа государства, как внутри страны, так и за рубежом. Имидж, в свою очередь, выполняет ряд важных функций: от него зависит положение государства на международной арене, его привлекательность для внутренних и иностранных инвестиций, уровень доверия граждан к власти и социальное самочувствие, а также стабильность и благополучие общества в целом [1, с. 66].

Особенно полезной нам представляется концепция Тома Медведза. С её помощью можно наиболее наглядно проследить, как аналитический центр вовлекается в пространство публичной политики. Том Медведз рассматривает аналитический центр как элемент социального поля, функционирующий между полем медиа, политики, экономики и полем производства знания. Ана-

литический центр при этом формирует вокруг себя поле влияния, которое взаимодействует с другими [24, р. 6].

Однако отметим, что в своём исследовании мы не включаем понятие социального поля. Мы рассматриваем аналитический центр исключительно как элемент пространства публичной политики. Итак, находясь в социальном пространстве, аналитический центр влияет на других акторов и при этом сам подвержен их воздействию. Образуя своё поле влияния, он, так или иначе, имеет перевес в определённую сторону. Это в последствии формирует его уникальную линию поведения. Так, например, если аналитический центр больше ориентирован на государственных акторов и ЛПР, то можно предположить, что его роль будет высока на законодательном этапе принятия публичного решения. Широкие каналы связи с властью также обеспечивают ротацию кадров: специалисты аналитического центра нередко занимают высокие должности при правительстве. Следовательно, политический анализ и экспертиза осуществляются в "закрытом кругу", без лишнего общественного внимания и с минимальным взаимодействием с медиа [8, р. 95–98].

И это всего лишь один из немногих примеров того, как дескриптивно можно использовать концепцию Т. Медведза. Многие аналитические центры ориентированы исключительно либо на бизнес, медиа, общественные объединения, либо академическое поле. Таким образом, данная концепция позволяет на качественном уровне определить первичные особенности функционирования любой научно-исследовательской организации.

Дополняя концепцию Т. Медведза, мы хотим отметить, что степень вовлечённости аналитического центра при принятии публичного решения определяется именно регулятивным аспектом пространства публичной политики: формальными и неформальными институтами. Здесь также определяется ресурсная база, методы воздействия на целевую аудиторию и степень автономности организации. С опорой на вышесказанное мы утверждаем, что роль аналитического центра на принятие публичного решения тем выше, чем шире пространство публичной политики, частью которого он является. Соответственно, мы утверждаем, что аналитические центры в демократических странах будут более эффективными, чем их коллеги из недемократических стран.

Определив качественный аспект вовлечения аналитического центра, перейдём к количественным измерениям его влияния и эффективности на публичную политику. Эффективность детерминирует уровень доверия и надёжности учреждения, что, в свою очередь, определяет его дальнейшую судьбу. Так, многие организации считают репутацию, качество проводимых исследований и возможность непосредственно влиять на политический процесс своими приоритетными задачами [16, р. 112]. Необходимость в определении шкалы эффективности также диктуется конкурентным рынком и высоким спросом на услуги политического анализа: при выборе аналитического центра клиент не в последнюю очередь будет обращать внимание именно на количественные показатели [30, р. 24].

В то же время количественное оценивание эффективности не лишено субъективизма. Всегда нужно учитывать особенности политических систем, в которых функционирует оцениваемый аналитический центр. Объективно сравнить эффективность учреждений при демократии и автократии – непростая задача [11, р. 3]. Вследствие чего, в своём исследовании мы будем опираться на показатели, предложенные Джулией Кларк и Дэвидом Рудманом. Показатели влияния ими делятся на несколько категорий: влияние в интернет-пространстве, влияние в медиaprостранстве и влияние в академическом пространстве.

Количественные показатели влияния в интернет-пространстве: количество подписчиков в социальных сетях аналитического центра; объём сетевого трафика, проходящего ежедневно через сайт учреждения; количество ссылок на сайт аналитического центра со сторонних сайтов и ресурсов.

Количественные показатели эффективности в интернет-пространстве определяют, насколько активно пользователи интернета обращаются к цифровым материалам и услугам аналитического центра. Так, количество подписчиков наглядно показывает, сколько человек потенциально доверяют проводимым исследованиям центра. Количество ссылок с других сайтов, в свою

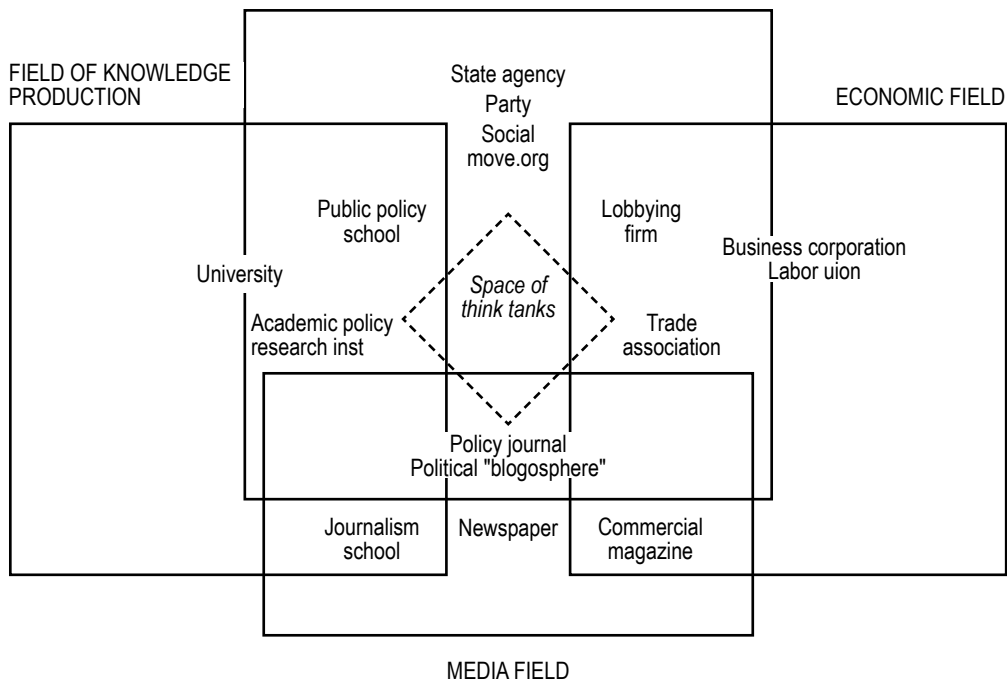

Рис. 1. Аналитические центры в социальном поле, модель Т. Медведца.

Fig. 1. Think tanks in social space, model T. Medvetz.

Источник: [24, p. 6]

Source: [24, p. 6]

очередь, показывает, насколько популярен аналитический центр как среди коллег, так и среди новостных изданий. К другим показателям можно также отнести поиск по ключевым словам, географический охват пользователей и их средняя продолжительность активности на сайте [11, p. 5–7].

Количественные показатели в медиапространстве в основном представлены частотой упоминаний аналитического центра в медиа. Однако в расчёт не обязательно берётся лишь упоминание на общем организационном уровне: появление отдельного исследователя в медиа также сказывается на восприятии учреждения. При этом в расчёт также можно брать и качественное наполнение, а именно: в какой коннотации аналитический центр был упомянут.

Как же функционируют аналитические центры в пространстве публичной политики в демократических и авторитарных системах? В демократиях, в отличие от автократий, поле публичной политики намного шире. Это обеспечивается наличием формальных и не формальных либерально-демократических институтов, обеспечивающих актёрам равные права и доступ к принятию публичного решения. В автократиях, наоборот, наблюдается крайне низкий уровень политической мобилизации. Политические элиты, концентрируя в своих руках властные механизмы, намеренно ограничивают доступ к делиберативному принятию политических решений [5, p. 192]. Таким образом, публичная политика формируется исключительно элитами и скудна на артикуляцию идей, плюрализм актёров и мнений.

Плюрализм актёров публичной политики в демократиях способствует политической конкуренции между ними. Желание актёров повлиять на политический процесс, в свою очередь, повышает спрос на услуги аналитических центров. Таким образом, параллельно с политической конкуренцией между актёрами наблюдается конкуренция идей между аналитическими центрами [25, p. 129]. Иными словами, функционирование многих аналитических центров сегодня базируется на рыночных принципах: побеждает тот, кто сумел привлечь и удержать клиента. Клиент, в свою очередь, обращает внимание

на множество факторов, которые помогают ему определить уровень доверия учреждения. Доверие к аналитическому центру определяется следующими переменными: количество установившихся связей с другими акторами, оказание влияния на публичную политику в прошлом, прозрачность организации, интеллектуальная независимость, эффективность и качество политического анализа, стоимость услуг и т. д. [9, p. 14].

В автократиях же рынок идей и конкуренция между аналитическими центрами за своего клиента серьёзно ограничены либо же отсутствуют как таковые. Низкий спрос на услуги политического анализа объясняется нежеланием властных элит потерять свою исключительную роль при формировании публичной политики. Таким образом, аналитические центры не могут рассматриваться как независимые акторы публичной политики. Это, в свою очередь, накладывает свои особенности, а именно: высокую идеологическую повестку, близость или интегрированность с властными органами, финансовую и ресурсную ограниченность и т. д.

Стоит также отметить, что в демократическом публичном поле, в отличие от автократического, аналитический центр может занимать любое положение относительно других акторов: медиа, государство, общество, бизнес, научные круги и т. д. Причинами тому являются наличие либерально-демократических институтов и рыночных отношений в сфере производства узконаправленного знания. Именно поэтому западные классификации аналитических центров столь детальные и разнообразны [32, p. 564–567].

Заняв определенную нишу, аналитический центр в демократиях вырабатывает собственную стратегию поведения. Так, если организация приближена к государственным акторами, то, скорее всего, её целью будет непосредственная политическая самореализация. Понимая, как работают законодательные и исполнительные механизмы, эксперты всеми силами стараются продвинуть свои идеи и альтернативы во властные круги. Происходит это как извне (публикации, работа с государственными деятелями), так и внутри (эксперт аналитического центра участвует в общественных слушаниях и т.д.) [19, p. 18].

Если поле аналитического центра пересекается с академическим пространством, то тогда аналитический центр представляет собой некое подобие "университета без студентов". Экспертами учреждения, в основном, являются исследователи с богатым академическим опытом. Вообще, аналитический центр, который тесно взаимодействует с академическим пространством, отличается тем, что его исследования, зачастую, не практико-ориентированы. Их эмпирически насыщенные исследования публикуются в тематических журналах, вследствие чего происходит формирование повестки дня исключительно в академическом пространстве. Иначе говоря, аналитический центр не заинтересован в прямом политическом участии, его влияние на публичную политику опосредованно [15, p. 6–7].

Аналитические центры в демократиях также отличает то, что они могут выступать в качестве предпринимателей. Это происходит тогда, когда в пространстве публичной политики учреждение расположено рядом с акторами бизнеса. В таком случае аналитический центр занимается продажей своих знаний, осуществляет исследования по требованию клиента в различных сферах, таких как здравоохранение, система общественного транспорта, электроэнергетика и т.д. При этом стоит отметить, что подобные научно-исследовательские организации находятся в конкуренции с другими центрами, вследствие чего вынуждены постоянно адаптироваться к новым условиям рынка идей и политического анализа [23, p. 33–36].

Что касается аналитических центров, соприкасающихся с пространством медиа, то их влияние на публичную политику определяется степенью их присутствия в новостных изданиях, телевизионных эфирах и т.д. Медиа пространство для них является основным каналом связи, вследствие чего их исследования написаны простым языком и ориентированы на широкую аудиторию. Нередко аналитический центр сам начинает выполнять функции новостного издания, а многие эксперты имеют образование и опыт журналиста [23, p. 36–38].

Однако отметим, что в демократиях аналитический центр не обязательно взаимодействует исключительно лишь с определённой группой аналити-

ческих центров. Его поле влияния может взаимодействовать со многими другими акторами, вследствие чего его функционал может быть разнообразным. В авторитаризме подбитый эклектизм функций труднореализуем, так как слишком велики институциональные ограничения.

Таким образом, нами была заложена теоретическая основа изучения публичной политики, которая будет сопоставима с условиями вьетнамского авторитаризма: концентрация власти в руках политической элиты, низкий уровень политической свободы и свободы слова, слаборазвитые институты делиберативного принятия публичных решений и низкая политическая мобилизация общества. Учитывая данные ограничения, мы считаем, что наше понимание публичной политики как многомерного и динамичного пространства позволит нам выявить новые особенности принятия публичных решений в данном государстве.

Учитывая многообразие существующих классификаций, мы также операционализировали понятие аналитического центра. Вместе с этим мы определили ключевые функции, которые свойственны аналитическим центрам как элементам публичной политики.

Наконец, мы пронаблюдали за процессом институционализации аналитических центров как в демократиях, так и в автократиях. Определили, как именно они используют доступные им ресурсы. Для этого мы воспользовались концепцией Т. Медведза об аналитических центрах как поле образующих элементов социального пространства. Таким образом мы пришли к выводу, что в демократиях аналитические центры могут свободно занимать положение относительно других акторов (бизнес, медиа, государство и академические круги). Это объясняется развитыми институтами либеральной демократии и наличием рыночного спроса на идеи и профессиональный политических анализ. В автократиях же аналитические центры преимущественно имеют тесную связь лишь только с государством и ЛПР. Таким образом, развитие публичной политики и аналитических центров в них происходит совершенно по другому сценарию.

Для того, чтобы определить роль аналитических центров в публичной политике СРВ, необходимо осуществить дескриптивный анализ пространства публичной политики.

Ранее нами уже была обозначена установка, что авторитарный характер публичной политики СРВ обусловлен чрезмерной концентрацией власти в руках КПВ. Иными словами, роль государства как актора при формировании публичной политики чрезвычайно велика. Открыв Конституцию СРВ, становится понятно, в каких институциональных рамках функционирует политическая система и вместе с ней подсистема публичной политики. Восьмая статья Конституции постулирует, что государство функционирует и управляет обществом, опираясь исключительно на конституционные положения и механизмы демократического централизма (данный принцип будет разобран нами далее). Вместе с этим восьмая статья предписывает уважительное отношение между органами власти и обществом ради совместной борьбы с коррупцией, расточительством и, что самое важное, с авторитаризмом [36].

Если борьба авторитарных властей с авторитаризмом на практике выглядит иллюзорно, то принцип демократического централизма при принятии политических решений более чем ощутим. Имея за собой прямое марксистское происхождение, демократический централизм подразумевает наличие жёстко-структурированной партийной системы, формирующейся электоратом снизу (при этом избираемые кандидаты выдвигаются партийной элитой). Процесс имплементации политического решения также имеет нисходящую направленность: от вышестоящего органа к более низшему. Также принцип демократического централизма предполагает, что выбранные должностные лица полностью представляют интересы электората, поэтому мнение отличное от мнения партии недопустимо. Иначе говоря, политический плюрализм рассматривается как угроза не только интересам властных структур, но и интересам всего вьетнамского общества [34, p. 12]. Таким образом, говорить о существовании развитых делиберативных практик решения публичных проблем во Вьетнаме не приходится.

Если партийное руководство занимается формированием политической стратегии, то местная администрация и бюрократы – её непосредственным

осуществлением. Стоит отметить, что Вьетнамская система исполнительной власти чрезвычайно громоздка и мало отзывчива. Вследствие чего департаменты нередко отказываются брать на себя ответственность за реализацию тех или иных программ [20, p. 371]. В таком случае конструктивный диалог гражданина и бюрократа отсутствует как таковой, ибо человек не знает, к кому именно ему следует обращаться.

Отметим, что поведение местных администраций нередко обусловлено влиянием неформальных институтов. Городские и особенно сельские бюрократы, нередко будучи выходцами с этих земель, часто при работе с гражданами пренебрегают формальностями. Это обуславливает их неоднозначную роль в системе исполнительной власти: с одной стороны – их неформальный подход к обязанностям негативно сказывается на выполнении поставленных им сверху задач. С другой стороны – бюрократы рассматриваются гражданами как "свои" люди, имеющие возможность донести их требования до вышестоящих инстанций. Таким образом, получается, что в условиях бюрократической неопределённости местные власти осуществляют роль медиатора между обществом и властью [20, p. 382–383].

Проблема субординации в системе исполнительной власти СРВ усугубляется также высоким уровнем коррупции среди чиновников. Так, на конец 2020 года Вьетнам занимает 104 позицию из 180 по индексу восприятия коррупции. При этом, 64% опрошенных респондентов считают коррупцию в органах власти серьёзной проблемой [31]. Крайне интересна причина данной проблемы – низкая ставка официальной заработной платы. Поэтому вьетнамские чиновники нередко ищут дополнительные финансовые источники, которые включает в себя получение взяток, неформальные консультации представителям бизнеса и nepoтизм. Таким образом, создаётся уникальная система взаимоотношений между чиновником и гражданином [20, p. 283–284]. Иначе говоря, это именно те неформальные институты, определяющие рамки пространства публичной политике во Вьетнаме.

Негосударственные акторы публичной политики Вьетнама также заслуживают не меньшего внимания. Объявленная в 1986 году стратегия экономической и политической либерализации Вьетнама способствовала становлению (насколько тогда это было возможным) институтов гражданского общества. В то время главными движущими силами были крестьяне, городские рабочие и предприниматели. Крестьяне с радостью восприняли правительственные решения о демократизации. Однако им не хватало ресурсов и возможностей, чтобы успешно артикулировать свои интересы. Рабочий класс, более самодостаточный и собранный, также выступал за повсеместную либерализацию. При этом так совпало, что на конец XX века во Вьетнаме была заметна высокая мобильность населения из села в город. Именно поэтому уже тогда закладывались основы трудового регулирования и принципы взаимодействия с властью. Предпринимательская прослойка, в свою очередь, демократизацию также приветствовала, но относилась к ней осторожно: у бизнесменов было слишком много выгодных точек соприкосновения с вьетнамской властью [18, p. 698–701].

Что касается текущих реалий, то влияние крестьян и рабочих на процесс формирования гражданского общества не столь значителен, как это было ранее. Сегодня к ведущим группам можно отнести: медиа, научно-исследовательские центры, интеллигенцию, бизнес и молодёжь. Именно эти группы, можно отнести к неправительственным акторам, способным оказывать воздействие на публичную политику Вьетнама [26, p. 37]. В данном контексте важно отметить роль общественных организаций и НКО. Отдельно выделяют четыре типа вьетнамских организаций: гражданские организации, массовые организации, профессиональные организации и непосредственно НКО. В пространстве публичной политики также присутствуют иностранные НКО, такие как "Красный Крест", "Оксфам", "Всемирный фонд дикой природы" и т.д. [10]. С целью контроля деятельности всех иностранных НКО во Вьетнаме, в 2001 году правительством СРВ был учреждён Комитет по делам иностранных неправительственных организаций "COMINGO". Перед комитетом стоит несколько задач: регулярная инспекция иностранных НКО, передача отчётов премьер-министру, разработка стратегий по взаимодействию с НКО и т.д. [12].

Обозначим ключевые механизмы взаимодействия этих организаций на правительственных акторов. Гражданские и массовые организации, нередко возникающие в момент появления публичной проблемы, оказывают достаточно заметное воздействие на власть. Профессиональные организации и в большей степени НКО имеют более устойчивые каналы связи с властью. При этом лоббирование интересов осуществляется через личный контакт с чиновником в неформальной обстановке [26, р. 13].

Однако, как показывают исследования, роль НКО и общественных организаций в пространстве публичной политики Вьетнама значительно ограничена. Принцип демократического централизма не оставляет общественным организациям возможности прямого политического давления, ибо все, что идёт вопреки партийных установок, рассматривается как оппозиция, подрывающая государственный строй СРВ. Более того, многие массовые организации являются частью зонтичной структуры Отечественного фронта Вьетнама – крупнейшего в стране государственного политического и общественного движения. Именно оно задаёт нормативные рамки для других общественных организаций [35]. Таким образом наблюдается следующий парадокс: общественные организации и НКО, рассматриваемые в либеральных демократиях как самостоятельная политическая сила, во Вьетнаме же являются стабилизирующим элементом авторитаризма.

Чтобы общественная организация или НКО могла существовать, она должна играть по правилам, которые устанавливаются властью. Вследствие чего при возникновении публичной проблемы они стремятся прийти к консенсусу с властью, а не преследовать оппозиционные стремления. При этом заметна и географическая градация поддержки авторитарных практик в стране: организации на севере Вьетнама (идеологического и политико-административного центра страны) более склонны поддерживать текущий политический режим, нежели чем организации на юге страны (экономического центра страны) [33, р. 20–21]. Стоит отметить и особенности принятия решений и внутри самих общественных организаций: в них активно используется подход сверху вниз, где управляющее лицо (зачастую назначенное с согласия властей) обладает решающим голосом [40, р. 17].

Развивая проблему пространства публичной политики Вьетнама, рассмотрим также роль медиа, соцсетей и печатных агентств. Традиционно медиаресурсы в либеральном государстве являются ключевым источником и дистрибьютером знания в публичной политике. Ситуация во Вьетнаме несколько иная: медиа-повестка формируется Министерством информации и коммуникации СРВ на национальном уровне. Обратим внимание на следующие функции министерства, прописанные во второй статье декрета 132/2013/ND-CP: выдача, приостановление и аннулирование действия лицензий на печатную деятельность (как офлайн, так и онлайн); согласование назначения у увольнения руководящих должностных лиц печатных и новостных агентств; регулирование стандартов и профессиональных качеств руководителей печатных и новостных агентств и т. д. [7]. Таким образом, подавляющая часть печатных и новостных агентств СРВ находится под прямым государственным влиянием, а значит, говорить об их идеологической и политической независимости не приходится. Хотя, стоит отметить, что идеологизация сознания может быть, как целенаправленной и контролируемой государством, так и непреднамеренной [2, с. 42].

Вьетнамскому правительству удаётся успешно контролировать общественное мнение и в интернет-пространстве. Основным методом борьбы с оппозиционными идеями в стране – это тюремные заключения. Так, основной статьёй уголовного кодекса СРВ, по которой преследуются вьетнамские оппозиционеры чаще всего – это 117 статья о создании, хранении и распространении материалов с целью противодействия государственному строю СРВ. Довольно расплывчатая формулировка данной статьи позволяет государству при необходимости осудить любого политически онлайн-активного гражданина [21].

Ситуация ухудшилась в январе 2019, когда вступил в силу закон о кибербезопасности, нацеленный на защиту национальной безопасности и борьбу с антигосударственной информацией в киберпространстве [12]. Данный закон устанавливает, что компании, предоставляющие онлайн услуги, обяза-

ны делать это под наблюдением Министерства информации и коммуникации и Министерства безопасности СРВ. Более того, компании обязуются удалять антигосударственные и оппозиционные посты в соцсетях и удалять аккаунты пользователей [13].

Стоит также отметить озабоченность мирового сообщества касательно данной проблемы. Ещё на этапе законопроекта о кибербезопасности, в 2018 году международная неправительственная организация "Amnesty International" обратилась с открытым письмом к Национальной Ассамблее СРВ. В письме организация была крайне обеспокоена положениями законопроекта, так как они непосредственно нарушали права и свободы людей в интернет-пространстве [27]. Однако данное письмо не возымело никакого эффекта.

Не будучи в силах сопротивляться требованиям закона о кибербезопасности, 21 апреля 2020 "Фейсбук" официально подтвердил, что начнёт сотрудничать с правительством Вьетнама в борьбе с антигосударственным контентом [21]. Это стало сильным ударом для вьетнамцев, так как "Фейсбук" в стране является самой популярной соцсетью по обмену мнением и информацией.

С опорой на вышесказанное можно утверждать, что пространство публичной политики СРВ действительно формируется именно правительственными акторами. Жёсткие формальные институты не дают пространства другим акторам для артикуляции своих интересов и возможности прямо влиять на принятие политического решения. Более того, принцип демократического централизма не позволяет развиваться делиберативным практикам, а только укрепляет принцип нисходящего принятия политических решений. Говорить о свободе слова и мнения не приходится: медиа, печатные агентства и даже социальные сети не могут рассматриваться как полноценные акторы публичной политики. Наоборот, во Вьетнаме они выступают в качестве "невластных" механизмов властного принуждения. Что касается гражданского общества, то оно находится лишь на начальном этапе своего становления и может оказывать воздействие на власть лишь в исключительных случаях. Таким образом, пространство публичной политики СРВ сегодня сужается, при чем делается это комплексно и целенаправленно.

(продолжение следует).

Литература

1. Давыборец, Е.Н. Роль объективных факторов в формировании имиджа России // Вестник ЗабГУ. № 5 (120). 2015. С. 66–74.
2. Давыборец, Е.Н. Роль факторов субъективного восприятия объекта в формировании имиджа государства // Вестник ЗабГУ. № 10 (125). 2015. С. 41–49.
3. Данилова, Н.Ю. Публичная политика: от теории к практике / Н.Ю. Данилова. СПб.: Алетейя, 2008. 356 с.
4. Мельвиль, А.Ю. Категории политической науки / А. Ю. Мельвиль. М.: РОССПЭН. 2002. 649 с.
5. Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудин и др. М.: Вече, 1999. 793 с.
6. Сморгунов, Л. В. Публичная политика: институты, цифровизация, развитие / Л. В. Сморгунов. М.: Аспект Пресс, 2018. 349 с.
7. 132/2013/ND-CP: On regulating functions, duties, rights and organizational structure of Ministry of Information and Communication / Official site of Ministry of Information and Communication. – 16.10.2013. URL: https://english.mic.gov.vn/Pages/VanBan/11292/132_2013_ND-CP.html (дата обращения: 25.11.2022).
8. Abelson D. Do Think Tanks Matter? Third Edition: Assessing the Impact of Public Policy Institutes / D. Abelson. Quebec: McGill-Queen's Press, 2018. 251 p.
9. Baertl A. De-constructing credibility: factors that affect a think tank's credibility / A. Baertl // On Think Tank Working Paper 4. 2018. P. 1–30.
10. Civil Society Briefs: Vietnam / ADB. 2011. P. 1-2. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28969/csb-vie.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).
11. Clark J. Measuring Think Tank Performance: an Index of Public Profile / J. Clark, D. Roodman // CGD Policy Paper. 2013. P. 1–31.
12. Decree No. 12/2012/ND-CP dated 01/3/2012 on the Registration and Administration of Foreign Non-Governmental Organizations in Vietnam / The Official Site of the Committee for Foreign Non-Governmental Organizations Affairs. 2012. URL: <http://comingo.gov.vn/en/decree-no-12-2012-nd-cp>

dated-01-3-2012-on-the-registration-and-administration-of-foreign-non-governmental-organizations-in-vietnam/ (дата обращения: 25.11.2022).

13. Dictating the Internet: Curtailing Free Expression and Information Online in Vietnam / International Commission of Jurists. 2020. P.34-35. URL: <https://www.ecoi.net/en/document/2044743.html> (дата обращения: 25.11.2022).

14. Douglass C.N. Institutions and Economic Growth: An historical Introduction / C. N. Douglass // World Development. 1989. Vol. 17. № 9. P. 1319–1332.

15. Elliott W. Think Tank Typologies: Which Typology Best Fits with the Mission and Core Values of NCAI Policy Research Center? / W. Elliott, S. Hicks, S. Finsel // NCAI. 2005. P. 1-27.

16. Fraussen B. Think tanks and strategic policymaking: the contribution of think tanks to policy advisory system / B. Fraussen, B. Halpin // Policy Sciences. 2017. P. 105–124.

17. Freedom in the world 2021: Vietnam Statistics / Freedom House. 2021. URL: <https://freedomhouse.org/country/vietnam/freedom-world/2021> (дата обращения: 25.11.2022).

18. Gainsborough M. Political Change in Vietnam: In Search of the Middle-Class Challenge to the State / M. Gainsborough // Asian Survey. 2002. Vol. 41. № 5. P. 694–707.

19. Hauck J. What are "Think Tanks"? Revisiting the Dilemma of the Definition / J. Hauck // Brazilian Political Science Review. 2017. Vol.11. № 2. P. 1–30.

20. Koh D. State-Society Relations in Vietnam: Strong or Weak State? / D. Koh // Southeast Asia Affairs. 2001. P. 369–386.

21. Let us breathe! Censorship and Criminalization of Online Expression in Viet Nam / Amnesty International. 2020. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/asa41/3243/2020/en/> (дата обращения: 25.11.2022).

22. McGann J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / J. McGann // TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 2021. 372 p.

23. Medvetz T. Hybrid intellectuals: Toward a social praxeology of U.S. think tank experts / T. Medvetz // Organizations and Politics. 2006. 48 p.

24. Medvetz T. Think Tank as an Emerging Field / T. Medvetz // Social Science Research Council. 2008. 10 p.

25. Misztal B. Public Intellectuals and Think Tanks: A Free Market in Ideas? / B. Misztal // International Journal of Politics, Culture, and Society. 2012. Vol.25. № 4. P. 127–141.

26. Norlund I. The Emerging Civil Society: An Initial Assessment of Civil Society in Vietnam / I. Norlund // CIVICUS Civil Society Index. 2006. 171 p.

27. Open Letter: Viet Nam Must Respect Human Rights in the Cybersecurity Law: letter of appeal, 18.10.2018. / Amnesty International. 2 p. URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/05/ASA4192582018ENGLISH.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

28. Rich A. Think Tanks in Policy Making – Do They Matter? / A. Rich // Briefing Paper Shanghai Special Issue. 2011. P. 1–63.

29. Salman A. Think Tanks and Public Policy: Building Bridges or Creative Destruction? / ipa public policy. 22 p. URL: <https://www.iprapublicpolicy.org/file/paper/592c3447652cf.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

30. Stone D. Recycling Bins, Garbage Cans or Think Tanks? Three Myths Regarding Policy Analysis Institutes / D. Stone. – The University of Warwick. 2007. 31 p.

31. Vietnam Corruption Perceptions Index / Transparency International. 2020. URL: <https://www.transparency.org/en/countries/vietnam> (дата обращения: 25.11.2022).

32. Weaver K. The Changing World of Think Tanks / K. Weaver // Political Science & Politics. 1989. Vol.22. № 3. P. 563–578.

33. Wischermann J. Civic Organizations in Vietnam's One-Party State: Supporters of Authoritarian Rule? / J. Wischermann // GIGA Working Papers. 2013. № 228. 25 p.

34. Wischermann J. Under the State's Thumb: Results from an Empirical Survey of Civic Organizations in Vietnam / J. Wischermann // GIGA Working Papers. 2015. № 276. 33 p.

35. Đại hội đại biểu toàn quốc MTTQ Việt Nam lần thứ IX / Cổng thông tin điện tử của Mặt Trận Tổ Quốc Việt Nam. 19.09.2019. = Девятый национальный съезд Отечественного фронта Вьетнама // Портал Отечественного фронта Вьетнама. 19.09.2019. URL: <http://mattran.org.vn/cac-ky-dai-hoi/dai-hoi-ix-2019-32536.html> (дата обращения: 25.11.2022).

36. Hiến pháp nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam, Chế Độ Chính Trị, 28.11.2013. / Cổng Thông tin điện tử Chính phủ. 2013. = Конституция Социалистической Республики Вьетнам, политический режим. 28.11.2013. // Правительственный портал. 2013. URL: <https://cpv.ctu.edu.vn/images/upload/vanbanquy dinh/phapquyen/Hien%20phap%202013.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

References

1. Davyborets E.N. The role of objective factors in shaping the image of Russia // *Vestnik ZabGU*. No. 5 (120). 2015. P. 66–74.
2. Davyborets E.N. The role of factors of subjective perception of an object in shaping the image of the state // *Bulletin of the ZabGU*. No. 10 (125). 2015. P. 41–49.
3. Danilova N.Yu. Public policy: from theory to practice / N.Yu. Danilova. St. Petersburg: Aleteyya, 2008. 356 p.
4. Melville A.Yu. Categories of political science / A.Yu. Melville. M.: ROSSPEN. 2002. 649 p.
5. *Political Science: New Directions* / Ed. R. Gudim and others. M.: Veche, 1999. 793 p.
6. Smorgunov, L. V. Public policy: institutions, digitalization, development / L. V. Smorgunov. M.: Aspect Press, 2018. 349 p. (In Russ.).
7. 132/2013/ND-CP: On regulating functions, duties, rights and organizational structure of Ministry of Information and Communication / Official site of Ministry of Information and Communication. 16.10.2013. URL: https://english.mic.gov.vn/Pages/VanBan/11292/132_2013_ND-CP.html (accessed 25.11.2022).
8. Abelson D. Do Think Tanks Matter? Third Edition: Assessing the Impact of Public Policy Institutes / D. Abelson. Quebec: McGill-Queen's Press, 2018. 251 p.
9. Baertl A. De-constructing credibility: factors that affect a think tank's credibility / A. Baertl // *On Think Tank Working Paper 4*. 2018. P. 1–30.
10. *Civil Society Briefs: Vietnam* / ADB. 2011. P. 1-2. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/28969/csb-vie.pdf> (accessed 25.11.2022).
11. Clark J. Measuring Think Tank Performance: an Index of Public Profile / J. Clark, D. Roodman // *CGD Policy Paper*. 2013. P. 1–31.
12. Decree No. 12/2012/ND-CP dated 01/3/2012 on the Registration and Administration of Foreign Non-Governmental Organizations in Vietnam / The Official Site of the Committee for Foreign Non-Governmental Organizations Affairs. 2012. URL: <http://comingo.gov.vn/en/decreed-no-12-2012-nd-cp-dated-01-3-2012-on-the-registration-and-administration-of-foreign-non-governmental-organizations-in-vietnam/> (accessed 25.11.2022).
13. Dictating the Internet: Curtailing Free Expression and Information Online in Vietnam / International Commission of Jurists. 2020. P. 34–35. URL: <https://www.ecoi.net/en/document/2044743.html> (accessed 25.11.2022).
14. Douglass C.N. Institutions and Economic Growth: An historical Introduction / C. N. Douglass // *World Development*. 1989. Vol.17. № 9. P. 1319–1332.
15. Elliott W. Think Tank Typologies: Which Typology Best Fits with the Mission and Core Values of NCAI Policy Research Center? / W. Elliott, S. Hicks, S. Finsel // *NCAI*. 2005. P. 1–27.
16. Fraussen B. Think tanks and strategic policymaking: the contribution of think tanks to policy advisory system / B. Fraussen, B. Halpin // *Policy Sciences*. 2017. P. 105–124.
17. Freedom in the world 2021: Vietnam Statistics / Freedom House. 2021. URL: <https://freedomhouse.org/country/vietnam/freedom-world/2021> (accessed 25.11.2022).
18. Gainsborough M. Political Change in Vietnam: In Search of the Middle-Class Challenge to the State / M. Gainsborough // *Asian Survey*. 2002. Vol. 41. № 5. P. 694–707.
19. Hauck J. What are "Think Tanks"? Revisiting the Dilemma of the Definition / J. Hauck // *Brazilian Political Science Review*. 2017. Vol.11. № 2. P. 1–30.
20. Koh D. State-Society Relations in Vietnam: Strong or Weak State? / D. Koh // *Southeast Asia Affairs*. 2001. P. 369–386.
21. Let us breathe! Censorship and Criminalization of Online Expression in Viet Nam / Amnesty International. 2020. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/asa41/3243/2020/en/> (accessed 25.11.2022).
22. McGann J. 2020 Global Go To Think Tank Index Report / J. McGann // *TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports*. 2021. 372 p.
23. Medvetz T. Hybrid intellectuals: Toward a social praxeology of U.S. think tank experts / T. Medvetz // *Organizations and Politics*. 2006. 48 p.
24. Medvetz T. Think Tank as an Emerging Field / T. Medvetz // *Social Science Research Council*. 2008. 10 p.
25. Misztal B. Public Intellectuals and Think Tanks: A Free Market in Ideas? / B. Misztal // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2012. Vol. 25. № 4. P. 127–141.
26. Norlund, I. The Emerging Civil Society: An Initial Assessment of Civil Society in Vietnam / I. Norlund // *CIVICUS Civil Society Index*. 2006. 171 p.
27. Open Letter: Viet Nam Must Respect Human Rights in the Cybersecurity Law: letter of appeal. 18.10.2018. / Amnesty International. 2 p. URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/05/ASA4192582018ENGLISH.pdf> (accessed 25.11.2022).
28. Rich A. Think Tanks in Policy Making – Do They Matter? / A. Rich // *Briefing Paper Shanghai Special Issue*. 2011. P. 1–63.
29. Salman A. Think Tanks and Public Policy: Building Bridges or Creative Destruction? / *ippa public policy*. 22 p. URL: <https://www.ippapublicpolicy.org/file/paper/592c3447652cf.pdf> (accessed 25.11.2022).

30. Stone D. Recycling Bins, Garbage Cans or Think Tanks? Three Myths Regarding Policy Analysis Institutes / D. Stone. – The University of Warwick. 2007. 31 p.
31. Vietnam Corruption Perceptions Index / Transparency International. 2020. URL: <https://www.transparency.org/en/countries/vietnam> (accessed 25.11.2022).
32. Weaver K. The Changing World of Think Tanks / K. Weaver // Political Science & Politics. 1989. Vol. 22. № 3. P. 563–578.
33. Wischermann J. Civic Organizations in Vietnam's One-Party State: Supporters of Authoritarian Rule? / J. Wischermann // GIGA Working Papers. 2013. № 228. 25 p.
34. Wischermann J. Under the State's Thumb: Results from an Empirical Survey of Civic Organizations in Vietnam / J. Wischermann // GIGA Working Papers. 2015. № 276. 33 p.
35. Ninth National Congress of the Vietnamese Fatherland Front // Fatherland Front Portal Vietnam. 19.09.2019. URL: <http://mattran.org.vn/cac-ky-dai-hoi/dai-hoi-ix-2019-32536.html> (accessed 25.11.2022) (In Viet.).
36. Ninth National Congress of the Vietnamese Fatherland Front // Fatherland Front Portal Vietnam. 19.09.2019. URL: <http://mattran.org.vn/cac-ky-dai-hoi/dai-hoi-ix-2019-32536.html> (accessed 25.11.2022) (In Viet.).

Информация об авторе

Семен Алексеевич Войтов, магистрант Высшей школы экономики, Москва, Россия, e-mail: cema2055@gmail.com

Евгений Викторович Журбей, канд. ист. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия; доцент кафедры Гуманитарных и социально-экономических наук филиала Владивостокского государственного университета, Находка, Россия, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Information about the author

Semyon A. Voitov, Master student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: cema2055@gmail.com

Evgeniy V. Zhurbey, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; Associate Professor, Department of Humanities and Social and Economic Sciences, Vladivostok State University Branch, Nakhodka, Russia, e-mail: zhurbey.ev@dvfu.ru

Поступила в редакцию 19.01.2023

Одобрена после рецензирования 12.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Received 19.01.2023

Approved 12.05.2023

Accepted 18.05.2023

Сообщение
УДК 316.4 (571:517.3).
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/171-174>

"Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития" (о международном научном семинаре в столице Монголии)

Мунхбат Оролмаа
Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия, munkhbat@num.edu.mn
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru

Аннотация. В сообщении представлен обзор основных мероприятий международного научного семинара "Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития". В ходе работы были обсуждены вопросы текущего и перспективного социально-экономического, социокультурного, социально-политического, демографического, пространственно-территориального развития стран и регионов Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: социальные процессы, региональное развитие, Россия, Монголия, Северо-Восточная Азия

При финансовой поддержке Российского центра научной информации (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-511-44003 и Фонда науки и технологий, Министерства образования и науки Монголии в рамках научного проекта № ШУТ-2021/329 "Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР"

Для цитирования: Мунхбат Оролмаа, Винокурова А. В. "Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития" (о международном научном семинаре в столице Монголии) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 2. С. 171–174. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/171-174>

Message
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/171-174>

"The Social Processes in the North-Eastern Asia: Current Status and Development Trends" (about International Scientific Seminar in the Capital of Mongolia)

Munkhbat Orolmaa
National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, munkhbat@num.edu.mn
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova77@mail.ru

Abstract. The report presents an overview of the main events of the international scientific seminar "The Social Processes in the North-Eastern Asia: Current Status and Development Trends". During the work, issues of the current and future socio-economic, socio-cultural, socio-political, demographic, territorial development of the countries and regions of North-Eastern Asia were discussed.

Key words: social processes, regional development, Russia, Mongolia, North-Eastern Asia

The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-511-44003 "Russian and Mongolian migrant workers in the Asia-Pacific region"

For citation: Munkhbat Orolmaa, Vinokurova A. V. "The Social Processes in the North-Eastern Asia: Current Status and Development Trends" (about International Scientific Seminar in the Capital of Mongolia) // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 2. P. 171–174. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/171-174>

3–5 мая 2023 года в столице Монголии – городе Улан-Батор – на базе Монгольского государственного университета (МонГУ) состоялся международный научный семинар "Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития". Мероприятие было организовано Институтом социальных исследований и Ulaanbaatar School МонГУ. Также партнёрская поддержка была оказана со стороны Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (ШИГН ДВФУ). Семинар был реализован при финансовой поддержке Российского центра научной информации (РФФИ) и Фонда науки и технологий, Министерства образования и науки Монголии в рамках научного проекта "Российские и монгольские трудовые мигранты в странах АТР".

В работе семинара приняли участие российские и монгольские исследователи из Улан-Батора, Улан-Удэ, Читы, Абакана, Владивостока, Якутска (см. фото 1).

Фото 1. Участники научного семинара "Социальные процессы в Северо-Восточной Азии: современное состояние и тенденции развития".

Foto 1. Participants of the scientific seminar "Social processes in Northeast Asia: current state and development trends".

Источник: личный архив А.В. Винокуровой.

Source: the personal archive of A.V. Vinokurova.

Свои доклады представили учёные из Монгольского государственного университета, Института философии Монгольской академии наук (ИФ МАН), Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (БГУ), Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), Забайкальского государственного университета (ЗабГУ), Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ), Дальневосточного федерального университета, Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (СВФУ) и др.

Основная цель мероприятия заключалась в широком обсуждении вопросов текущего и перспективного социально-экономического, социокультурного, социально-политического, демографического, пространственно-территориального развития стран и регионов Северо-Восточной Азии (СВА). Ключевые доклады планируется опубликовать в сборнике материалов по итогам семинара.

В своём приветственном обращении директор Школы искусств и наук Монгольского государственного университета, Ph.D., профессор Д. Заяаабаатар отметил, что проводимое мероприятие является примером эффективного сотрудничества между вузами Монголии и Дальнего Востока России. Главное – реальный обмен опытом между монгольскими и российскими учёными, возможность обсудить теоретические подходы и практические инструменты для дальнейших совместных исследований социальных процессов в странах и регионах СВА.

Работа семинара началась с утренней сессии, в основном тематика представленных докладов касалась регионального развития, миграционных процессов и процессов социальной мобильности, также были затронуты вопросы, связанные с развитием образовательной сферы. В. А. Родионов, доктор политических наук, доцент, директор Восточного института БГУ, в своём выступлении обратился к проблемам глобальной нестабильности, проявляющихся во всех сферах жизнедеятельности современного социума. Особое внимание было уделено развитию социально-политической ситуации в Монголии.

Далее была представлена серия докладов, посвящённая проблематике миграции и социальной мобильности населения современной Монголии. Динамика миграционных процессов подробно была рассмотрена Ц. Цэцэнбилэг,

Ph.D., ассоциированным профессором, научным сотрудником отдела социологии ИФ МАН, в своём выступлении она проанализировала потоки международной и внутренней миграции в Монголии через призму социальной мобильности, изменения социального статуса мигрантов. Данная тема была продолжена в докладе Ph.D., профессора, руководителя Института социальных исследований, директора Ulaanbaatar School МонГУ О. Мунхбата. Основное внимание было уделено результатам социологического исследования, проведённого в рамках грантового проекта "Российские и монгольские миграции в странах АТР", были раскрыты особенности содержания и реализации жизненных стратегий монгольских трудовых мигрантов, выезжающих с целью ведения трудовой деятельности в различные государства Азиатско-Тихоокеанского региона. Также обзор некоторых результатов указанного гранта был представлен в докладе А. В. Винокуровой, кандидата социологических наук, доцента, доцента ШИГН ДВФУ. Были затронуты аспекты, касающиеся образовательной миграции из Монголии в страны АТР, которая связана с дальнейшими перспективами трудоустройства, профессиональной самореализацией как за рубежом, так и в Монголии.

Тенденции развития социальных процессов в сфере образования были рассмотрены и в выступлениях исследователей из Забайкальского и Бурятского государственных университетов. Так, И. В. Куприяшкин, кандидат философских наук, проректор по науке и инновациям ЗабГУ, отметил, что в настоящее время роль университетов в социально-экономическом развитии регионов, в том числе и на Дальнем Востоке, становится всё более и более значимой. Университеты вносят существенный вклад в обеспечение кадрового, научно-технологического и инновационного развития отраслей и территорий. В докладе Т. Б. Бадмацзыренова, доктора социологических наук, доцента, зав. кафедрой политологии и социологии БГУ, основное внимание было уделено истории и современному состоянию буддийского образования в России. Особо было подчёркнуто, что все виды буддийского образования направлены на изучение как религиозных, вероучительных основ буддизма, так и философского компонента буддизма.

Далее работа семинара была продолжена в рамках дневной сессии. Свои доклады представили молодые учёные из Монгольской академии наук и Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. О. В. Лушникова, кандидат социологических наук, и Е. Е. Тиникова, кандидат исторических наук, с. н. с. ХакНИИЯЛИ, рассказали о потенциале развития региональных этноэкономик и традиционных способах ведения хозяйства хакасов. Также Е. Е. Тиникова выступила с докладом, где были представлены предварительные результаты исследования, касающегося динамики межнациональных браков в полиэтничной среде Республики Хакасия.

Факторы сегрегации городского пространства Улан-Батора были подробно освещены в выступлении научного сотрудника отдела социологии ИФ МАН Е. Ундрал. Как было отмечено, в последние двадцать лет наблюдается усиление процессов урбанизации, растёт интенсивность миграции из аймаков в Улан-Батор, в результате чего появляются бедные районы на окраинах столицы. Основными факторами социально-пространственной сегрегации являются различия в уровне жизни, образовании и социальном статусе городского населения. В докладе Д. Номун-Эрдэнэ, научного сотрудника Института философии Монгольской академии наук были проанализированы процессы социальной мобильности в контексте старения населения. Особое внимание было уделено тому, что в ближайшем будущем устойчивое развитие общества будет определяться степенью интеграции пожилых людей в экономическую, политическую, культурную, образовательную и другие сферы жизнедеятельности. Выступление научного сотрудника ИФ МАН Б. Энхчимэг было посвящено проблемам молодёжи в контексте социальных рисков в цифровую эпоху. Цифровые технологии являются инструментом масштабных социальных изменений, а молодёжь – активный субъект этих изменений, культуру которого необходимо интерпретировать как культуру всеобъемлющих медиа, конструирующих новый социальный мир.

В завершающей части семинара были представлены доклады в онлайн-формате. Среди основных тем, затронутых выступающими, можно отметить следующие:

- мигранты и миграции в современном мире (доклады канд. социол. наук, доцента ШИГН ДВФУ А. Ю. Ардальяновой; канд. пед. наук, доктора философии (PhD), зав. лабораторией "Центр переводов с восточных языков" ИМБТ СО РАН И. Г. Актамова; канд. ист. наук, доцента СВФУ А. И. Яковлева);
- традиционные семейные ценности и семейные отношения (выступления канд. филос. наук, зав. сектором экономики и социологии ХакНИИЯЛИ И. Н. Трошкиной; канд. социол. наук, доцента БГУ А. М. Бадонова);
- представительство женщин в органах власти (доклад канд. ист. наук, доцента БГУ Е. Л. Бадмацзыреновой);
- качество и доступность транспортных услуг (соавторский доклад канд. социол. наук, специалистов исследовательской группы АНО "Диалог регионы" Л. Н. Чукреевой и Э. С. Гунтыповой).

Помимо основной части семинара, представленной очным заседанием и онлайн-сессией, были проведены рабочие встречи с ректором и руководителями структурных подразделений (кафедры социологии и социальной работы, библиотеки) Монгольского государственного университета. В целом участники семинара отметили высокий научный и профессиональный уровень представленных и обсуждённых докладов. По отзывам слушателей и посетителей, прошедшее мероприятие вызвало большой интерес, позволило пообщаться в неформальной обстановке, укрепить имеющиеся и наладить новые научные и деловые контакты.

Информация об авторах

Мунхбат Оролмаа, Ph.D., профессор, директор Института социальных исследований, декан Ulaanbaatar School Монгольского государственного университета, Улан-Батор, Монголия, e-mail: munkhbat@num.edu.mn

Анна Викторовна Винокурова, канд. соц. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Information about the authors

Munkhbat Orolmaa, Ph.D., Professor, Director of Social Research Institute, Dean of Ulaanbaatar School, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: munkhbat@num.edu.mn

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Поступила в редакцию 15.05.2023

Received 15.05.2023

Принята к публикации 18.05.2023

Accepted 18.05.2023

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), текст статьи, список литературы, аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10). Название, аннотация и ключевые слова, а также сведения об авторе (авторах) предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками **жирным шрифтом**. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Если страница не указывается, а дается ссылка на работы целиком, то их нумерация дается через точку с запятой. Например: [2; 5; 7].
7. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках, также **жирным шрифтом**. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5); (Рукопись Иванова А. К. Из архива автора).
8. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
9. Обязательно применение общепринятых сокращений. Например: г. – год; в. – век. Века прощаются римскими цифрами. Например: XX в.
10. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии.
11. В списке сначала указывается литература на кириллице (начиная с литературы на русском языке), далее на латинице, и после в других системах письма.
12. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена).
13. Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Автор. Название материала // Название сайта. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2022).
14. В англоязычной версии списка литературы ("References") описания всех неанглоязычных публикаций должны быть переведены на английский язык. При этом в скобках после описания публикации должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.).
15. Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен.
16. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution). Образец оформления рукописи, включая список литературы и "References", доступен на сайте журнала.
17. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (DOI), его необходимо указывать. Например: DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landurbplan.2017.05.009>.
18. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,3 п.л.
19. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (jpeg, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Для всех подписей в графиках использовать только шрифт Arial Narrow.
20. Указание источника иллюстраций – обязательно.
21. Русскоязычные заголовки иллюстраций обязательно сопровождаются переводом на английский язык.
22. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
23. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: ojkum@rambler.ru).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2023 № 2 (65).

Подписано к печати 01. 06. 2023 г. Вышло в свет 21. 06. 2023 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,40. Уч. -изд. л. 17,45. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВВГУ
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

